

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1887.

№ 11.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Вопросы г. Соловьева о взаимныхъ отношеніяхъ Церкви восточной и западной и отвѣты на нихъ о. Владиміра Гетте. Т. Стоянова	803—828
Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами? (продолженіе). В. Ковалевскаго	829—857
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	858—864
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ рациональнаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Будрявцева	501—528
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго	524—545
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	546—556
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои за службу по епархіальному вѣдомству Всемилостивѣйше удостоены въ 5 день апрѣля 1887 года наградъ Высочайше жалуетыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки. Некрологи.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1887.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторій философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юня 15 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Вопросы г. Соловьева о взаимныхъ отношеніяхъ
Церкви восточной и западной и отвѣты на нихъ
о. Владиміра Гетте.

I.

Еще въ прошломъ году въ печати появились вопросы г. Соловьева, предложенные имъ о. Иванцову-Платонову, извѣстному русскому профессору и ученому богослову, а въ лицѣ его и всѣмъ православнымъ богословамъ, съ цѣлію помочь дѣлу возстановленія союза Церкви восточной съ западною. Вопросы эти первоначально напечатаны были въ малораспространенномъ французскомъ журналѣ „Revue de l'Eglise grecque-unie“, оттуда перепечатаны въ „L'Univers“ и „L'Union Chretienne“, и наконецъ въ переводѣ съ французскаго языка на русскій появились въ нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ журналахъ и газетахъ. Эти вопросы не остались незамѣченными въ литературѣ, хотя и не вездѣ въ одинаковой степени. Французская клерикальная печать привѣтствовала появленіе ихъ какъ фактъ многозначительный, какъ событіе, какъ великое движеніе въ нѣдрахъ русской Церкви. Вотъ напримѣръ, что говоритъ „L'Univers“ по поводу этихъ вопросовъ: „Въ то время, какъ шумное вмѣшательство Россіи въ дѣла Болгаріи привлекаетъ вниманіе политическаго міра къ замысламъ великой славянской имперіи,—въ направленіи вѣроуваній С.-Петербурга совершается фактъ, хотя частный, тѣмъ не

менѣе имѣющей важное значеніе (*une portée considérable*). Въ самомъ дѣлѣ, въ фактѣ этомъ надобно видѣть доказательство появленія безпокойства среди извѣстнаго числа выдающихся умовъ относительно православія Церкви *схизматической*. Превосходный журналъ „*Revue de l'Eglise grecque-unie*“, обращающій вниманіе на этотъ фактъ, возвѣщаетъ о немъ подъ громкимъ названіемъ: „Событіе“. Итакъ въ Петербургѣ совершается очень важное для латинской церкви событіе. Судя по этимъ громкимъ фразамъ, можно подумать, что „*L'Univers*“ сознательно, или бессознательно введенъ въ обманъ своимъ клерикальнымъ собратомъ „*Revue de l'Eglise grecque-unie*“; но не то открывается изъ дальнѣйшихъ разсужденій „*L'Univers*“. Указавши кто авторъ этихъ вопросовъ и кому они предложены для разрѣшенія, перепечатавши ихъ на своихъ страницахъ, „*L'Univers*“ продолжаетъ затѣмъ: „никогда еще вопросы, возбужденные между Востокомъ и Западомъ, не были поставлены съ такою откровенностію; никогда затрудненія не были освѣщены свѣтомъ столь благопріятнымъ для миролюбиваго рѣшенія дѣла и для возстановленія соглашенія столь желательнаго. Легко видѣть, что вопросы эти предложены въ такомъ духѣ, что отвѣтъ самаго автора на нихъ долженъ быть почти тождественнымъ съ отвѣтомъ церкви католической - римской. Кто высказываетъ подобнаго рода недоумѣнія, тотъ уже отрѣшился отъ православія. Авторъ нисколько не притворяется въ томъ, что именно ради возстановленія союза между двумя церквами онъ возбуждаетъ споръ о предметахъ, раздѣляющихъ эти церкви. Вопросы предложены всѣмъ членамъ *схизматической* іерархіи. Отъ Церкви Русской требуютъ оправдать свой разрывъ съ Римомъ и свое частное вѣроисповѣданіе. Можетъ-ли она не обратить вниманіе на воззваніе, обращенное къ ней однимъ изъ ея членовъ?“ Но этого мало. Журналъ говоритъ еще: „Чтобы рѣшиться возвысить свой голосъ въ пользу единенія (надобно понимать, подчиненія Риму), авторъ вопросовъ долженъ былъ почувствовать себя опирающимся на сознаніе значительнаго числа своихъ единовѣрцевъ, которые проникнуты одинаковыми сомнѣ-

ніями и испытываютъ однѣ и тѣ-же безпокойства. А въ этомъ и состоитъ указаніе на состояніе умовъ съ хорошими предзнаменованіями. Вопросы такъ поставленные интересны для всѣхъ любознательныхъ католиковъ, для всѣхъ тѣхъ, которые сердечно желаютъ возстановленія союза. Они послужатъ точкою отправленія для публичнаго спора, который не можетъ не выяснить, съ одной стороны, истину римской церкви, а съ другой—заблужденіе схизмы. Мы будемъ имѣть отвѣтъ Церкви восточной *не воссоединенной* и она сама должна будетъ сознаться, что Фотій служитъ для нея основаніемъ лишь призрачнымъ и обманчивымъ. Соображенія эти частію оправдываются и соборомъ Флорентійскимъ, на которомъ только споръ схизматической Церкви о (патріаршихъ) титулахъ помѣшалъ достигнуть соглашенія“. Но особенно интересны слѣдующія сужденія французскаго журнала:

„Въ полемикѣ, которая теперь открывается, быть можетъ, лежитъ начало возвращенія къ церковному единенію. Именно вслѣдствіе споровъ съ протестантами началось въ Англіи движеніе къ обращенію ихъ въ католицизмъ. Мы привѣтствуемъ благородную инициативу г. Владиміра Соловьева (журналъ пишетъ Solovico), въ надеждѣ, что она не останется безплодною. Его вопросы обращены ко всѣмъ образованнымъ и искреннимъ русскимъ людямъ; они суть воззваніе къ честнымъ совѣстямъ. Полемика докажетъ, что схизма Фотія имѣетъ свое начало лишь въ честолюбіи этого патріарха, и что кромѣ политики, нѣтъ другаго препятствія для возвращенія греческой схизматической Церкви къ Риму. Чѣмъ болѣе эта отдѣлившаяся Церковь близка къ церкви католической по своей вѣрѣ и по своимъ преданіямъ, тѣмъ легче будетъ для нея возвратиться къ ней, если только преемники Александра 1-го вернутся къ тѣмъ чувствамъ этого государя, столь законнымъ и столь просвѣщеннымъ, которыя заставляли его находить интересъ даже самой Россіи въ соединеніи съ Римомъ. Цари не должны забывать, что именно схизма погубила имперію, которую они мечтаютъ возстановить въ Константинополѣ“.

Французскій журналъ, замѣчаетъ на это о. Владиміръ Гетте, пишетъ *глупости* въ пользу фанатическихъ невѣждъ и при этомъ обнаруживаетъ абсолютное непониманіе взаимныхъ отношеній православія и напизма, такъ что столь обычные латинскія разглагольствія его не заслуживаютъ даже опроверженія, по своему *невѣжеству*. Замѣчаніе это со стороны о. Владиміра, быть можетъ, отзывается нѣкоторою строгостію: но оно искренно и правдиво. Безъ сомнѣнія, французскій журналъ намѣренно искажаетъ дѣло и этимъ сознательно вводитъ своихъ читателей въ обманъ. Но не то, повидимому, надобно сказать о самыхъ вопросахъ г. Соловьева. Они принадлежатъ перу писателя, искренно убѣжденнаго въ преимуществахъ западной церкви предъ восточной, который однако-же не хочетъ покрыть себя позоромъ измѣны предъ родною Церковью. Онъ ищетъ, какъ кажется, отвѣта на свои сомнѣнія и недоумѣнія, не имѣя возможности самъ справиться съ ними. Онъ думаетъ даже, что своими вопросами, предложенными восточнымъ богословамъ, поставляетъ ихъ въ неизбежную альтернативу: или признать себя заблуждающимися, или оставаться совершенно безотвѣтными. Всего этого, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы вопросы г. Соловьева подверглись безпристрастной оцѣнкѣ въ нашей духовной литературѣ. А между тѣмъ, этого нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей русской литературѣ. Кромѣ не большихъ замѣтокъ, болѣе или менѣе дѣльныхъ, касавшихся внѣшняго характера этихъ вопросовъ, ихъ главнаго направленія и цѣли, въ нашей духовной журналистикѣ не появлялось отвѣта на нихъ строго научнаго, строго богословскаго, задавашагося цѣлію рѣшить вопросы по существу, каково-бы ни было это рѣшеніе. Наши журналы и газеты какъ будто-бы намѣренно хранятъ молчаніе въ отношеніи къ нимъ. Чѣмъ можно объяснить это странное явленіе, это *conjunction du silence*, этотъ заговоръ молчанія?... Совершенно иначе отнесся къ вопросамъ г. Соловьева французскій журналъ „L'Union Chretienne“, издаваемый подъ редакціею о. Владиміра Гетте. Журналъ не только посвятилъ этимъ вопросамъ на своихъ страни-

цахъ цѣлый рядъ не большихъ статей (См. № 12. 1886 г., №№ 1, 2, 3. 1887 г.), но и вошелъ въ полемику по поводу ихъ съ „Revue de l'Eglise grecque-unie“ и обязательно предлагаетъ взаимное безпристрастное обсужденіе ихъ, какъ латинскимъ богословамъ, такъ и самому г. Соловьеву. Онъ надѣется, что безпристрастное обсужденіе этихъ вопросовъ, если и не можетъ рѣшить дѣла, то во всякомъ случаѣ будетъ способствовать взаимному сближенію разномыслящихъ. Статьи L'Union Chretienne, о которыхъ мы говоримъ, представляются намъ настолько дѣльными и основательными, что мы хотѣли-бы познакомить съ ними нашихъ читателей, почти въ буквальномъ изложеніи ихъ. Отдѣльныя мысли и замѣчанія, помѣщенные въ статьяхъ первыхъ трехъ книжекъ журнала за н. г., легко могутъ быть присоединены къ основнымъ или первоначальнымъ отвѣтамъ, помѣщеннымъ въ послѣдней книжкѣ журнала за прошлый годъ, такъ какъ онѣ служатъ дальнѣйшимъ развитіемъ, поясненіемъ и дополненіемъ ихъ. Въ надлежащихъ мѣстахъ, мы постараемся указать эти дополненія и поясненія заимствованныя изъ дальнѣйшихъ статей. Но прежде мы должны представить въ русскомъ переводѣ самые вопросы г. Соловьева въ томъ видѣ, какъ они напечатаны на французскомъ языкѣ въ „L'Union Chretienne“. Вотъ эти вопросы:

I.

„Каноны Вселенскихъ соборовъ, предписывая, чтобы Вѣра Никейская была сохраняема не поврежденною, имѣютъ-ли въ виду смыслъ, или только букву символа Никео-Цареградскаго?“

II.

„Слово Filioque, прибавленное къ первоначальному тексту символа Никео-Цареградскаго, заключаетъ-ли въ себѣ неизбежно ересь? Если „да“, то какой Вселенскій соборъ осудилъ эту ересь?“

III.

„Если указанное прибавленіе (Filioque), которое появилось въ западныхъ церквахъ въ VI вѣкѣ и которое было извѣстно на Во-

стокѣ въ срединѣ VII вѣка, содержитъ въ себѣ ересь, то какъ случилось, что два послѣдніе Вселенскіе собора, шестой въ 680 и седьмой въ 787 г., не осудили этой ереси и не предали анафемѣ тѣхъ, которые приняли ее, но напротивъ остались въ церковномъ общеніи съ ними?...

IV.

Если не возможно утверждать навѣрное, что эта прибавка есть ересь, то не вольно-ли всякому православному слѣдовать въ этомъ пунктѣ мнѣнію Св. Максима Исповѣдника, который въ своемъ письмѣ къ пресвитеру Марину оправдываетъ вышесказанное прибавленіе и даетъ ему смыслъ православный? "...

V.

„Кромѣ Filioque какія другія еретическія ученія существуютъ въ римской церкви и на какихъ Вселенскихъ соборахъ они были анаематствованы?“

VI.

„Въ случаѣ, если-бы нужно было признать, что римская церковь не виновна въ ереси, а только въ схизмѣ, то, такъ-какъ схизма, по точному опредѣленію Св. Отцевъ, имѣетъ мѣсто тогда, когда одна часть Церкви, состоящая изъ духовныхъ или свѣтскихъ лицъ, по какому-либо обрядовому вопросу, или вопросу благочинія, отдѣляется отъ законной церковной власти—спрашивается отъ какой церковной-законной власти отдѣлилась римская церковь?“

VII.

„Если римская церковь не виновна въ ереси, и если она не можетъ находиться въ состояніи схизмы, не имѣя надъ собою власти, отъ которой могла-бы отдѣлиться, то не слѣдуетъ-ли допустить, что эта церковь пребываетъ главною составною частію единой соборной Церкви Христовой, и что такимъ образомъ раздѣленіе церквей не имѣетъ для себя основанія истинно-религіознаго и церковнаго, и есть только дѣло человѣческой политики?“

VIII.

„Если наше отдѣленіе отъ римской церкви не опирается ни на какомъ, дѣйствительно допустимомъ, началѣ, то всѣ мы Православные христіане, имѣя въ виду болѣе цѣли Божественныя, чѣмъ человѣческія, не должны-ли дѣятельно стараться о восстановленіи единства Церкви восточной съ западною, и это для блага всей Церкви?“

IX.

„Если восстановленіе церковнаго общенія между Восточными и Западными православными составляетъ для насъ обязанность, то должны-ли мы замедлять исполненіе этой обязанности, подъ предлогомъ прегрѣшеній и несовершенствъ другой стороны?“

Вотъ вопросы, на которые „L'Union Chretienne“ отвѣчаетъ рядомъ своихъ статей. Статьи эти, напечатанныя безъ подписи автора, безъ сомнѣнія, принадлежатъ перу редактора журнала, о. Владиміру Гетте, какъ это несомнѣнно открывається изъ многихъ мѣстъ этихъ-же статей. Полемизируя напр. съ „Revue de l'Eglise grecque-unie“, авторъ отвѣтовъ говоритъ о себѣ, что онъ хорошо извѣстенъ французской публикѣ; что ему неоднократно, и письменно и устно, предлагали возвратиться въ нѣдра латинской церкви; что принявши православіе, онъ не измѣнилъ этимъ древнему правилу вѣры, нѣкогда принимаемому и латинскою церковію; что онъ своими литературными произведеніями уже давно открыто защищаетъ истинность своихъ убѣжденій; что онъ посвятилъ себя церковно-исторической наукѣ, писалъ о папствѣ еретическомъ и схизматическомъ и т. п. Все это такія черты, которыя несомнѣнно изображаютъ намъ свѣтлую личность о. Владиміра Гетте. Да, только онъ съ полнымъ правомъ можетъ говорить о себѣ своимъ латинскимъ антагонистамъ: „Ничто не мѣшаетъ намъ возвратиться въ церковь папистскую, двери ея открыты предъ нами на-стежъ; это намъ говорятъ, объ этомъ намъ

пишутъ. Если-же мы не входимъ въ эту дверь, то единственно потому, что наша совѣсть воспрещаетъ намъ это дѣлать“.

О. Владиміръ Гетте не сомнѣвается, что вопросы эти принадлежатъ г. Соловьеву. О. Гетте это извѣстно официально (*officiellement*), и онъ лишь съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, почему г. Соловьевъ заявляетъ въ „Новомъ Времени“ ¹⁾ что будто, кромѣ статьи въ Хорватской газетѣ „*Katolicky List*“ о православіи, онъ ничего не печаталъ за границею? Почему онъ не упоминаетъ еще о своихъ вопросахъ? Но объясненія всего этого надобно уже искать въ характерѣ самыхъ вопросовъ. Какой же ихъ характеръ? О. Владиміръ Гетте говоритъ: „если бы г. Соловьевъ захотѣлъ хорошо освѣдомиться о томъ, что написано въ „*Revue de l'Eglise grecque-unie*“ и *L'Univers*“ по поводу его вопросовъ, то онъ увидѣлъ бы, что оба эти журнала, всецѣло преданные дѣлу папизма, не обманываются относительно основныхъ тенденцій его вопросовъ. Авторъ и его два апологета вообразили, что указанные вопросы суть на самомъ дѣлѣ сѣти, которыхъ крѣпкія и искусныя петли не дадутъ православному, попавшему въ нихъ, вырваться изъ нихъ. Увы! это доказываетъ только невѣжество (*ignorance*) тѣхъ, которые придаютъ столь огромную важность вопросамъ, тысячу разъ опровергнутымъ и представляющимъ имъ новыми лишь потому, что они не знакомы съ прежними. Г. Владиміръ Соловьевъ представляется папистамъ, рассуждавшимъ о его вопросахъ, измѣнникомъ Церкви, въ которой онъ рожденъ, желающимъ скрыть свою измѣну подъ маскою лицемѣрія. Подобныя явленія не новы. Мы знаемъ напримѣръ Николая Голицына, который предшествовалъ ему въ этой, малопочетной карьерѣ. Предположимъ однакоже, что французскія корреспонденты не поняли его намѣреній; тѣмъ лучше для него. Мы не имѣемъ намѣренія причинять ему какихъ либо огорченій. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу его

¹⁾ „Новое Время“ 1886 г. № 3864.

сужденій, высказанныхъ въ „Новомъ Времени“. Его мнѣніе о православіи двухъ Церквей, восточной и западной, безусловно ложно по той простой причинѣ, что обѣ Церкви противоположны одна другой по своимъ основнымъ христіанскимъ положеніямъ. Какимъ образомъ, двѣ Церкви, предлагающія ученіе противорѣчивое, равно могутъ быть православными? Разумно-ли признавать возможнымъ единеніе между двумя подобными Церквами, если только одна изъ нихъ не откажется отъ своихъ заблужденій? Мы обращаемъ также вниманіе г. Владиміра Соловьева и на то, что онъ не прицаетъ людей, которые оставляютъ одну Церковь, чтобы перейти въ другую. Онъ не хочетъ бросать камня въ тѣхъ, которые поступаютъ подобнымъ образомъ. Это очень любезно съ его стороны, потому что безъ этого намъ лично пришлось бы испытать пріятности огромнаго булыжника. Но недостаточно воздерживаться отъ бросанія камней въ ближняго, преданнаго своимъ убѣжденіямъ; надобно прежде сказать ему, обманывается ли онъ, или преданъ истинѣ? Какимъ образомъ, г. Соловьевъ могъ, какъ самъ заявляетъ, отговаривать православныхъ отъ присоединенія къ церкви папистской? Очевидно не иначе, какъ доказывая имъ, что Церковь православная исповѣдуетъ истинное христіанство. Но какъ можно доказывать это, не доказывая въ то же время, что церковь папистская заблуждается? Мы предлагаемъ эти вопросы, не имѣя возможности отвѣчать на нихъ. Если же для отклоненія отъ латинства православныхъ христіанъ, совѣтовавшихся съ нимъ, онъ доказывалъ имъ, что церковь папистская заблуждается; то какимъ образомъ въ то же время онъ могъ убѣждать ихъ, что папистское заблужденіе и православная истина могутъ совмѣстно составлять единую воссоединенную Церковь? Если же, не смотря на противорѣчія въ ученіи, онъ все же считаетъ возможнымъ домогаться церковнаго единенія; то ему остается сдѣлать дальнѣйшій шагъ: пусть онъ объявитъ, что различныя протестантскія церкви столько же православны, какъ и Церкви восточная и папистская. А при нѣкоторомъ усилии воли, пусть привлечетъ къ единенію и магометанство, и буддизмъ,—и міръ религіозный

при всемъ своемъ различіи представитъ тогда самую трогательную картину вселенскаго единенія!“....

Такъ смотритъ на вопросы г. Соловьева о. Владиміръ Гетте съ общей точки зрѣнія. Намъ казалось тѣмъ болѣе необходимымъ познакомить читателей съ этою общою точкою зрѣнія его, что она же отражается и во всѣхъ частныхъ отвѣтахъ на рассматриваемые вопросы. О. Владиміръ, какъ это очевидно, признаетъ эти вопросы не примирительными, а латинскими, лишь замаскированными личиною безпристрастія. Предпославши эти общія соображенія, переходимъ теперь къ отвѣтамъ на каждый вопросъ въ частности.

II.

Первый вопросъ г. Соловьева.

Первый и, можно сказать, основной вопросъ г. Соловьева, на который отвѣчаетъ о. Владиміръ Гетте, долженъ быть выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „Каноны Вселенскихъ соборовъ, предписывая, чтобы Вѣра Никейская была сохраняема неповрежденною, имѣютъ ли въ виду смыслъ, или только букву символа Никео-Цареградскаго?“

Отвѣтъ о. Владиміра Гетте.

Каноны Вселенскихъ соборовъ имѣютъ въ виду и букву, и смыслъ, которые не отдѣлимы другъ отъ друга. Смыслъ словъ столько же можетъ быть отдѣляемъ отъ этихъ словъ, какъ самыя слова отъ смысла выражаемаго ими. Смыслъ и буква не могутъ существовать другъ безъ друга. Такимъ образомъ, когда въ символѣ читаютъ: „вѣрую..... въ Духа Святаго, *иже отъ Отца исходящаго*“, слова и смыслъ, соединяемый съ этими словами, выражаютъ, что признаютъ исхожденіе Духа Святаго отъ Отца, согласно съ значеніемъ принимаемыхъ выраженій. Соборы были составляемы изъ людей разумныхъ, не употреблявшихъ словъ, лишенныхъ смысла, и пользовавшихся словомъ для выраженія того, чему вѣровали. По-истинѣ, нельзя понять, какимъ образомъ

человѣкъ здравомыслящій можетъ сомнѣваться въ этомъ и можетъ спрашивать, надобно ли въ символѣ обращать вниманіе на смыслъ, или на букву, когда смыслъ вытекаетъ изъ буквы, и когда буква употребляется лишь для обозначенія смысла. Таковъ теоретическій отвѣтъ о. Владиміра на этотъ вопросъ въ первой его статьѣ. Въ другой же своей статьѣ, по поводу этого же вопроса, онъ говоритъ: „мы очень хорошо понимаемъ тайную мысль г. Соловьева и видимъ устроенную имъ западную, соединенную съ вопросомъ, повидимому, столь простымъ“. Предлагая свой вопросъ, г. Соловьевъ хочетъ сказать: „Утвердили ли соборы — и ученіе, и букву до такой степени, что теперь уже непозволительно прибавлять къ символу ни единого слова, никакого объясненія къ опредѣленнымъ уже такимъ образомъ истинамъ, никакого осужденія новыхъ ересей?“ Въ этомъ собственно состоитъ сущность спора между греками и латинянами; на эту сторону вопроса обратили свое вниманіе и латинскіе сторонники г. Соловьева. Но и на этотъ оттѣнокъ вопроса о. Владиміръ Гетте даетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, т. е. что соборы утвердили одновременно и смыслъ и букву символа и запретили этимъ дѣлать въ символѣ какія-либо измѣненія, добавленія или разъясненія. Въ доказательство своей мысли онъ ссылается на древній обычай самой римской церкви, на папу Льва III, который рѣшительно запретилъ внести латинское прибавленіе или объясненіе въ символъ, хотя оно теперь и распространено на Западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ второго Вселенскаго собора было много ересей, на примѣръ, была ересь монофизитовъ, моноелитовъ, иконоборцевъ, не говоря уже о менѣе важныхъ еретическихъ толкахъ, и однако же отцы послѣдующихъ Вселенскихъ соборовъ не позволяли себѣ дѣлать никакихъ добавленій, опроверженій или разъясненій въ вселенскомъ символѣ по поводу этихъ ересей. Отсюда ясно, что никакая прибавка къ символу не можетъ быть оправдываема ни теоретически, ни практически, т. е. ни общими соображеніями, ни исторіею, бывшихъ послѣ 1-го Константинопольскаго вселенскихъ соборовъ.

Вопросъ второй.

„Слово *Filioque*, прибавленное къ первоначальному тексту символа Никео-Цареградскаго, заключаетъ ли въ себѣ неизбежно ересь? Если „да“, то какой Вселенскій соборъ осудилъ эту ересь?“

Отвѣтъ.

Слово *Filioque*, отвѣчаетъ о. Владиміръ, прибавленное къ первоначальному тексту символа Никео-Цареградскаго, неизбежно содержитъ въ себѣ ересь; потому что выражаетъ ученіе формально противоположное догмату о Святой Троицѣ. Сущность этого догмата состоитъ въ трехъ положеніяхъ: 1) въ Богѣ существуетъ единая сущность; 2) Богъ имѣетъ три различныя Лица; 3) эти Лица различаются между Собою свойствами, Имъ принадлежащими. Свойство Отца состоитъ въ томъ, что Онъ есть *начало*; свойство Сына—*рождаемость*, свойство Духа Святаго—*исхождение*. Сынъ рожденъ Отцомъ, а Духъ Святыи исходитъ отъ Отца. Когда-же говорятъ, что Духъ Святыи исходитъ также и отъ Сына, то Сыну приписываютъ свойство быть началомъ, т. е. приписываютъ отличительное свойство Отца; даютъ Сыну это свойство въ соучастіи съ Отцемъ, то есть смѣшиваютъ личное свойство Сына съ личнымъ свойствомъ Отца; и слѣдовательно, колеблютъ то, что составляетъ существенную основу Троичности—личное различіе Св. Троицы; и такимъ образомъ скрыто отвергаютъ это таинственное ученіе. Но колебать, или отвергать откровенное ученіе, всегда признаваемое и исповѣдуемое Церковію Вселенскою, это значитъ впадать въ ересь.

„Какой Вселенскій соборъ осудилъ эту ересь?“ Эта часть вопроса, продолжаетъ о. Владиміръ, представляется намъ по-истинѣ наивною. Авторъ вопросовъ долженъ-же знать, что прибавка *Filioque* получила извѣстную важность на Западѣ только въ царствованіи Карла; что на Востокѣ вопросъ этотъ почти былъ неизвѣстенъ до половины девятаго вѣка; что на Востокѣ не могли усвоить вопросу важности, потому что римскій папа,

посредникъ между Востокомъ и Западомъ, протестовалъ противъ Filioque, приказавши вырѣзать символъ по-гречески и полатынѣ на двухъ серебряныхъ доскахъ, безъ прибавки, и приказалъ поставить эти доски возлѣ главнаго алтаря въ Римѣ. Прибавка поэтому не могла тогда вызвать созванія Вселенскаго собора. Когда-же она получила такую важность, что заслуживала разсмотрѣнія на Вселенскомъ соборѣ,—то споръ, возникшій между двумя патріархами, Римскимъ и Константинопольскимъ, сдѣлалъ уже невозможнымъ созваніе подобнаго собора. Послѣдній-же изъ Вселенскихъ соборовъ, второй Никейскій, былъ созванъ прежде, чѣмъ вопросъ о Filioque получилъ нѣкоторую извѣстность; а въ послѣдующее время положеніе церкви не позволяло созвать соборъ. Вотъ почему Filioque не было осуждено ни на какомъ Вселенскомъ соборѣ. Тѣмъ не менѣе оно заключаетъ въ себѣ ересь, и должно быть отвергаемо, какъ еретическое; потому что ереси даетъ бытіе не одно лишь соборное осужденіе, и ересь можетъ существовать и до соборнаго осужденія. Чтобы какое либо новое ученіе заслужило названіе ереси, для этого достаточно, чтобы новость его по своему происхожденію была извѣстна, и чтобы оно было противоположно ученію древнему, всегда принимаемому и исповѣдуемому.

Вопросъ третій.

„Если указанное прибавленіе (Filioque), которое появилось въ западныхъ церквахъ въ VI вѣкѣ и которое было извѣстно на Востокѣ въ срединѣ VII вѣка, содержитъ въ себѣ ересь, то какъ случилось, что два послѣдніе Вселенскіе собора, шестой въ 680 и седьмой въ 787 г., не осудили этой ереси и не предали анафемѣ тѣхъ, которые приняли ее, но напротивъ остались въ церковномъ общеніи съ ними?“...

Отвѣтъ.

О. Владиміръ Гетте говоритъ, что онъ уже отвѣтилъ на этотъ вопросъ, сказавши, что прибавка Filioque прибрѣла из-

вѣстность только въ царствованіе Карла V., къ концу восьмого вѣка и въ началѣ девятого. Шестой и седьмой Вселенскіе соборы, созванные гораздо раньше этого времени, не занимались разсмотрѣніемъ мнѣнія, возникшаго въ Испаніи и тамъ лишь распространявшагося, которымъ не интересовались на Востокѣ. Нѣкоторые восточные ученые могли слышать о прибавкѣ къ символу въ Испаніи, но Востокъ вообще могъ придать этому важность только въ эпоху, когда прибавка, покровительствуемая и распространяемая Карломъ и его учеными, приобрѣла достаточную извѣстность для того, чтобы быть признанною ученіемъ западныхъ. Да и въ царствованіе Карла прибавку еще нельзя было признать ученіемъ западнымъ, потому что церковь римская, первая среди западныхъ церквей, формально отвергала ее. И такъ легко понять, почему собственно шестой и седьмой Вселенскіе соборы не занимались испанскою прибавкою.

Противъ только что изложенныхъ положеній, латинскіе сторонники г. Соловьева возразили, что о. Владиміръ Гетте, высказавши ихъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ собою самимъ, съ одной стороны, утверждая, что *Filioque* содержитъ въ себѣ ересь, а съ другой, что ученіе, обозначаемое этимъ выраженіемъ, долго не имѣло важнаго значенія, оставаясь до девятого вѣка на степени богословскаго мнѣнія. „Пусть „L'Union Chretienne“, говорили латинскіе богословы о. Владиміру, придетъ въ соглашеніе съ самимъ собою, мы оставляемъ ему эту заботу“. О. Гетте на это отвѣчаетъ, что забота эта не представляетъ никакихъ затрудненій, потому что противорѣчіе существуетъ только въ умѣ его ученыхъ противниковъ. Дѣло происходило такъ: Испанская церковь допустила свое *Filioque*. На это не обратили большаго вниманія; даже никакой полемики не возникало по этому поводу до девятого вѣка т. е. до того времени, когда обѣ Церкви, восточная и западная, очутились лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ. Поэтому можно утверждать, что до этой эпохи дѣло не имѣло важности, потому что о немъ даже не разсуждали. Но нельзя сказать, чтобы *Filioque*, разсматриваемое само въ себѣ, не заключало ереси.

Мы показали уже основанія; продолжаетъ о. Владиміръ, для признанія его ересью. И такъ въ чемъ-же состоитъ наше противорѣчіе? Мы ищемъ этого противорѣчія, въ которое впадаемъ, и не находимъ. Развѣ исторически не вѣрно, что споръ между двумя патріархами Римскимъ и Константинопольскимъ сдѣлалъ невозможнымъ созваніе Вселенскаго собора для разсужденій о *Filioque*? Именно это надобно утверждать, держась исторической почвы и не вдаваясь въ теоріи, требующія цѣлыхъ томовъ для своего разсмотрѣнія. Мы держимся только исторіи и утверждаемъ, что обстоятельства помѣшали разслѣдовать испанское ученіе. Съ другой стороны, очевидно, что Церковь православная всегда осуждала ученіе, навязанное римской церкви императорами Карломъ и Генрихомъ I-мъ. Соборъ-же не всегда необходимъ для удостовѣренія въ томъ, что такое или иное ученіе одобряется или осуждается Церковію. Можетъ-ли г. Соловьевъ утверждать, что Церковь православная не осуждаетъ *Filioque*? Если-же она осуждаетъ, то можетъ-ли православный защищать это ученіе? Хотя Церковь православная не осудила на соборѣ вселенскомъ заблужденій церкви римской, тѣмъ не менѣе заблужденія эти предосудительны; потому что всѣ православныя Церкви, голосъ которыхъ соборъ выражалъ-бы собою, осуждаютъ эти заблужденія самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, о. Владиміръ Гетте убѣжденъ, что то или другое ученіе, даже еретическое, можетъ оставаться на степени мнѣнія, когда ему не усвояютъ общеобязательнаго характера и когда на него не обращено вниманіе Церкви; но это-же самое мнѣніе становится положительною ересью, когда его предлагаютъ съ характеромъ общеобязательнымъ и общецерковнымъ, не смотря на его противорѣчіе общепринятому ученію.

Вопросъ четвертый.

„Если невозможно утверждать навѣрное, что эта прибавка есть ересь, то не вольно ли всякому православному слѣдовать въ этомъ пунктѣ мнѣнію св. Максима Исповѣдника, который въ своемъ

письмѣ къ пресвитеру Марину оправдываетъ вышесказанное прибавленіе и даетъ ему смыслъ православный?“...

Отвѣтъ.

Вопрошающій не можетъ себѣ предположить, чтобы возможно было съ достовѣрностію признать латинскую прибавку къ символу—ересью. Мы же, говоритъ о. Владиміръ Гетте, отвѣчая на второй вопросъ, уже показали, что *Filioque* содержитъ ересь рѣшительную, очевидную; потому что допустить исхожденіе Духа Святаго отъ Отца и Сына, это значить усвоить личное свойство Отца Сыну и такимъ образомъ разрушить ученіе о Троичности. Если ересь, содержащаяся въ испанской прибавкѣ, несомнительна: то надобно отвергнуть и слова выражающія ее также, какъ и самое ученіе. Не должно усиливаться сообщать православный смыслъ словамъ, содержащимъ явную ересь. Эта ересь, касающаяся непостижимаго таинства, не можетъ быть даже предметомъ разсужденія. Надобно было бы понять таинство Троицы для созданія теорій о Ней. Но таинство должно быть принимаемо; такимъ, какимъ открыто и какимъ было признаваемо и исповѣдуемо первенствующею Церковію: т. е. надобно вѣрить, что Богъ пребываетъ въ трехъ Лицахъ: каждое Лицо отличается своимъ личнымъ свойствомъ; Отецъ есть начало Сына, *рожденнаго* Имъ, и есть начало Духа Святаго, *исходящаго* отъ Него, какъ положительно учить объ этомъ Евангеліе.

Когда-же хотятъ знать больше, и учить этому большему, то по необходимости вымышляютъ недопустимыя теоріи. Всѣ желавшіе изъяснить прибавку *Filioque* въ православномъ смыслѣ потерпѣли неудачу; потому что они могли учить въ православномъ духѣ не иначе, какъ только отвергая подлинный смыслъ словъ, объясняемыхъ ими. Надобно даже сказать автору вопросовъ, что если-бы и возможно было (чего однакоже нѣтъ) дать православный смыслъ *Filioque*, то и тогда православный не могъ-бы допустить этого. Здѣсь дѣло идетъ не о богословскомъ вопросѣ, по поводу котораго можно предлагать объясненія болѣе или ме-

нѣе вѣроятныя, но о вопросѣ вѣры, которая должна быть принимаема, содержима и исповѣдуема безъ этихъ позднѣйшихъ объясненій. Въ этомъ отношеніи, православный долженъ только знать, что слова, прибавленныя къ символу, запрещены. Безъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ какъ вѣра, выраженная въ символѣ въ Никео-Цареградскомъ, изложена въ ея подлинныхъ выраженіяхъ, можно предоставлять богословамъ нѣкоторую свободу въ дѣлѣ изъясненія символа; но богословіе не есть вѣра, и спрашивая въ своемъ четвертомъ вопросѣ, какое богословское толкованіе приличествуетъ тому или другому члену вѣры, авторъ вопроса вступаетъ на ложный путь и этимъ доказываетъ, что онъ смѣшиваетъ ученіе вѣры съ богословіемъ. Авторъ не отличаетъ точнаго изложенія вѣры отъ богословскихъ толкованій ея. Такъ отвѣтилъ о. Владиміръ Гетте на четвертый вопросъ г. Соловьева въ своей первой статьѣ, когда онъ писалъ свой отвѣтъ въ селѣ, вдали отъ большихъ библіотекъ и слѣдовательно не имѣлъ возможности тщательно провѣрить ссылку г. Соловьева на Св. Максима Исповѣдника.

Въ новой-же и отдѣльной статьѣ подъ названіемъ: „Св. Максимъ Исповѣдникъ и г. Соловьевъ“, онъ занялся этимъ вопросомъ исключительно и тщательно провѣрилъ подлинное ученіе Св. Максима Исповѣдника. О. Владиміръ говоритъ, что для этой цѣли онъ пользовался превосходнымъ экземпляромъ твореній Св. Максима въ два тома, in folio, съ которымъ былъ знакомъ еще прежде, когда занятъ былъ историческими изслѣдованіями о моноелитизмѣ. Изданіе это принадлежитъ доминиканцу Комбѣфизію, напечатавшему творенія св. Максима Исповѣдника, по распоряженію французскаго духовенства. Это духовенство любило нѣкогда поддерживать изданіе святоотеческихъ твореній, сохраняя тѣмъ преданія, потому что оно не вѣрило въ Папу-Бога, который рѣшаетъ всѣ вопросы силою своей непогрѣшимости. Теперь-же французское духовенство (и если-бы только оно одно) не имѣетъ надобности въ памятникахъ преданія, и если иногда пользуется ими, то лишь для искаженія древнихъ тек-

стовъ. Вотъ предварительныя свѣдѣнія, которыя, говоритъ о. Владиміръ, полезно знать папистамъ; но нисколько не будетъ удивительно, если они окажутся полезными и для г. Соловьева, который хочетъ соединить всѣ Церкви подъ верховнымъ авторитетомъ папы. Когда становятся сторонниками папы, то вмѣстѣ съ этимъ обрекаютъ себя и на искаженіе текстовъ; это неизбежно. И въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго, потому что тексты древнихъ документовъ передаютъ преданіе, а папство есть отрицаніе преданія.

Г. Соловьевъ спрашиваетъ о Filioque, нельзя-ли его понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ объясняетъ Св. Максимъ Исповѣдникъ? Прочитавши это, говоритъ о. Владиміръ, мы были изумлены, потому что мы достаточно изучали творенія Св. Максима и не могли-бы не замѣтить столь важной мысли, если-бы она тамъ встрѣчалась. Но такъ какъ наше изученіе происходило уже давно, то мы не хотѣли высказаться прежде новыхъ изслѣдованій. И мы употребили еще достаточно времени на изученіе твореній Св. Максима, чтобы хорошо узнать его ученіе касательно Filioque и исхожденія Св. Духа. И оказалось, что онъ даже не упоминаетъ объ этомъ вопросѣ ни въ единомъ изъ своихъ богословскихъ произведеній, хотя часто говоритъ о божественной сущности и о Святой Троицѣ. Оказалось, что пресвитеръ Маринъ, совѣтовавшійся съ нимъ о многихъ богословскихъ вопросахъ тогда возбужденныхъ, только спрашивалъ его, что онъ думаетъ относительно западнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа. Но и Маринъ ничего не говоритъ о прибавкѣ къ символу Filioque, что составляетъ уже другой вопросъ, который не долженъ быть смѣшиваемъ съ первымъ и который былъ возбужденъ между восточною и западною церковію лишь въ девятомъ вѣкѣ.

По поводу-же исхожденія Св. Духа, пресвитеръ Маринъ говоритъ только, что западные исповѣдуютъ, что Духъ Святой выходитъ (выступаетъ, procedit) отъ Отца и Сына.

Что-же отвѣчаетъ ему Св. Максимъ? Истинное ученіе, говоритъ Св. Исповѣдникъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Отецъ есть начало;

Сынъ является отъ Него *чрезъ рожденіе*, а Духъ Святой *чрезъ исхожденіе*.

Что-же касается западнаго выраженія (*procedit*), то о. Владиміръ говоритъ, что Святой Максимъ, въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ выраженіи, отправляется, безъ сомнѣнія, изъ того положенія, высказаннаго имъ, что на языкѣ западныхъ народовъ нѣтъ лучшаго выраженія для обозначенія истиннаго ученія.

Святой Максимъ не хочетъ вѣрить, чтобы на Западѣ исповѣдовали неправильное (*mauvaise*) ученіе.

Думалъ-ли бы онъ подобнымъ образомъ, если-бы видѣлъ на Западѣ слово *Filioque*, внесеннымъ въ церковный символъ, какъ членъ вѣры? Или если-бы читалъ западныя сочиненія, въ которыхъ говорилось-бы, что Духъ Святой исходитъ отъ Сына, какъ и отъ Отца? Конечно нѣтъ!

Читая снова и перечитывая письмо Св. Максима Исповѣдника къ пресвитеру Марину, мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ г. Соловьевъ могъ открыть въ письмѣ пресловутый прецедентъ, о которомъ говорить, для объясненія *Filioque*, о которомъ Св. Максимъ не говоритъ? Если мы недостаточно проницательны для подобнаго открытія, то быть можетъ насъ удостоятъ разъясненіемъ этого. А пока въ ожиданіи этого, мы присовокупляемъ, что на Западѣ часто пользовались словомъ *procession* (процессіон) для указанія отношеній между Сыномъ и Святымъ Духомъ. Блаженный Августинъ въ частности пользовался этимъ словомъ во многихъ случаяхъ. Тѣ, которые читали Августина поверхностно, утверждали, что онъ дѣйствительно училъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца. Но если-бы эти читатели блаженнаго Августина захотѣли хорошо рассмотретьъ все то, что имъ написано объ этомъ вопросѣ, то они кончили-бы слѣдующимъ заключеніемъ: употребляя слово *procession* (процессіон), блаженный Августинъ разумѣлъ вѣчный актъ,— но такой, въ силу котораго Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца. И такъ Св. Максимъ имѣлъ право сказать, что западные пользуются словомъ *procession* за недостаткомъ болѣе точнаго.

Но послѣ того, какъ блаженный Августинъ и другіе отцы пользовались этимъ словомъ въ правильномъ смыслѣ, оно стало выраженіемъ ереси. Въ эпоху, когда его употребляли правильно, имъ можно было пользоваться. Но съ тѣхъ поръ какъ ересь злоупотребляетъ этимъ словомъ, его надобно отвергнуть. До восьмого вѣка на Востокѣ хотѣли признавать его невиннымъ словомъ. Но когда въ девятомъ вѣкѣ обнаружилась ересь, надобно было протестовать противъ этого слова, что и сдѣлала Церковь восточная. Такъ оканчиваетъ свой отвѣтъ о. Владиміръ Гетте на четвертый вопросъ, приглашая г. Соловьева и его сторонниковъ представить ему свое собственное изложеніе ученія Св. Максима, если только сей-часъ представленное кажется имъ почему-либо ошибочнымъ.

Вопросъ пятый.

„Кромѣ Filioque, какія другія еретическія ученія существуютъ въ римской церкви и на какихъ Вселенскихъ соборахъ они были анаематствованы?“¹

Отвѣтъ.

Ереси церкви римской безчисленны, говоритъ о. Владиміръ. Объ этомъ предметѣ мы написали большой томъ подъ названіемъ: „Еретическое папство (La Papauté herétique)“. Позволяемъ себѣ отослать автора вопросовъ къ этому сочиненію. Здѣсь-же мы ограничимся лишь указаніемъ на ложный догматъ о непорочномъ зачатіи, провозглашенный Піемъ IX въ 1854 г., и тоже на ложный догматъ о папской непогрѣшимости, провозглашенный тѣмъ-же Піемъ IX въ 1870 г. Первый изъ этихъ догматовъ противоположенъ вселенской вѣрѣ Церкви о паденіи всего человечества чрезъ грѣхъ Адама. Никакой членъ человечества не изъять отъ первороднаго грѣха, за исключеніемъ Иисуса Христа, Котораго воплощеніе было чудодѣйственно и Который не былъ причастенъ человѣческому грѣху. Второй ложный догматъ Пія IX прямо противоположенъ божественному устройству Церкви, какимъ оно признаваемо было даже церковію римскою до 1870 г.

Ереси церкви римской начались со времени отдѣленія ея отъ православно-каѳолическаго Востока. Со времени этого отдѣленія не было Вселенскихъ соборовъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ереси эти не были осуждены соборами, имѣющими названіе Вселенскихъ. Но мы уже сказали автору вопросовъ, что ересь есть ученіе, противоположное истинѣ вѣры, всегда признаваемой и исповѣдуемой, и что ересь признается ересью не вслѣдствіе лишь officialнаго осужденія ея на соборѣ.

Шестой вопросъ.

„Въ случаѣ, если-бы нужно было признать, что римская церковь не виновна въ ереси (предположеніе это несостоятельно, какъ мы это доказали), а только въ схизмѣ, то такъ какъ схизма, по точному опредѣленію св. Отцевъ, имѣетъ мѣсто тогда, когда одна часть Церкви, состоящая изъ духовныхъ или свѣтскихъ лицъ, по какому-либо обрядовому вопросу или вопросу благочинія, отдѣляется отъ законной церковной власти, спрашивается отъ какой законной церковной власти отдѣлилась римская церковь?“

Ответъ.

Мы могли-бы, говорить о Владимірѣ, привязаться къ автору вопросовъ по поводу его опредѣленія схизмы, каковое опредѣленіе онъ приписываетъ Св. Отцамъ. Известно, что не только обрядовые и дисциплинарные вопросы могутъ раздѣлять Церковь и производить схизму, но преимущественно ереси служатъ главною причиною сектъ, раздѣляющихъ Церковь. На этомъ основаніи мы можемъ отвѣтить г. Соловьеву, что римская церковь впадаетъ въ двойную схизму. Она схизматична: 1) отъ того, что отдѣлилась отъ остальной Церкви своими ересями, создавшими ея новое ученіе, противоположное ученію древнему, общепринятому и общеповѣдуемому и давшее ей существованіе частное, внѣ древней вселенской Церкви, продолжающейся въ Церкви православно-каѳолической; 2) она впадаетъ въ схизму

еще оттого, что отдѣлилась отъ епископства православно-каеолическаго, обладающаго неоспоримымъ характеромъ апостольскимъ, и составляющаго законный авторитетъ въ Церкви. Мы можемъ сказать наконецъ, что она схизматична и потому еще, что большею частію измѣнила обряды при таинствахъ и основы общаго церковнаго благочинія, установленныя семью Вселенскими соборами.

Въ теченіи первыхъ восьми вѣковъ, власть въ Церкви заключалась во всемъ епископатѣ, всѣ епископы обладали этою властію сообща и взаимно. Но съ восьмага вѣка, папы стали освобождаться изъ подъ епископской власти, усвояя себѣ высшую власть надъ всѣмъ епископатомъ. Западные епископы послѣдовали за своимъ папою въ его схизматическихъ уклоненіяхъ, такъ что благодаря папству, римская церковь уже не признаетъ ученія о томъ, что законная церковная власть хранится лишь въ цѣломъ епископатѣ. Эта церковь, признавши папу своимъ верховнымъ и непогрѣшимымъ вождемъ, отдѣлилась такимъ образомъ отъ апостольскаго епископства, продолжающагося въ Церкви православно-каеолической; а отдѣлившись отъ этого Богомъ установленнаго епископства, римская церковь съ своимъ мнимымъ непогрѣшимымъ вождемъ очутилась въ состояніи схизмы. Авторъ вопросовъ, спрашивая отъ какой законной церковной власти отдѣлилась эта церковь, заставляетъ предполагать, что онъ даже не знаетъ, гдѣ пребываетъ законная власть въ Церкви.

Папы съ своею церковію столь рѣшительно отдѣлились отъ апостольскаго епископства, что со времени завоеванія Константинополя крестоносцами папа Иннокентій III осмѣлился поставить латинскихъ епископовъ на восточныхъ престолахъ, занятыхъ законными преемниками апостоловъ. Папство такимъ образомъ закрѣпило схизму своими самозванными епископами, которыхъ оно украсило названіемъ епископовъ въ странахъ невѣрныхъ (*in partibus infidelium*); и которыхъ оно лишь для формы назначаетъ въ Церкви, занятыя законными епископами. Позво-

ляемъ себѣ опять отослать автора вопросовъ къ нашему сочиненію. подѣ названіемъ: „Схизматическое папство“. Онъ увидитъ изъ него, что римская церковь есть дѣйствительно схизматическая, и что папство породило эту схизму.

Седьмой вопросъ.

„Если римская церковь не виновна въ ереси и если она не можетъ находиться въ состояніи схизмы (двойное предположеніе, которое должно быть отвергнуто, замѣчаетъ при этомъ о. Владиміръ Гетте), не имѣя надъ собою власти, отъ которой могла бы отдѣлиться, то не слѣдуетъ-ли допустить, что эта церковь пребываетъ главною составною частію единой Соборной Церкви Христовой, и что такимъ образомъ раздѣленіе Церквей не имѣетъ для себя основанія истинно-религіознаго и есть только дѣло человѣческой политики?“

Отвѣтъ.

Этотъ вопросъ не заслуживаетъ отвѣта, говоритъ о. Владиміръ, потому что, какъ мы показали, церковь римская рѣшительно находится въ состояніи ереси и схизмы. Весьма странно, что авторъ вопросовъ очень мало знакомъ съ природою власти въ Церкви и говоритъ, что будто римская церковь не имѣетъ никакой власти надъ собою. Она имѣетъ надъ собою власть апостольскаго епископата, а этотъ епископатъ пребываетъ неповрежденнымъ только въ Церкви православно-каѳолической. Итакъ законную власть не трудно найти, потому что она хранится только въ одной православной Церкви. Папство, своимъ высокопріемъ и своими авторитарическими притязаніями, создало раздѣленіе Церквей. Раздѣленіе-же это простирается изъ многочисленныхъ причинъ, чисто религіознаго или церковнаго характера, а потому оно не есть дѣло государственной политики, а есть дѣло политики папской. Папы, сопутствуемые своею церковію, ископали между Востокомъ и Западомъ бездну, которую каждый день расширяютъ своими непрерывными нововведеніями. Церковь-же православная каѳоли-

ческая осталась вѣрна древней вѣрѣ. Когда римская церковь возвратится къ этой вѣрѣ, она войдетъ въ единеніе съ христіанскимъ Востокомъ. Но пока она будетъ предаваться своимъ безумнымъ нововведеніямъ, она будетъ создавать схизму, вмѣсто того чтобы ее разрушать.

Восьмой вопросъ.

„Если наше отдѣленіе отъ римской церкви не опирается ни на какомъ, дѣйствительно допустимомъ, началѣ“...

Мы видѣли уже, продолжаетъ о. Владиміръ, можно-ли допустить это предположеніе. Авторъ вопросовъ не предполагаетъ даже, что можно отвѣчать такъ, какъ мы отвѣтили. А это доказываетъ, что онъ мало изучилъ предметъ, о которомъ хочетъ рассуждать.

„...всѣ мы православные христіане, имѣя въ виду болѣе цѣли божественныя, чѣмъ человѣческія, не должны-ли дѣятельно стараться о возстановленіи единства Церкви восточной съ западною и это для блага всей Церкви?“

А въ чемъ однако-же состоитъ средство для исполненія этого прекраснаго дѣла? Римская церковь поставляетъ условіемъ единенія безусловное подчиненіе своему верховному и непогрѣшному папству и полное принятіе всѣхъ его ересей, которыя надобно признать членами вѣры. Расположенъ-ли авторъ вопросовъ достигнуть единенія этою цѣною? Онъ долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ откровенно. Тогда можно будетъ знать, какъ надобно относиться къ осуществленію дѣла, предлагаемаго имъ православнымъ христіанамъ въ видахъ единенія Церквей.

Девятый вопросъ.

„Если возстановленіе церковнаго общенія между восточными и западными православными составляетъ для насъ обязанность, то должны ли мы замедлять исполненіе этой обязанности подъ предлогомъ прегрѣшеній и несовершенствъ другой стороны?“

Отвѣтъ.

Но не лежитъ ли обязанность возстановленія общенія между Церквами въ равной степени и на тѣхъ, которыхъ авторъ вопросовъ называетъ *западными православными*, какъ лежитъ она на христіанахъ восточно-православныхъ? А если лежитъ, то почему они поступаютъ совершенно напротивъ? Авторъ очевидно слишкомъ любезенъ въ отношеніи къ римской церкви; онъ не хочетъ, чтобы обращали вниманіе на ея прегрѣшенія и несовершенства. *Прегрѣшенія, несовершенства, по-истинѣ прекрасно!*... Такимъ образомъ, всѣ преступленія, въ которыхъ, папы, іезуиты и ихъ адепты были виновны въ отношеніи къ православнымъ, — всѣ ихъ клеветы, ихъ преслѣдованія, ихъ жестокости, ихъ безчисленныя ереси, все это только прегрѣшенія и несовершенства, очень извинительныя! Надобно даже вознаграждать ихъ за это, усвоивши себѣ ихъ заблужденія и подчинившись тому страшному папскому деспотизму, въ пользу котораго приходится абсолютно пожертвовать своимъ разумомъ и своею вѣрою!... Что касается насъ, то мы понимаемъ единеніе Церквей только въ единственной формѣ. Надобно чтобы церковь римская отказалась отъ всѣхъ своихъ заблужденій. Тогда единеніе будетъ основано на церковномъ ученіи семи Вседенскихъ соборовъ, на церковномъ ученіи, преподаваемомъ до нашихъ дней въ Церкви православной католической, которая ничего не прибавила къ древнему вѣроученію, и ничего не убавила, которая всегда оставалась вѣрна апостольской заповѣди: „*храни залогъ*“.

Такъ оканчиваетъ свои отвѣты о. Владиміръ Гетте. Мы сказали уже, что эти отвѣты вызвали полемическія замѣчанія со стороны католическихъ богослововъ; но увы, замѣчанія ихъ до сихъ поръ нисколько не способствовали разъясненію дѣла! Замѣчанія эти, иногда приправленные колкостями въ отношеніи къ о. Владиміру, лишь повторяютъ *известныя* — *переизвестныя* латинскія положенія, давно опровергнутыя, никому ненужныя, не имѣющія никакого значенія въ глазахъ людей, знакомыхъ съ дѣ-

ломъ. Впрочемъ, въ нихъ есть одна новость. Отражая упреки въ нововведеніяхъ своей церкви, латинскіе богословы говорятъ теперь, что Восточная Церковь, по крайней мѣрѣ, Церковь Константинопольская, тоже виновна въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ и въ доказательство своей мысли ссылаются въ видѣ примѣра на распоряженіе бывшаго патріарха Іоакима III объ уничтоженіи въ молитвахъ богослужебныхъ книгъ слова: *Римъ*. Не правда ли, какое страшное нововведеніе! Не правда ли, что по совѣсти его можно приравнять къ *Filioque, immaculata conceptio, infallibilitas* и пр. Католическіе богословы забываютъ, что каковы бы ни были причины, вызвавшія это патріаршее распоряженіе, но оно, очевидно, есть распоряженіе помѣстной Церкви, не касается догматической стороны дѣла и не разрушаетъ единенія съ остальными православными Церквями. Святѣйшій патріархъ Іоакимъ III, какъ справедливо замѣчаетъ о. Владиміръ, имѣлъ право сдѣлать въ своей Церкви тоже, что всегда дѣлали восточные епископы въ своихъ Церквяхъ, и что было въ обычаѣ даже на самомъ Западѣ, до новѣйшихъ литургическихъ теорій, появившихся тамъ, лишь лѣтъ двадцать тому назадъ.

Вообще о. Владиміръ Гетте смотритъ на вопросы г. Соловьева какъ на сѣти, петли которыхъ не особенно хитро связаны для уловленія восточныхъ христіанъ въ латинство. О. Владиміръ порвалъ сѣти и распустилъ петли. Какъ будутъ чинить ихъ латинскіе ловцы восточныхъ христіанъ, (вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ), какія новыя петли придумаютъ еще, т. е. какъ будутъ снова возражать о. Владиміру латинскіе и латинствующіе богословы, если только будутъ возражать, — объ этомъ мы не применимъ сказать въ свое время.

М. Стояновъ.

Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?

(Продолженіе *).

II.

Церковное имущество, какъ плодъ любви и благоговѣнія христіанина къ Богу, употребляется на удовлетвореніе нуждъ церкви, какъ-то: на потребности богослуженія и поддержаніе храма (*fabrica ecclesiae* ¹⁾), на содержаніе духовенства (*bona beneficalia* ²⁾) и на разные виды благотворительности (*piae causae* ³⁾). Но такъ какъ и богослуженія, и вся вообще дѣятельность церковной іерархіи, и церковная благотворительность, въ широкомъ смыслѣ слова, направляются къ одной вѣчной цѣли—къ прославленію имени Божія, то, поэтому, высшее и главное назначеніе церковнаго имущества сливается съ вѣчною цѣлію церкви, и церковное имущество, такимъ образомъ, является имуществомъ предназначеннымъ для прославленія имени

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 8.

¹⁾ Nar. 67, praef.

²⁾ Decret. Grat., Caus XII, quaest. 2, c. 26 et Dist. 96, c. 1: „Reditus et oblationes fidelium in quatuor partes dividat (id est episcopus), писаль папа Геласій, quarum unam sibi ipse retineat: alteram clericis pro officiorum suorum sedulitate distribuat: fabricis tertiam: quartam pauperibus et peregrinis habeat fideliter erogandam: quarum rationem „divino est redditurus examini“.

³⁾ Cod. Iust. lib. 1, tit. 2, 19, conf. Nov. 131, c. XI, XII: „piae causae omnibus modis impleantur“.

Божія или, какъ выражается Августинъ,—для того, „чтобы благовѣствовать“ ¹⁾. Въ ветхозавѣтномъ библейскомъ законодательствѣ такое имущество опредѣлялось понятіемъ *заклятаго, святыни Господней непродаваемой*: „Все заклѣтое, говоритъ Богъ устами Моисея, что подъ заклѣтѣмъ отдаетъ человѣкъ Господу изъ своей собственности, человѣка-ли, скотину-ли, поле-ли своего владѣнія, не продается и не выкупается. Все заклѣтое есть великая святыня Господня. Все заклѣтое, что заклѣто отъ людей, не выкупается... Не должно замѣнять его; если-же кто замѣнитъ его, то и само оно и замѣна его будутъ святынею и не можетъ быть выкуплено“ ²⁾. Въ воззрѣніяхъ римскаго законодательства на церковное имущество и въ новозавѣтныхъ канонахъ нельзя не замѣтить сходства съ приведеннымъ ветхозавѣтнымъ понятіемъ о немъ ³⁾. По законамъ римскимъ всякая вещь, всякое зданіе и всякое мѣсто, назначенное для прославленія имени Божія или посвященное Богу, ставилось подъ защиту особой области права, такъ называемаго, права божественнаго (*juris divini*). „Высшее раздѣленіе вещей, говоритъ древній римскій правовѣдъ Кай, сводится къ двумъ видамъ; ибо однѣ вещи принадлежатъ области права божественнаго, другія—области права человѣческаго. Области права божественнаго принадлежатъ вещи священныя (*res sacrae*), религіозныя (*religiosae*), а также посвященныя (*sanctae*)“ ⁴⁾. Относительно вещей, принадлежащихъ обла-

¹⁾ August., de Serm. Dom. in Mant. L. II, c. 16.

²⁾ Левитъ. XXVІІ, 28, 29, 33.

³⁾ Выясненіе принципиальнаго сходства древняго римскаго права съ ветхозавѣтнымъ библейскимъ законодательствомъ см. у П. Ал. Лашкарева—„Отн. Римск. госуд. къ реп. вообще и къ хр.“, глава I.

⁴⁾ Въ римскомъ правѣ понятіе *sacrae res* противопоставляется понятію *prophanae res* и обозначаетъ собственно храмы и ихъ утварь или вообще то, что *публично* посвящено Богу: „*sacrae res sunt haec, quae publicae consecratae sunt*“. Dig. l. tit 8, c. VI, § 3; именемъ *religiosae res* назывались гробницы, монументы надъ умершими, а именемъ *religiosus locus*—мѣсто погребенія: „*religiosum autem locum unusquisque sua voluntate fecit, dum mortuum infert in locum suum*“. Ibid. § 4; Подъ понятіе-же *sanctae res* римскіе юристы подводили именно то имущество, которое тратилось на содержаніе государственнаго культа или, соотвѣтственно позднѣйшему порядку вещей,—имущество подлежавшее спекуляціи: „Особо мы называемъ, говоритъ Ульпіанъ,

сти права человѣческаго, Юстиніанъ замѣчаетъ, что однѣ изъ нихъ, по натуральному праву, принадлежатъ всѣмъ (*communio sunt omnium*), другія—публичныя, иныя составляютъ принадлежность государства, а большая часть вещей составляетъ принадлежность отдѣльныхъ лицъ... И подлинно, по натуральному праву принадлежить *всѣмъ* воздухъ, вода и пр.; въ публичномъ пользованіи по праву народовъ (*jus gentium*) состоятъ берега рѣкъ; принадлежность государства составляютъ тѣ вещи, которыя какъ-бы находятся въ государствѣ, какъ-то: театры, ристалища и подобное“, но прибавляетъ Юстиніанъ, „никто не имѣетъ права на священныя вещи, религіозныя и посвященныя (*Sacrae, religiosae, sanctae res*), ибо, что принадлежитъ божественному праву, то ни у кого не состоитъ во владѣніи“¹⁾, или, какъ выражались еще древніе римскіе юристы до Юстиніана,— „*sacrae res, et religiosae, et sanctae in nullo bonis sunt*“²⁾, ибо мы теряемъ право владѣть всякою вещью, какъ только она сдѣлалась священной³⁾. Съ этой точки зрѣнія въ церковное имущество отстраненіе мірянина отъ владѣнія и управленія этимъ имуществомъ является отличительною чертою владѣнія и управленія имъ. „Что посвящено Богу, постановили отцы IV всел. собора, то не можетъ

священнымъ (святымъ—*sanctum*), то, что не есть ни овященное (*sacrum*), ни мірское (*profanum*), но утверждено нѣкоторою санкціей... Ибо то, что подерживается нѣкоторою санкціей, есть свято, хотя-бы и не было посвящено Богу. *Ibid.*, с. IX, § 3; „свято есть (*sanctum est*) то, поясняетъ Марціанъ, что ограждено отъ обиды людской. *Sanctum autem*, продолжаетъ онъ, *dictum est a sagminibus. Sunt autem sagmina quaedam herbae, quas legati populi Romani ferre solebant, ne quis eos violaret, sicuti legati Graecorum ferunt ea, quae vocantur cecijria*“. *Ibid.*, с. VIII. У римлянъ и деньги, тратившіяся на священныя вещи, получали значеніе священнаго; такъ напр., тѣ деньги, которыя взимались подъ именемъ пени отъ истца или отвѣтчика въ пользу государственнаго культа, назывались у римлянъ *sacramentum* (священной казны). „Именемъ-же *священной казны*, объясняетъ Фестъ, деньги начали называться отъ того, что, вслѣдствіе недостатка государственной казны и размноженія храмовъ, они тратились на божественныя вещи (*in rebus divinis*)“. Лашкаревъ. „Отн. римск. гос. къ рел. вообще“, стр. 77, пр. 4.

1) *Institut. Iust.*, Lib 2, tit. 1, „*De rer. divis*“. §§ 1, 4, 5, 6, 7.

2) *Dig.* 1, tit. VIII, с. VI, § 2.

3) *Ibid.*, Lib. XLI, tit. 2, с. 30, § 1.

сдѣлаться мірскимъ“ ¹⁾, и хотя-бы священное мѣсто было разорено, оно все-таки не есть мірское и не продается ²⁾; даже если-бы мы презирали религію, и въ такомъ случаѣ владѣть священными или вообще религіи принадлежащимъ мы не имѣемъ права ³⁾. Если-же ни государство, ни община, ни частное лицо не могутъ владѣть церковнымъ имуществомъ, въ виду такого его назначенія и такого законами и канонами предоставленнаго ему привилегированнаго его положенія, то кто-же его собственникъ, или выражаясь языкомъ юридическимъ,—кого нужно считать *субъектомъ права* или *юридическимъ лицомъ* относительно этого имущества? Въ церковныхъ канонахъ говорится, что имущество церковное есть имущество *принадлежащее Богу* (τὰ τοῦ Θεοῦ ⁴⁾), *имѣніе Господне* (τὰ πράγματα Κυριακά ⁵⁾), *стяжаніе Господне* (Δεσποτικὰ πράγματα ⁶⁾). Эти и подобныя выраженія церковныхъ канонѣвъ даютъ, по видимому, основаніе признавать обладателемъ церковнаго имущества самаго Бога, но только по видимому; въ существѣ-же дѣла церковное имущество является однимъ изъ средствъ прославленія имени Божія со стороны людей, посему неестественно представлять невидимымъ Бога владѣльцемъ его. Назна-

¹⁾ 24 пр. IV всел. соб., ср. 49 трул. и 13 вселенскаго VII.

²⁾ Dig., Lib. XVIII, tit. 1, с. LXXIII, Parian. Разореніе здѣсь нужно понимать въ смыслѣ ломки, снесенія. И по дѣйствующимъ русскимъ законамъ,—если церковь разломана, то мѣсто ея престола остается навсегда неприкосновеннымъ и послѣ снесенія храма. Исключеніе изъ этого правила у римлянъ допускалось, какъ сейчасъ увидимъ, для тѣхъ locis religiosis, которыя подпадали власти непріятелей.

³⁾ Ibid., lib. XLI, tit. t. 2, с. 30, § 1.—Такое понятіе о неприкосновенности имущества религіознаго культа заимствовано римлянами у грековъ. Въ Греціи (355—346 до Р. Хр.) Фиванцы передъ судомъ дельфійскаго Союза Амфиктіоновъ обвиняли Фокеянь въ томъ, что они завладѣли храмовыми участками земли, обложенными издревле проклятіемъ, и стали обрабагивать ихъ. Амфиктіоновъ судъ приговорилъ за это Фокеянь къ тяжелой денежной пенѣ, предалъ ихъ проклятію и поручилъ исполненіе своего приговора Фиванцамъ. Это обстоятельство и послужило началомъ, такъ называемыхъ въ исторіи Греческаго міра, *священныхъ войнъ*, окончившихся покореніемъ Греціи македонскимъ царемъ Филиппомъ. „Курсъ Всеобщ. Ист.“ Г. Вебера, т. I, стр. 348—49.

⁴⁾ ап. пр. 38.

⁵⁾ ап. пр. 40.

⁶⁾ Карѣ. соб. пр. 41.

ченое для прославленія имени Божія, церковное имущество является принадлежностію того великаго дѣла, которому служить вся видимая, воинствующая на землѣ, Церковь. Но такъ какъ это дѣло Церкви, какъ и самая цѣль ея существованія, вѣчно и неизмѣнно, то и церковное имущество, относительно его владѣнія и управленія, должно имѣть характеръ, неизмѣнности или, какъ выражается Юстиніанъ,—быть имуществомъ *вѣчнымъ, безсмертнымъ* (immortalis). Каждому человеку, писалъ Юстиніанъ, дано Творцемъ одно теченіе жизни, конецъ котораго есть смерть. Что же касается досточтимыхъ домовъ и ихъ конгрегацій, которые Богъ хранитъ безсмертными, то неприлично, чтобы относительно ихъ имущество также наступалъ какой-либо конецъ; но, подлинно, доволѣ будутъ существовать досточтимые дома (останутся же они навсегда, даже до конца вѣковъ;—пока будетъ жить и почитаться между людьми имя христіанъ), прилично, чтобы также *навсегда оставались и ихъ имущества и доходы вѣчными*, для нужды благотворительности, никогда не имѣющей прекратиться¹⁾. Такой характеръ неизмѣнности или безсмертія дѣйствительно сохраняется за церковнымъ имуществомъ, хотя оно само по себѣ тлѣнно и преходяще, сохраняется именно потому, что оно служитъ и *принадлежитъ вѣчной цѣли видимой церкви*—прославленію имени Божія: оно „безсмертно“ по своему назначенію. Ясно отсюда, что церковное имущество, предназначенное для такой цѣли, „не можетъ, какъ выражались римскіе юристы, ни у кого состоять во владѣніи“: не можетъ оно принадлежать ни государству, ни, тѣмъ болѣе, частному лицу, или собранію частныхъ лицъ, существованіе которыхъ на землѣ и дѣятельность ихъ временны и преходящи,—оно принадлежитъ своему назначенію, вѣчной цѣли церкви²⁾. Ясно также, что и управителями этого имущества должны

¹⁾ Cod. Iust., lib. 1, tit. 3, 57 in medio.

²⁾ Въ 415 г. императоры Гонорій и Феодосій писали „къ народу Кареегенскому:“... То, что по смыслу многообразныхъ нашихъ конституцій *принадлежитъ* досточтимой церкви, это по справедливости *христіанская религія* будетъ *требовать въ свое владѣніе*“. Cod. Iust. lib. 1. tit. X, 5.

быть не государственные чиновники, не представители земскаго хозяйства, не міряне, которымъ принадлежитъ на землѣ забота о временномъ благосостояніи человѣчества и о своемъ личномъ спасеніи, но тѣ, которымъ поручено *пастыи церковь Господа и Бога* (Дѣян. 20, 28);—тѣмъ, которымъ, по выраженію апостольскаго правила, ввѣрены души человѣческія, должно принадлежать и право управленія имуществами церкви.

Итакъ, прославленіе имени Божія или *вѣчная цѣль* видимой церкви и есть субъектъ права относительно церковнаго имущества. Субъектъ этотъ чисто идеальнаго характера, но это нисколько не можетъ умалить его дѣйствительности. Кто собственникъ имущества какого-нибудь благотворительнаго заведенія? Не правители его, ибо они приставлены только временно распорядиться имъ, и не бѣдные, пользующіеся средствами этого заведенія, ибо сегодня пользуются имуществомъ этого заведенія одни бѣдные, а завтра другіе: собственникъ имущества благотворительнаго заведенія есть *цѣль* благотворенія; но какъ скоро *будетъ уничтожена* цѣль благотворенія въ извѣстномъ благотворительномъ заведеніи, уничтожится и самое заведеніе, и имущество, бывшее „имуществомъ благотворительнаго заведенія“, обратится въ частную, или государственную собственность. Точно въ такомъ-же отношеніи къ своему собственнику находится и церковное имущество. Силою времени всѣ наличные члены видимой, воинствующей на землѣ, церкви могутъ смѣняться, но цѣль церкви, при этомъ и многихъ другихъ измѣненіяхъ, могущихъ произойти въ видимой церкви, остается одна и таже, а слѣдовательно, и церковное имущество, прикрѣпленное къ такому неизмѣнному субъекту,—вѣчной цѣли церкви, получаетъ, отмѣченный въ немъ римскимъ правомъ, характеръ неизмѣнности, безсмертія.

Но этотъ идеальный субъектъ права относительно церковнаго имущества,—цѣль церкви,—нуждается, далѣе, въ видимомъ субстратѣ, въ олицетвореніи, въ субъектѣ видимомъ реальномъ. Въ чемъ-же или въ комъ заключается это видимое выраженіе невидимаго субъекта права относительно церковнаго имущества? Такъ какъ вѣчная цѣль всей церкви видимой—прославленіе имени Божія—выполняется при посредствѣ

отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій, каковы храмы, монастыри, то имуществу церковному естественнѣе всего быть видимо связану съ этими отдѣльными церковными учрежденіями; какъ съ видимыми носителями и исполнителями вѣчной цѣли церкви, а потому и видимыми субстратами невидимаго субъекта права относительно церковнаго имущества, или олицетвореніемъ его, идеальнаго право—лица. Итакъ, церковныя имущества, будучи принадлежностію вѣчной цѣли видимой церкви—этого идеальнаго юридическаго лица, имѣютъ и видимыхъ своихъ владѣтелей-собственниковъ въ видѣ носителей этой цѣли, каковы храмы и другія церковныя учрежденія ¹⁾. При этомъ взглядѣ на собственника церковнаго имущества, община церковная является не болѣе какъ однимъ изъ предметовъ, на который должно простираться дѣйствіе послѣдняго, подобно тому какъ бѣднякъ въ отношеніи къ благотворительному заведенію есть только предметъ для благотворенія послѣдняго. Трата церковнаго имущества на нужды общины должна простираться только до той мѣры, которая требуется благомъ церкви вообще. Разумѣется, имущество известнаго храма прежде всего должно служить церковному дѣлу въ томъ районѣ, центромъ котораго является самый храмъ. Но если-бы прославленіе имени Божія, составляющее цѣль церкви, вызвало нужду употребленія его въ иномъ мѣ-

¹⁾ Спрашивается,—придавая отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ характеръ самостоятельныхъ лицъ въ юридическомъ смислѣ, не ставимъ-ли мы ихъ, потому самому, въ противорѣчіе съ единствомъ вселенской церкви? Нисколько. Каждое изъ этихъ учрежденій не имѣетъ своей особой отличной отъ цѣлаго цѣли; каждое изъ нихъ есть только часть цѣлаго—церкви, и надъ всѣми ими возвышается ихъ общая цѣль, какъ общій носитель всей ихъ полноты и дѣятельности. „Какъ отдѣльные государственные чиновники по своей внутренней сущности суть только живые и видимые органы цѣлаго—политическаго тѣла, такъ и отдѣльныя церковныя учрежденія, будучи видимыми субстратами церковнаго имущества вмѣстѣ съ своими представителями (епископами) суть живые органы всей церковной жизни. Какъ всякій государственный чиновникъ идею своего призванія, силы и значенія понимаетъ только изъ идеи государства и дѣйствуетъ только для него и въ немъ, хотя является въ то же время какъ нѣчто самостоятельное: такъ точно и отдѣльныя церковныя учрежденія относятся ко всей церкви“. Троицкій: „Церк. Имущ. до Юстиніана“; Хр. Чт. 1864 г. т. IV.

стѣ, то противодѣйствіе общинѣ такому употребленію, было бы въ этомъ случаѣ притязаніемъ на „достояніе Господне“.

Справедливость такого рѣшенія вопроса о собственникѣ церковнаго имущества подтверждается многими данными римскаго права. Прежде всего справедливость взгляда на отдѣльныя церковныя учрежденія, какъ на видимыя субъекты права, выражающее невидимое юридическое лицо,—цѣль церкви, подтверждаетъ тотъ фактъ, что церковное имущество, по римскимъ законамъ, только до тѣхъ поръ находится *in sacro statu* ¹⁾, пока служитъ цѣли церкви, и тогда только, когда служитъ; но какъ скоро случится, что имущество церковное перестанетъ служить этой цѣли, вслѣдствіе, на примѣръ, того, что церковное учрежденіе, которому оно принадлежало, уклонилось въ ересь или какимъ нибудь образомъ прекратило свое существованіе, то оно немедленно выходитъ изъ своего *sacro statu* и дѣлается мірскимъ, или же переходитъ въ собственность другого церковнаго учрежденія, не уклонившагося отъ общей цѣли церкви. Такъ по закону еще Константина Великаго (326 г.) всѣ привилегіи, предоставленныя христіанской церкви, не распространяются на еретиковъ ²⁾, а слѣдовательно, еретическимъ церквамъ не принадлежитъ и имущественное право, предоставленное христіанской церкви эдиктами Константина В. ³⁾. Въ 396 году Аркадій и Гонорій опредѣлили, чтобы храмы и владѣнія еретиковъ отчуждались въ пользу православной церкви ⁴⁾, наконецъ Валентиніанъ и Маркіанъ въ 452 году подтвердили то же, узаконивъ, чтобы „домъ, который построили еретики и въ которомъ собирались, или монастырь, или вообще всякое имѣніе—передавались въ собственность православной церкви того города, въ территоріи кото-

¹⁾ Терминъ *status sacer*, употребляющійся во многихъ мѣстахъ кодекса Юстиніана, нар. *in Nov. 7, c. VII, 61*, кратко выражаетъ всѣ привилегіи владѣнія и управленія имуществами государственнаго культа.

²⁾ „*Haereticos non solum his privilegiis alienos esse volumus, sed adversis muneribus constringi et subiici*“. *Cod. Just., lib 1, t.t. 5, 1.*

³⁾ П. А. Лашкаревъ: „Отнош. Римск. госуд. къ рел. в. и къ хр.“, стр. 80—81.

⁴⁾ *Cod. Just., lib. 1, tit. 5. 3:...* „*his aedibus vel locis privatis ecclesiae catholicae vindicandis*“.

раго находились еретики“¹⁾. По законамъ римскимъ всякое имущество, принадлежавшее государственному культу, теряло свой *statum sacrum* даже и въ томъ случаѣ, когда религіозное учрежденіе, которому оно принадлежало, такъ сказать, невольно уклонялось отъ обще-религіозной цѣли. Такъ, напри- мѣръ, по словамъ юриста Помпонія, „священныя мѣста, когда переходятъ во власть непріятели, перестаютъ быть таковыми (т. е. священными), подобно тому, какъ и человѣкъ свободный, перешедшій въ рабство. Освобожденныя же отъ этого бѣдствія, онѣ, въ силу *juris postaminii*, снова приводятся въ прежнее состояніе (*in pristinum statum*)“²⁾.

Представленный взглядъ на собственника церковнаго имущества подтверждается, далѣе, всѣми тѣми данными римскаго права, въ которыхъ за отдѣльною церковью, какъ учрежде- ніемъ, признается способность владѣть собственностію. Сюда относятся законы греко-римскихъ императоровъ о правахъ церквей наследовать имущества по завѣщанію какъ отъ мі- рянъ, такъ отъ діаконовъ и дѣвъ, посвященныхъ Богу. Из- вѣстно, что первымъ такимъ закономъ былъ законъ Констан- тина В. 321 года *ad purulum*, предоставлявшій право всякому оставлять святому храму то, что пожелаетъ³⁾. Валентиніанъ и Маркіанъ въ 455 г. подтвердили этотъ законъ Константина, добавивъ къ нему, — „чтобы имущество, которое завѣщаетъ въ пользу церкви или мученику, или клиру... вдова, или діако-

¹⁾ Ibid., 8, § 3: „domum vel possessionem, in qua convenerint (idest haereticum) vel monasterium ejus civitatis orthodoxae ecclesiae, in cujus territorio est, jubemus addici“.

²⁾ Dig. lib XI, tit. 7, c. 34 Поэтому тѣ, которые силою оружія завладѣвали священнымъ мѣстомъ, разсматривались въ римскомъ правѣ, какъ преступники-святотатцы; „противъ нихъ, говоритъ Ульпіанъ, поступается по закону обвиненія въ оскорбленіи величества (*de crimine majestatis*)“ . Ibid., lib 47, tit. 22, 2. Вальсамонъ въ толкованіи на 13 пр. VII всел. соб. замѣчаетъ, что въ его время многіе пользовались священными заведеніями, какъ простыми мірскими жилищами, обратившимися въ таковыя „отъ нашествія язычниковъ“; но послѣ ухода непріятели, говоритъ Вальсамонъ, владѣвшіе священными мѣстами, какъ обыкновенными мірскими мѣстами, обязаны возвратитъ ихъ „къ прежнему назначе- нію“, при чемъ давность провладѣнія не имѣетъ силы. Прав. Соб., вып. 3, стр. 691.

³⁾ Cod. Inst., lib. 1, tit. 2, 1.

нисса, или дѣва, посвященная Богу,... чтобы это имущество оставалось твердо огражденнымъ и всѣми способами закрѣпленнымъ“ ¹⁾. Сюда же относится разсмотрѣнный нами выше законъ Юстиніана, разъясняющій недоразумѣнія, возникавшія при вступленіи церквей въ права владѣнія имуществами, завѣщанными на имя Господа Іисуса Христа, или же на имя какого-нибудь святаго, или ангела ²⁾. Кромѣ этого, яснымъ указавіемъ на признаніе права собственности за отдѣльными церковными учрежденіями служитъ то обстоятельство, что въ законахъ римскихъ постоянно различаются имущества, принадлежащія церкви или монастырю, отъ частной собственности клириковъ и монаховъ. „Епископы и православные клирики на все, что бы ни приобрѣли въ свою собственность, имѣютъ право владѣнія, а также и власть передавать свое имущество родственникамъ“ ³⁾. Но если епископъ умиралъ, не оставляя прямыхъ наслѣдниковъ, то его имущество переходило въ *собственность церкви* ⁴⁾. Подобные же законы существовали и относительно имущества монаховъ и монастырей. Кто вступалъ въ монастырь, будучи бездѣтнымъ, имущество того поступало въ собственность монастыря, въ который онъ вступалъ ⁵⁾, и хотя бы съ теченіемъ времени оставилъ монастырь, тѣмъ не

¹⁾ Ibid., 13; объ этомъ же см. Nov. 5, с. V; Nov. 123, с. 38 и др. О формальностяхъ при такихъ передачахъ см. Cod. Iust., 1, 2, 15.

²⁾ Cod. Iust., lib. 1, tit. 2, 26.

³⁾ Cod. Iust., lib. 1, tit. 3, 33.

⁴⁾ Ibid. 20, et Nov. 5, с. 5; confer. каноны 24 и 25 соб. Ант., 40 и 41 пр. апост. и Кормч. гл. 48.

⁵⁾ „Если мужчина или женщина вступаютъ въ монастырь, не имѣя дѣтей, то повелѣваемъ, чтобы, къ монастырю, въ который они вступаютъ, причислялись и имущества ихъ. Но если персона, вступающая въ монастырь, имѣетъ дѣтей, то таковой позволительно и послѣ вступленія своего въ монастырь имущество свое раздѣлить между дѣтьми,—такъ однако, чтобы никому изъ дѣтей не была уменьшена слѣдующая часть“. Nov. 123, с. 38; а въ Nov. 131 читаемъ: Quodsi episcopus aliquis, vel clericus, vel cujuscunque ecclesiastici gradus minister, vel ecclesiae diaconissa sine testamenta vel legitimis successoribus moriantur, illorum successio ad ecclesiam, in qua constituti erant, pertineant“. Nov. 131, с. 13 in fine; а въ другомъ мѣстѣ Юстиніанъ замѣчаетъ: ибо мы воспрещаемъ только тѣ передачи родовыхъ имуществъ, которыя дѣлаются въ пользу частныхъ лицъ, non vero quae sanctis ecclesiis aliisque venerabilibus domibus offeruntur“. Nov. 123, с. 16.

менѣ имущества, своего, не получалъ обратно¹⁾. Но если вступившій въ монастырь имѣлъ дѣтей, то могъ этимъ послѣднимъ оставить свое имущество²⁾.

Наконецъ, на принадлежность права собственности отдѣльнымъ церквамъ, указываютъ и тѣ греко-римскіе законы, въ которыхъ опредѣляется порядокъ отчужденія церковныхъ имуществъ посредствомъ передачи и аренды. „Если у церквей, или монастырей есть имѣнія, то, сообразуясь съ выгодною досточтимыхъ домовъ, позволительно уступать эти имущества въ наемъ..., при чемъ досточтимые дома имѣютъ право заключать и между собою аренды, и эмфитеузы³⁾; церквамъ дозволяется также совершать взаимный обмѣнъ имуществъ⁴⁾ и взаимныя непрерывныя эмфитеузы (*perpetuas emphyteuses*)“⁵⁾. Эти и подобныя законы получаютъ надлежащій смыслъ только при той мысли, что каждой отдѣльной церкви и каждому церковному учрежденію принадлежитъ право собственности. И эта мысль ясно проходитъ въ этихъ законахъ или, лучше сказать, сама собой подразумѣвается въ нихъ. Въ противномъ случаѣ, греко-римское законодательство, опредѣляя съ точностію, разныя подробности, наслѣдованія церквами и учрежденіями, церковными имущества по завѣщаніямъ и другимъ способамъ пріобрѣтенія, дозволяя въ извѣстныхъ случаяхъ и на извѣстныхъ основаніяхъ отчужденіе онаго, допуская, наконецъ, аренду между церквами и пр., — кого во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣть собственникомъ церковнаго имущества? Законы, какъ мы это видѣли, ясно отличаютъ церковное имущество отъ частнаго, мірскаго (*profanum*), которому противопоставляются *res sacrae, religiosae, sanctae*; отличаютъ законы это имущество и отъ имуществъ клириковъ и монаховъ, отличаютъ также и отъ государственныхъ имуществъ, дозволяя только въ исклю-

¹⁾ Cod. Iust. lib. 1, tit. 3, 56, § 2.

²⁾ См. приведенную 38 гл. 123-ей Nov.; Объ отношеніи имущества клириковъ къ имуществу церковному см. законъ Феод. и Валент. 434 года. Cod. Iust. 1, 3, 20.

³⁾ Nov. 123, с. 6.

⁴⁾ Nov. 7, с. 3, § 1.

⁵⁾ Nov. 55, с. 2; о томъ же см.: Nov. 120, с. 1, § 1; Nov. 7, с. 3 et. cet.

чительныхъ случаяхъ, и то по высочайшей волѣ, обращать имущества церковныя въ государственныя ¹⁾; отличаютъ и отъ вещей публичныхъ народа римскаго и всѣхъ государствъ ²⁾; ибо, по словамъ Ульпіана, „публичное мѣсто (*locum publicum*) только въ томъ случаѣ можетъ сдѣлаться священнымъ (*sacrum*), когда государь позволить посвятить его“ ³⁾; наконецъ, въ римскомъ правѣ имущества, принадлежащія государственному культу, отличаются и отъ тѣхъ имуществъ, которыя принадлежатъ религіознымъ обществамъ или братствамъ, хотя бы эти братства состояли подъ покровительствомъ государственныхъ (языческихъ) боговъ. У римлянъ была полная свобода составлять общества, артели и всякія другія ассоціаціи, имѣющія какую нибудь опредѣленную полезную для общества или по крайней мѣрѣ не воспрещенную закономъ цѣль ⁴⁾. Поэтому у нихъ съ древнѣйшихъ временъ составились ремесленные артели плотниковъ, красильщиковъ, флейтистовъ ⁵⁾ и т. п. Въ концѣ перваго вѣка нашей эры, явились братства, имѣвшія спеціальною цѣлю обезпеченіе приличнаго погребенія своихъ членовъ, и названныя поэтому *collegia funeraticia* ⁶⁾. Всѣ эти общества состояли подъ покровительствомъ какого-нибудь бога, и члены общества назывались почитателями его, напр.: *cultores Herculis*, *cultores Jovis*, *cultores Silvani* и пр. ⁷⁾; всѣ овѣ имѣли

¹⁾ Императоръ, сообразуясь съ выгодами государства, могъ за приличное вознагражденіе отбирать извѣстныя церковныя имущества въ пользу государства. Nov. 7, c. 2, § 1, гдѣ сказано: „Permittimus igitur imperatori, ut, si quaedam in commune utilis et ad reipublicae utilitatem spectans necessitas adsit, quaeque possessionem ejusmodi rei immobilis, qualem proposuimus, exigat, eam a sanctissimis ecclesiis reliquisque sacris domibus et collegiis illi accipere liceat, ut tamen semper sacrae domus indemnes servantur, et ab accipiente res aequalis vel major, quam data est, vicissim detur“.

²⁾ *Inter publica habemus non sacra, nec religiosa, nec quae publicis usibus destinata sunt*... Dig. lib. L, tit. 16, c. 17. Ulpianus.

³⁾ Dig. lib. 1, tit. 8, c. IX, § 1.

⁴⁾ Берендиновъ. „Историческое происх. римск. госуд. религіи въ связи съ историко-политическимъ развитіемъ римск. государства“. „Пр. Соб.“ 1879 г., ч. 2, стр. 134. Dig. XLVII, 22, 4.

⁵⁾ Ibid.; Plin. Hist. Nat. XXXIV. 1. XXXV. 12.

⁶⁾ Ibid., стр. 138.

⁷⁾ Ibid., стр. 141.

свои особые уставы, свои мѣста собраній и свои особые праздники ¹⁾. Общества эти пользовались правомъ имѣть собственность движимую и недвижимую, общественную кассу, право владѣть рабами и пр. „Но всѣ эти братства и коллегіи, говоритъ Бередниковъ, носили частный характеръ. Онѣ возникали свободно по частной инициативѣ, свободно же и прекращали свое существованіе, когда лишались благопріятныхъ условій къ тому. Уставъ коллегіи носилъ характеръ частной сдѣлки, но не имѣлъ юридическаго значенія въ глазахъ государства“ ²⁾. Поэтому и имущества, принадлежавшія такимъ братствамъ, не пользовались преимуществами имуществъ государственнаго культа, а трактовались въ римскомъ правѣ, какъ особый родъ собственности—*res corporales* ³⁾. Если же, такимъ образомъ, имущество государственнаго культа отличается въ римскомъ правѣ отъ имуществъ частныхъ, государственныхъ, публичныхъ и корпоративныхъ, то ясно, что ни частное лицо, ни государство, ни общество, ни корпорація, хотя бы и религіозная, не могли быть, по римскимъ законамъ, собственниками имуществъ государственнаго культа, а потому и въ законахъ Юстиніановскаго періода права собственниками церковнаго имущества называются не религіозныя корпораціи и не кто-либо другой, но церкви и церковныя учрежденія, которыя владѣютъ церковными имуществами ради достиженія вѣчной цѣли церкви; въ этомъ случаѣ имущество церковное, по словамъ Юстиніана, „подобно самой святой церкви, почтительно сохраняется неприкосновеннымъ (*intacta*) для того, чтобы, какъ сама мать религіи и вѣры постоянна и неизмѣнна, такъ и отцовское наслѣдіе ея непрестанно вмѣстѣ съ нею сохранялось неповрежденнымъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Бередниковъ приводитъ содержаніе устава одной коллегіи культоровъ Діаны и Антиноя, найденнаго въ 1816 г. въ развалинахъ Ланувіума. *Ibid.* стр. 138.

²⁾ *Ibid.* стр. 141.

³⁾ *Dig. lib. XLII, 3, c. 9. Cujus.* Имущества корпоративныя, по законамъ римскимъ, могли быть отняты по праву давности провладѣнія, тогда какъ на церковныя имущества это право не распространялось.

⁴⁾ *Cod. Iust. lib. 1, tit. 2, 14, finis super § 1.*

И древніе отцы церкви, признавая вообще необходимость, для церкви матеріальныхъ имуществъ и отличая эти имущества отъ частной собственности, субъектъ права относительно ихъ признавали за отдѣльными церквами, т. е. по древнему дѣленію—за епископскими кафедрами. „Прилично церкви владѣть имуществами, писалъ въ свое время Августинъ,—прилично также, чтобы, ради совершенства христіанской любви, не дорожить частными имуществами (proprias). Ибо церковныя имущества не суть частныя, но принадлежатъ церкви; потому всякій частною своею собственностію можетъ распоряжаться по всей своей волѣ и быть презрителемъ своего имущества (rei suae contemptor); но какъ скоро онъ сдѣлался предстоятелемъ церкви, то относительно всѣхъ имуществъ церковныхъ, онъ долженъ быть домостроителемъ (dispensator), а не презрителемъ ихъ“¹⁾. Въ подтвержденіе этой мысли Августинъ указываетъ примѣры изъ практики древней церкви, изъ которыхъ видно, что церковныя имущества считались неприкосновенною собственностію отдѣльныхъ церквей. „Святый Павлинъ, рассказываетъ Августинъ, собственное свое имущество, продавши, раздалъ бѣднымъ; но когда сдѣлался епископомъ, то не пренебрегалъ имуществами церкви, но со всякимъ тщаніемъ управлялъ оными. А Святый Иларій? Развѣ не оставилъ свою собственность родителямъ и не раздалъ на бѣдныхъ? И однако, этотъ-же самый Иларій, когда за свои заслуги былъ поставленъ епископомъ Арелатской церкви, то не только сберегъ все, что имѣла тогда эта церковь (quae illa tunc habebat ecclesia), но и увеличилъ ея имущество, получивши безчисленные наслѣдства по завѣщаніямъ вѣрующихъ. Итакъ, заключаетъ Августинъ, эти столь святыя и столь совершенныя епископы ясно доказываютъ своими дѣлами, что можетъ и должно происходить то, что они сдѣлали. Ибо эти люди, безъ сомнѣнія ученѣйшіе столько-же въ предметахъ свѣтскихъ, сколько и въ духовныхъ, если-бы знали, что имущества церковныя должны быть презираемы, то никогда не должны были-бы удерживать ихъ,—они, которые все свое частное имущество пренебрегли“²⁾.

1) Decret. Grat., pars 2. Caus. XII, quaest. 1, c. 13.

2) Ibid.

Итакъ, повторимъ еще разъ, собственникъ церковнаго имущества есть вѣчная цѣль церкви—прославленіе имени Божія или идея церкви; но такъ какъ видимыми носителями этой идеи являются храмы и другія церковныя учрежденія, то и субъектъ права относительно церковнаго имущества, предназначеннаго для прославленія имени Божія, юридически прикрѣпляется къ этимъ учрежденіямъ. Такое пониманіе дѣла, удовлетворяя требованіямъ общаго права и церковныхъ канонѳвъ, имѣетъ и тѣ практическія выгоды, на которыя недавно указывалъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, отклоняя ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія о томъ, чтобы дозволено было укрѣплять церковныя имущества за церковно-приходскими общинами ¹⁾, а именно: храмы, какъ болѣе устойчивыя единицы, чѣмъ общины, могущія измѣняться въ своемъ составѣ и быть перечисляемы, являются болѣе надежнымъ и устойчивымъ собственникомъ церковнаго имущества, чѣмъ эти послѣднія; съ другой стороны, храмы, какъ единицы неизмѣнныя и при томъ многочисленныя, являясь юридическими лицами, способствуютъ успѣшному исходу всякихъ юридическихъ случайностей, какимъ могутъ подпадать церковныя имущества.

Изъ представленнаго рѣшенія вопроса о собственникѣ церковнаго имущества само собою слѣдуетъ рѣшеніе и другаго вопроса: кто долженъ управлять этимъ имуществомъ и кому не слѣдуетъ мѣшаться въ управленіе имъ? Если церковныя имущества не принадлежатъ мірянамъ въ смыслѣ церковно-приходскихъ общинъ, то и управленіе этими имуществами не должно принадлежать имъ, ибо „таково требованіе божескихъ и человѣческихъ законовъ, замѣтилъ папа Іоаннъ (VI в.), чтобы, кого владѣніе (имущество), тому принадлежало и управленіе“ ²⁾. Напротивъ, если церковныя имущества принадлежатъ вѣчной цѣли видимой церкви, служатъ общему дѣлу *созиданія тѣла Христова* и укрѣплены за отдѣльными церковными учрежденіями, этими органами домостроительства Божія,

¹⁾ Определен. Св. Синода отъ 18 іюля—8 августа 1884 г. см. въ „Церк. Вѣстн.“ 1885 г., № 8, стр. 20.

²⁾ Decret. Grat., pars 2, Caus XVI, quaest. 11, c. 1, § 1.

то и управленіе этими имуществами по всѣмъ правамъ должно принадлежать тѣмъ, которымъ, какъ уже замѣчено, поручено *пастии церковь Господа и Бога*, которымъ дана всякая власть въ церкви; церковныя имущества должны подлежать власти церковной и быть управляемы носителями этой власти, т. е. епископами. Епископъ, какъ представитель власти церковной, и только онъ, а не пресвитеръ или другой какой клирикъ, подобно тому какъ ведетъ управленіе всякаго рода дѣлами церковными, долженъ вести и управленіе церковными имуществами ¹⁾.

Но помимо этого, исторія первенствующей церкви, церковныя каноны и древніе греко-римскіе законы, спеціально направленные къ выясненію самой формы управленія церковными имуществами до мельчайшихъ ея подробностей, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вопроса—кто долженъ управлять этими имуществами. Изъ книги дѣяній апостольскихъ и изъ нѣкоторыхъ посланій апостоловъ извѣстно, что во времена апостольскія распорядителями бывшихъ тогда приношеній въ церковь были сами апостолы. Въ тѣ времена, повѣствуетъ дѣеписатель, „всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и *полагали къ ногамъ Апостоловъ*; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ ²⁾. Очевидно, пожертвованія первенствующихъ христіанъ приносились именно „къ ногамъ Апостоловъ“ для того, чтобы апостолы распоряджались этими пожертвованіями: отдѣляли изъ нихъ извѣстную часть на богослуженіе, на содержаніе мѣстъ молитвенныхъ собраній и давали каждому то, „въ чемъ кто имѣлъ нужду“. Что дѣйствительно апостолы, а не кто-нибудь другой, распоряджались имуществами первен-

¹⁾ О сосредоточеніи власти церковной въ лицѣ епископа см. П. Ал. Лашкарева: „Отнош. римск. госуд. къ религ. вообще и къ христ.“ стр. 86—90, гдѣ выяснено,—какимъ образомъ сложилось въ христіанской церкви разграниченіе священнослуженія отъ власти церковной и какое вліяніе на это разграниченіе оказало, со времени признанія христіанства религіей государственной, древнее римское государственное право, всегда отличавшее служеніе религіозное (сacerdos) отъ власти религіозной (pontifex).

²⁾ Дѣян. 4, 34, 35, и далѣе 36, 37, 5 гл. 1—4.

ствующей церкви,—объ этомъ свидѣтельствуесть Св. Апостолъ Павелъ, приглашающій коринѣскихъ христіанъ отдѣлать пожертвованія въ пользу церкви „въ первый день недѣли, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я прииду (т. е. чтобы не задерживать его сборами при посѣщеніи). Когда же прииду, то, которыхъ вы изберете, тѣхъ отправлю съ письмами, для доставленія вашего подаянія въ Иерусалимъ“ ¹⁾. Ясно отсюда, что первенствующіе христіане не рѣшались даже дѣлать сборъ пожертвованій безъ личнаго присутствія апостоловъ, а если, и дѣлали сборъ, съ разрѣшенія Апостола, въ его отсутствіе, то во всякомъ случаѣ ожидали Апостола для распоряженія собраннымъ. На занятія апостоловъ по управленію имуществами первенствующей церкви указываютъ названія: служенія апостольскаго словомъ *διακονία* ²⁾, а самихъ апостоловъ — *διακονοι* ³⁾; названіе апостольскаго служенія словомъ *διακονία*, по толкованію отцевъ VI всеен. собора, означало тогда *домостроительство* (*οἰκονομία*) или хозяйство; поэтому-же, вѣроятно, и избраннымъ, какъ сейчасъ увидимъ, семи мужамъ, для завѣдыванія имуществами первенствующей церкви, было усвоено имя *διάκονοι* (*диаконъ*). Когда умножились христіане, и съ тѣмъ вмѣстѣ занятія по личному завѣдыванію церковнымъ имуществомъ начали отвлекать апостоловъ, отъ служенія благовѣстію, то апостолы потребовали, чтобы общество избрало изъ среды себя для занятія этимъ дѣломъ семь челоувѣкъ; выбранные семь были поставлены предъ апостолами и они, помолясь, возложили на нихъ руки ⁴⁾. Но это избраніе не даетъ никакого права думать, будто апостолы совершенно отказались отъ управленія имуществами первенствующей церкви. Нѣтъ, какъ эти семь, такъ и всѣ бывшіе потомъ избираемыми, были не болѣе какъ помощниками апостоловъ въ дѣлѣ управленія имуществами: Они поставлялись на эту должность черезъ возложеніе апостольскихъ рукъ ⁵⁾ и дѣйствовали не иначе, какъ подъ непо-

¹⁾ 1 Кор. 16, 2—3.

²⁾ Дѣян. 1, 17.

³⁾ 2 Кор. 6, 4; Еф. 3, 7.

⁴⁾ Дѣян. 6, 1—6.

⁵⁾ Дѣян. VI, 6.

средственнымъ апостольскимъ надзоромъ; ¹⁾ наконецъ, апостолы и послѣ избранія семи продолжаютъ носить имя діаконовъ (*διάκονοι*) ²⁾, указывающее на ихъ занятія по управленію имуществами первенствующей церкви. Единственное въ этомъ управленіи, на что во времена апостоловъ имѣли право міряне, было то, что черезъ нихъ отправляемы были пожертвованія къ мѣсту своего назначенія: „Мы стараемся о добромъ, говоритъ апостоль Павелъ въ объясненіе дарованія такого права, не только предъ Господомъ но и предъ людьми“ ³⁾.

Тотъ-же самый способъ управленія имуществами первенствующей церкви, какой былъ при апостолахъ, видимъ и во времена гоненій. Какъ тогда полными распорядителями имуществъ были апостолы, такъ теперь таковыми сдѣлались преемники ихъ власти—епископы. По правиламъ апостольскимъ, которые явились, въ церкви какъ запись обычаевъ и порядковъ ближайшаго къ апостоламъ времени, всѣ пожертвованія вѣрующихъ должны быть направляться къ епископу, или поставленнымъ отъ него пресвитерамъ и безъ его воли раздаваться не могли ⁴⁾. Въ новооткрытомъ памятникѣ: „Ученіе двѣнадцати апостоловъ—ясно выражена мысль о замѣнѣ апостольской власти въ управленіи имуществами первенствующей церкви властію епископа. Въ XIII главѣ этого памятника читаемъ: „взявши каждый начатокъ изъ произведеній точила и гумна, а также воловъ и овецъ, дай пророкамъ, ибо они ваши первосвященни-

¹⁾ I Тим. III, 8—10. Позднѣйшее словоупотребленіе ввело въ обычай называть этихъ семь мужей діаконами (*διάκονοι*). Но обязанности служенія этихъ семи діаконовъ нужно отличать отъ служенія тѣхъ діаконовъ, которые назначались помощниками при совершеніи таинствъ и о которыхъ упоминается только въ посланіи къ Филиппійцамъ. Отцы VI всел. собора, ссылаясь на толкованіе Златоуста къ разсказу Дѣяній объ избраніи семи мужей, заключили, „что вышереченные семь діаконовъ не должны пріемлеми быти за служителей таинствамъ, но суть тѣ, которымъ поручено было домостроительство (*οἰκονομία*) для обихъ потребностей тогда собранныхъ“. Эти семь діаконовъ, говоритъ Соколовъ, „прототипы церковныхъ экономовъ позднѣйшаго времени“. Пр. Об. 1870 г. 2 полуг., стр. 470.

²⁾ Кол. I, 23.

³⁾ П. Кор., VIII, 21.

⁴⁾ „Всякаго плода начатки да посылаются въ домъ епископу и пресвитерамъ... Разумѣется-же яко епископъ и пресвитеръ раздѣляютъ съ діаконами. 4 ап. пр.

ви; ¹⁾ и если пророкъ потребуеть для подаенія другимъ нуждающимся, то никто не осудить его"; ²⁾ а въ слѣдѣ за тѣмъ въ XV говорится: „Поставляйте себѣ епископовъ и діаконовъ, достойныхъ Господа, мужей: кроткихъ и несребролюбивыхъ и истинныхъ и испытанныхъ, ибо они также исполняютъ для васъ служенія пророковъ и апостоловъ“. ³⁾ Мысль, что епископамъ, какъ преемникамъ апостоловъ, должна принадлежать вся власть по управленію имуществами церкви, скоро получила рѣшительное господство въ церковномъ законодательствѣ, отъ котораго, нужно думать, не далеко отступала и практика того времени. Вышеприведенныя нами правила апостольскія (38 и 41) заповѣдуютъ: епископъ: „оними (имуществами) да распоряжаетъ, яко Богу назирающу (38 пр.), аще бо драгоценныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны: то колыми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ вѣстѣмъ распоряжалъ по своей власти“ (41); а соборъ Гангрскій (340 г.) опредѣлилъ: „да будутъ подъ клятвою тѣ, которые будутъ принимать, или раздавать церковныя приношенія безъ воли епископа или того, кому поручены таковыя“ ⁴⁾. Здѣсь причина тѣхъ внушеній, какія, — мы видѣли, — обращаютъ каноны къ епископамъ и приглашаютъ ихъ вести управленіе церковнымъ имуществомъ вполне добросовѣстно ⁵⁾: предоставляя епископамъ полное право управленія церковными имуществами, каноны потѣму самому и всю отвѣтственность за это управленіе возлагаютъ на епископовъ-же. Единственными помощниками епископовъ въ дѣлѣ этого управленія были пресвитеры и діаконы. Только черезъ пресвитеровъ и діаконовъ принимались пожертвованія ⁶⁾ и чрезъ нихъ только раздавались ⁷⁾; иногда, впрочемъ, ими производилось и самое храненіе цер-

¹⁾ „Учен. двѣнадц. апост.“ въ пер. К. Д. Попова. Тр. К. Д. Ав. 1884 г., № 11, стр. 369—384.

²⁾ Ibid., гл. XI, стр. 381.

³⁾ Ibid., гл. XV, стр. 383.

⁴⁾ Гангр. соб., пр. 6; сравни 7 и 8.

⁵⁾ Апт. соб. пр. 24 и 25.

⁶⁾ ап. пр. 3 и 4.

⁷⁾ ап. пр. 41.

ковнаго имущества ¹⁾. Но какъ пресвитеры, такъ и діаконы были *только* помощниками епископа, были *органами* его власти по управленію имуществами, исполнителями ея, но, самая власть сосредоточивалась въ лицѣ одного епископа.. Рѣшительное утвержденіе этой власти за епископомъ очевидно, наконецъ, и изъ того факта, что имя, которое прилагалось къ нему, и которое вытѣснило всѣ другія обозначенія его, служебныхъ занятій указываетъ на него, какъ на верховнаго распорядителя вообще всѣми дѣлами церкви и дѣлами имущественными въ частности: его должность называется именемъ ἐπίσκοπος, его дѣятельность въ управленіи характеризуется названіями οἰκονομία, λειτουργία ²⁾. Большая часть похвалъ, которыми надѣляли епископовъ древней церкви въ надгробныхъ надписяхъ надъ ними, такъ или иначе характеризовавшихъ ихъ служеніе и занятія, сводятся къ похвалѣ имъ, какъ распорядителямъ дѣлами милосердія и церковной благотворительности ³⁾, на что указываетъ и Иеронимъ словами: „слава епископовъ есть облегченіе бѣдныхъ“ ⁴⁾.

Въ періодъ вселенскихъ соборовъ въ церковномъ законодательствѣ не произошло существенныхъ перемѣнъ относительно порядка управленія церковными имуществами. Развитие ересей, а съ ними вмѣстѣ и злоупотребленій въ разныхъ сторонахъ жизни церковной, въ томъ числѣ—и въ разсматриваемой нами, вызвало церковь къ тому, что она нѣсколько разъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердила древніе обычаи и правила управленія церковными имуществами. Въ предупрежденіе, вѣроятно, уже и тогда бывшихъ случаевъ самочиннаго вмѣшательства мірянъ, въ управленіе церковнымъ имуществомъ, Гангрскій соборъ грозилъ, какъ мы ви-

¹⁾ Сург. Ep. 86.

²⁾ Euseb. Hist., lib. IV, c. 4, III, 22, V, 28, VI, 11 *samae*.

³⁾ Въ X вѣкѣ „Vita Sanct. Elig“, помещенной *apud*. Migne, vol. 11, p. 113, приведена слѣдующая эпитафія: „O elige dulcedo tu pauperum, fortitudo debellium, tu protector et impar egentium consulator, quis post te elemosynam sicut tu dabit largam vel quis nostri protector, sicut tu bone pastor“. См. еще *apud* Migne volum. LXXXVII, 227.

⁴⁾ Ieron. Epist. 52 ad Nepot.

дѣли, ачаею самочиннымъ хозяевамъ церковнаго достоянія; а постановленія Антиохійскаго собора (341 г.), изложенныя въ 24 и 25 правилахъ, являются подтвержденіемъ и разъясненіемъ правилъ св. апостоловъ (38, 40 и 41) объ управленіи имуществами церкви. Но отцы этого собора, подтверждая за епископомъ, данное ему съ самаго начала жизни церковной, право управленія имуществами церкви, выразили, при этомъ, всегда свойственную церкви, мысль о подчиненіи власти епископа собору (25 пр. Ант. соб.), и пояснили, — что производство своихъ распоряженій церковнымъ имуществомъ епископы должны вести съ согласія пресвитеровъ и діаконовъ или вѣрнѣе — посредствомъ согласнаго исполненія пресвитерами и діаконами воли епископа. Эти указанія Антиохійскаго собора (25 пр.) и подобныя имъ — Карфагенскаго (пр. 42) на участіе пресвитеровъ и діаконовъ въ дѣлахъ церковнаго хозяйства, повторявшія и разъяснявшія собою 3 и 4 апостольскія правила, вызваны были, можно думать, уже извѣстнымъ въ то время выдѣленіемъ изъ городскихъ союзовъ при епископскихъ каедрахъ (*ἐκκλησία καθολική*) пресвитерскихъ парикій, сельскихъ и городскихъ. Естественно было, при этомъ группированіи вѣрующіхъ возлѣ новыхъ отдѣльныхъ храмовъ съ новыми отдѣльными запасами имущества, возложить на пресвитеровъ — настоятелей новооткрытыхъ приходскихъ церквей — больше полномочій по храненію и распредѣленію имущества церковныхъ. Кроме того, вслѣдствіе послѣдовавшаго въ это время умноженія церковныхъ имущества и распредѣленія ихъ по новымъ отдѣльнымъ храмамъ, Церковь нашла нужнымъ возвести въ законъ существовавшій и раньше обычай имѣть епископу при себѣ одного общаго исполнителя его воли по управленію церковными имуществами и помощника въ разныхъ частныхъ дѣлахъ хозяйства церковнаго: по 26 правилу Халкидонскаго собора каждый епископъ долженъ имѣть при себѣ избраннаго изъ клира человека, — эконома. „Какъ кажется, замѣчаетъ Вальсамонъ въ толкованіи на это соборное опредѣленіе, до настоящаго правила большая часть епископовъ *экономами дѣлали мірянъ*. Итакъ, *исправляя сіе*, божественные отцы повелѣваютъ, чтобы

церковнымъ имуществомъ распоряжались *клирики съ вѣдома епископа*, дабы такимъ образомъ, извѣстны были доходы церкви и не расточались и дабы епископъ былъ свободенъ отъ нарекавій“¹⁾. Но въ пресвитеры и діаконы въ приходскихъ церквахъ, ни экононы при епископскихъ кафедрахъ безъ воли епископа распоряжаться церковнымъ имуществомъ не могли. Не могли они самостоятельно распоряжаться имуществомъ даже и въ томъ случаѣ, когда мѣстный епископъ отсутствовалъ въ промежуткѣ смерти одного и назначенія другаго епископа, какъ это видно изъ постановленія Анкирскаго собора (314 г.); „изъ принадлежащаго церкви, писали отцы этого собора, аще что продали пресвитеры въ небытность у нихъ епископа, да востребуеть оное церковь“²⁾. По толкованію Вальсамона, такого рода продажа церковнаго имущества признавалась недѣйствительною „по многому другому, а не менѣе потому, что церковь во время продажи не имѣла епископа“. Удачно и рѣшительно отношенія пресвитерской дѣятельности къ епископской власти по управленію имуществомъ церковнымъ опредѣляетъ папа Левъ, „Каждый приходъ, писалъ папа къ епископамъ Британіи, долженъ быть управляемъ подъ надзоромъ и блюстительствомъ епископа черезъ священниковъ или прочихъ клириковъ, которыхъ онъ самъ со страхомъ Божіимъ предназначилъ сообразно съ тѣмъ, кого по праву ему казалось нужнымъ приставить къ этой должности и кого обойти, для того чтобы въ заботахъ о матеріальномъ благосостояніи церкви ему видно было, что необходимо“³⁾. Вообще церковное законодательство требуетъ, чтобы всѣ церкви съ своими приношеніями и со всѣми вообще своими имуществами находились во власти епископа и по дѣламъ своего благоустройства всегда-бы обращались къ нему.

Гражданское законодательство, шедшее въ періодъ вселенскихъ соборовъ рука объ руку съ церковнымъ и дававшее послѣднему силу и значеніе закона государственнаго, по во-

¹⁾ „Пр. Всел. Собр.“. ч. I, вып. 2, стр. 239.

²⁾ 15 пр. Анк. соб.

³⁾ Decret. Grat., pars 2, Caus X, quaest. I. c. 4.

просу объ управленіи церковнымъ имуществомъ сдѣлало, слѣдуя общимъ началамъ римскаго права, множество опредѣленій, составляющихъ своего рода обширное „уложеніе“. Нормируя до подробностей всякаго рода юридическія случайности съ церковною собственностію, начиная общимъ признаніемъ обширныхъ имущественныхъ правъ церкви и кончая постановленіемъ по поводу чужаго бревна, вложеннаго при постройкѣ въ храмъ ¹⁾, греко-римское законодательство вездѣ и всегда власть управленія этою собственностію признаетъ только за епископомъ. Признавая цѣлый штатъ ближайшихъ распорядителей церковнымъ хозяйствомъ (экономовъ, эдиктовъ, халтураріевъ, начальниковъ благотворительныхъ заведеній — херодосчій и orphanotrophіій и пр.) и опредѣляя ихъ участіе въ разныхъ случаяхъ пользованія церковнымъ имуществомъ, его отчужденія и приобрѣтенія, греко-римское законодательство всегда отличаетъ хозяйственныя обязанности этихъ распорядителей отъ прерогативъ власти епископа. Такъ самые законы объ управленіи церковнымъ имуществомъ издавались императорами почти всегда на имя митрополитовъ и епископовъ ²⁾. Въ этихъ законахъ дѣятельность экономовъ, начальниковъ благотворительныхъ заведеній и другихъ приставленниковъ къ церковному имуществу называется *administratio* ³⁾, а отношеніе епископа къ этому имуществу обозначается словомъ *potestas* (власть) ⁴⁾; должность первыхъ часто называется словомъ *praesul* ⁵⁾ (также *administrator*), которое указываетъ на пресвитерскій санъ; епископъ же въ отношеніи къ дѣламъ имущественнымъ или удерживаетъ свое обычное званіе — *episcopus*, или называется *antistes* (предстоятель), *vir reverendissimus loco-*

1) *Tignum alienum aedibus junctum nec vindicari potest, propter legem duodecim tabularum... Dig. lib. VI, tit. 1, c. 23. Paulus.*

2) См. надписанія юстиніановскихъ новелль.

3) *Cod. Iust., 1, 11, 15.*

4) *Nov. 7, c. 10.*

5) *Praesul*’емъ назывался первый жрецъ между марсовыми плясовыми жрецами. Соответственно церковно-христіанской терминологіи *жрецъ* (*sacerdos*) соответствуетъ понятію *пресвитеръ*, а *понтифексъ* (*pontifex*) — понятію епископъ, разумѣя кругъ государственныхъ и гражданскихъ правъ лицъ, означаемыхъ тѣмъ и другимъ понятіемъ. *Nov. 46, praef.*

rum antistes ¹⁾ и пр. Затѣмъ, епископъ, по законамъ греко-римскимъ, санкціонируетъ всѣ дѣла по управленію церковнымъ имуществомъ: онъ принимаетъ имущество, завѣщанное въ церковь ²⁾, и распоряжается онымъ ³⁾, распредѣляя его, согласно завѣщанію, между благотворительными домами и бѣдными вообще ⁴⁾; епископъ разрѣшаетъ строить новую церковь, соображаясь съ количествомъ пожертвованій въ ея обезпеченіе ⁵⁾; онъ разрѣшаетъ совершеніе временной и непрерывной аренды церковнаго имущества ⁶⁾; производство торговъ на отдачу церковнаго имущества въ залогъ за долги совершается также не иначе, какъ послѣ тщательнаго разслѣдованія этого дѣла епископомъ и съ его согласія на это ⁷⁾. Вообще, по законамъ греко-римскимъ, — „мѣстные святые епископы должны требовать въ свое управленіе всѣ тѣ имущества, которыя назначены, какъ говорится, omnibus r̄is causis, и распоряжаться таковыми, исполняя волю завѣщателей и помня, что за небреженіе всего этого они дадутъ отчетъ Богу“ ⁸⁾. Вотъ почему, если экономя, или другой распорядитель (praesul) поступалъ въ чемъ нибудь относительно управленія церковнымъ имуществомъ самовольно, безъ согласія тѣхъ, которымъ принадлежить власть надъ этимъ имуществомъ (nulli eorum, qui in potentatu sunt), то, по закону Юстиніана, подлежалъ обвиненію въ тягчайшемъ преступленіи, — обвиненію въ святотатствѣ ⁹⁾, а церковное имущество, проданное безъ согласія епископа, хотя бы уже и контрактъ уже былъ совершенъ, удерживалось

¹⁾ Cod. Iust. 1, 11, 16 et 1, 111, 49, § 1.

²⁾ Ibid., lib. 1, tit. 111, 49, § 2.

³⁾ Ibid § 5.

⁴⁾ Ibid. 52 (51).

⁵⁾ Nov. 131, c. VII.

⁶⁾ Nov. 120, c. VI, § 1.

⁷⁾ Ibid. § 2.

⁸⁾ Nov. 131, c. XI.

⁹⁾ „Si tamen deo amicissimi oeconomi vel aliorum collegiorum praesules ipsi quaedam administrare velint, nulli magistratui (по другому чтенію: nulli eorum, qui in potentatu sunt), ne quidem secundum sacram pragmaticam sanctionem, eos cogere liceat, ut ea vel locent, vel in emphytensin concedant. Nam qui id fecerit, sacrilegii omnibusque poenis hac nostra lege comprehensis obnoxius sit“. Nov. 7, c. X.

при церкви и контрактъ безъ подписи епископа терялъ всякую силу ¹⁾.

Насколько въ дѣйствительности въ описываемое время были охраняемы епископами ихъ права въ отношеніи къ управленію церковнымъ имуществомъ, — видно изъ того, что епископы протестовали иногда не только противъ вмѣшательства со стороны мірянъ, но даже противъ вмѣшательства правительствующей свѣтской власти въ сферу управленія этимъ имуществомъ. „Епископы, писалъ Кириллъ Александрійскій, обязаны отвѣчать только Богу въ своей совѣсти и не должны давать отчета никакой власти, никакому свѣтскому начальству“ ²⁾; „повелите, писалъ папа Левъ императору, чтобы церковная отчетность провѣрялась священными же лицами по преданному обычаю“ ³⁾.

Итакъ, если по требованію каноновъ церкви и древнихъ греко-римскихъ государственныхъ законовъ управителемъ церковнаго имущества долженъ быть епископъ, а его помощниками въ дѣлѣ этого управленія должны быть пресвитеры и діаконы, то какое же, остается мѣсто участію мірянъ въ этомъ правительственно-церковномъ дѣлѣ? Рѣшая этотъ вопросъ, принципиально, имѣя въ виду въ собственномъ смыслѣ управленіе, — власть надъ имуществомъ — мы едва ли погрѣшимъ, если скажемъ — *никакого*. Мірянинъ, будемъ ли мы представлять его въ коллективномъ цѣломъ, представляемомъ общиною (вступленіе въ общину нисколько не измѣняетъ его, какъ мірянина) или какъ отдѣльную личность, въ томъ и другомъ случаѣ по отношенію къ церкви является, какъ субъектъ, обязанный во всѣхъ случаяхъ безусловно подчиняться его предписаніямъ ⁴⁾. Если же такъ, то нѣтъ основанія и нужды дѣлать ограниченіе власти, относительно церковнаго имущества, выдѣляя управленіе имъ изъ круга установленной церковной власти и поручая его лицамъ непризваннымъ къ этой

¹⁾ Пр. 15 Анк. соб.

²⁾ Epist. Canon. 1, V § 11, p. 211.

³⁾ Epist. 108.

⁴⁾ „Христ. Чт.“. 1864, т. IV; переводн. статья Троицкаго.

власти; тѣмъ болѣе нѣтъ основанія для такого исключенія, что съ самыхъ первыхъ временъ существованія церкви обычай церковный и канонъ, а въ послѣдствіи и законъ государственный, не оставляли подѣ сомнѣніемъ, какъ мы видѣли, ни вопроса о назначеніи церковнаго достоянія и правахъ на его собственность, ни того-кому и какъ управлять этимъ достояніемъ.

Мало этого, до нашего времени ни мало сохранилось древнихъ соборныхъ опредѣленій и мнѣній отцевъ, направленныхъ не къ положительному выясненію нормъ владѣнія и управленія церковнымъ имуществомъ, но къ выясненію стороны отрицательной, — къ выясненію того, чего не должно быть въ управленіи достояніемъ церковнымъ. Эту именно сторону порядка управленія церковнымъ имуществомъ выясняютъ намъ болѣею частію постановленія помѣстныхъ соборовъ древней западной церкви и мнѣнія западныхъ отцевъ. Эти постановленія и мнѣнія, собранныя вмѣстѣ и каждое порознь, рѣшительно возстаютъ противъ всякаго участія мірянъ въ дѣлѣ управленія церковнымъ имуществомъ, — считаютъ вмѣшательство мірянъ въ это дѣло наиболѣе несообразнымъ явленіемъ. Но прежде, чѣмъ привести нѣкоторыя изъ такого рода постановленій соборныхъ и отдѣльныхъ мнѣній отцевъ, сдѣлаемъ небольшое отступленіе... Ссылаясь для выясненія даннаго вопроса на соборныя и отеческія мнѣнія именно *западно-римской* церкви, мы ожидаемъ встрѣтить возраженіе, — что католики для насъ — не законъ, что церковныя опредѣленія ихъ не могутъ имѣть значенія для церкви православной и т. п. Напередъ соглашаемся съ тѣмъ, что постановленія церкви инославной не могутъ имѣть каноническаго значенія для церкви православной. Но, во 1) мы намѣрены сослаться на тѣ соборныя и отеческія мнѣнія западно-римской церкви, которыя явились еще въ то время, когда и западно-римская и греко-восточная Церкви были единою католическою церковію. Поэтому мнѣнія западныхъ отцевъ и соборовъ того времени могутъ и для насъ имѣть не одно только историческое значеніе, но и значеніе каноническое; поэтому же и обиліе соборныхъ и отеческихъ мнѣній древней западно-римской церкви по вопро-

су объ управленіи церковными имуществами вообще и объ устраненіи мірянъ отъ участія въ этомъ управленіи — въ частности — не слѣдуетъ непременно считать слѣдствіемъ католическаго возвеличенія папской власти, во времена блаженнаго Іеронима еще мало извѣстнаго; не слѣдуетъ ли предположить, что древняя западная церковь больше и подробнѣе занималась вопросомъ объ управленіи церковнымъ имуществомъ именно потому, что данный церковный вопросъ есть преимущественно вопросъ практическій; а извѣстно, что древняя западно-римская церковь, въ силу давней склонности римлянъ къ практическимъ интересамъ жизни, настолько больше интересовалась церковно-практическими вопросами, насколько восточная, въ силу давней склонности грековъ къ умозерцанію, — церковно-теоретическими? Во 2-хъ, если и допустить, что въ постановленіяхъ западныхъ соборовъ и мнѣніяхъ отцевъ древней западно-римской церкви заключаются сѣмена „католицизма“, то и въ такомъ случаѣ едва ли нужно пренебрегать этими постановленіями и мнѣніями. Не лучше ли относиться къ нимъ такъ, какъ совѣтовалъ московскій митрополитъ Филаретъ относиться къ примѣрамъ права протестантскаго: „Примѣры протестантскаго права, говоритъ онъ, касаясь вопроса о содержаніи духовенства, очевидно не имѣютъ важности для православной церкви; но они могутъ служить къ соображенію, давая, по необходимости, разсматриваемому вопросу слѣдующій видъ: должно ли въ православной церкви рѣшительно осудить и отвергнуть обычай (обычай даваемый духовенству за совершеніе требъ), который существовалъ, существуетъ и признается законнымъ во всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ?“¹⁾ Должно ли также, спросимъ и мы, осудить и отвергнуть тотъ порядокъ устраненія мірянъ отъ управленія церковнымъ имуществомъ, который существовалъ и признавался законнымъ въ древней западно-римской церкви. А такой порядокъ въ этой церкви несомнѣнно существовалъ и мы находимъ удобнымъ указать на него. „Поелику священнослужители, писалъ Іеронимъ къ папѣ Дамасу (367—383 г.),

¹⁾ „Полтавскія Епарх. Вѣд. 1886 г., № 16, стр. 603.

должны молиться за всѣхъ тѣхъ, за которыхъ получаютъ милостыни и приношенія, то на какомъ основаніи міряне, по обязанности своей не имѣющіе обыкновенія молиться за народъ, мечтаютъ забирать себѣ или отдавать другимъ то, что христіане приносятъ за свои грѣхи. За это, славный папа, ты долженъ осудить оныхъ захватчиковъ на непрерывное отлученіе, чтобы прочіе имѣли страхъ и не повторялось-бы больше въ церкви такое безчинство“¹⁾. Подъ вліяніемъ этого письма Іеронима папа Дамасъ издалъ декретъ, въ которомъ обращался къ мірянамъ съ слѣдующимъ наставленіемъ: „На какомъ основаніи, или по чьему дозволенію вы желаете получать приношенія, вы, которые за себя, а не то что за другихъ, едва можете возносить молитвы Богу? Подлинно справедливо, что и противъ божественнаго правила и во вредъ своей душѣ поступаетъ тотъ, который старается дѣлать то, что ему никоимъ образомъ не дозволяется“²⁾. Въ духѣ этихъ словъ, спустя много позже, дѣлали распоряженія и другіе папы. „Предписываемъ, заявлялъ одинъ изъ нихъ, чтобы десятины, начатки и приношенія за живыхъ и умершихъ возвращались мірянами божественнымъ церквамъ и чтобы находились во власти епископовъ; если-же кто таковыя приношенія удержитъ, то лишится церковнаго общенія“³⁾; „десятинами, которыя въ пользованіе благочестія уступлены, повелѣвалъ другой, да управляетъ церковная власть; распоряжаться-же ими мірянамъ мы своею апостольскою властію запрещаемъ. Если-же кто изъ нихъ удержитъ что-нибудь изъ церковнаго имущества, то пусть знаетъ, что таковой подвергается опасности быть обвиненнымъ въ святотатствѣ“⁴⁾. Соборъ IV Толедскій (633 г.) опредѣлилъ: „Пусть знаютъ строители церквей, что относительно имущества, которыя они пожертвовали въ пользу церкви, они не имѣютъ никакой власти; ибо какъ церковь, такъ и даръ въ пользу ея согласныя опредѣ-

1) Decret. Grat., Caus. X, quaest 1, cap. 13.

2) Ibid., c. 15.

3) Ibid., Caus. XVI, quaest. 2, c. 3.

4) Ibid., quaest. 7, c. 1.

ленія церковныхъ каноновъ относить ко власти епископа“¹⁾. Приведя эти и цѣлый рядъ другихъ мнѣній отцевъ и опредѣленій соборныхъ, Граціанъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Послѣ приведенныхъ мнѣній становится очевиднымъ, что церкви со всѣми своими имуществами входятъ въ кругъ управленія епископа, и кажется благопотребнымъ, чтобы церкви, также какъ приношенія и имущества ихъ, были устранены отъ управленія мірянъ“²⁾,—и съ этимъ заключеніемъ Граціана нельзя не согласиться:

Но можетъ быть мірянамъ принадлежитъ право управленія церковными имуществами, если не прямо, то посредственно, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ, если не всегда, то въ извѣстныхъ случаяхъ? Можетъ быть, надпримѣръ, это право мірянъ вытекаетъ изъ такъ называемаго, права ктиторскаго³⁾, по которому мірянину, построившему или обогатившему церковь, предоставляются извѣстныя привилегіи въ отношеніи къ построенной имъ церкви? Не справедливо-ли, поэтому и церковно-приходскія общины, являющіяся въ большинствѣ случаевъ здателями и благотворителями церквей, предъявляютъ свои права на управленіе имуществами построенныхъ ими церквей? Чтобы рѣшить данный вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы рассмотримъ: 1) въ чемъ состоитъ ктиторское право вообще и каковы его предѣлы; 2) какъ ктиторы древней греческой церкви вели себя по отношенію къ имуществу построенныхъ ими церквей, и, 3) если они иногда дѣйствительно владѣли этимъ имуществомъ, то какъ церковь относилась въ такого рода явленіямъ.

В. Новалевскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibid., Caus. X, quaest. 1. c. 6.

²⁾ Ibid., finis quaest. X.

³⁾ Ктиторъ, отъ греч. κτίτωρ, κτίτωρ и κτίστης значитъ строитель; въ древнихъ латинск. кодексахъ называется conditor, aedificator; въ позднѣйшихъ западныхъ сборникахъ слово κτίτωρ замѣнилось именемъ patronus (въ италіанск. кодексахъ: см. Du Cange. Gloss., t. 2, p. 206).

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

V.

Гимнъ на возженіе свѣтильника.

1. О Вождю Благій, Создателю сверкающаго свѣтила, по неизмѣнному порядку смѣняющій времена (одно другимъ), Христе! Солнце закатилось; наступаетъ страшный хаосъ: возврати свѣтъ вѣрующимъ въ Тебя!

5. Украсивъ небесный чертогъ (Свой) безчисленными звѣздами и сіяющею луною, Ты (однако) учиаешь еще насъ отыскивать свѣтъ въ каменныхъ нѣдрахъ ударомъ кремня,

9. Дабы не незналъ человѣкъ, что надежда на свѣтъ для него заключена въ несокрушимомъ тѣлѣ Христа, Который восхотѣлъ назваться краеугольнымъ камнемъ ¹⁾; отъ Него возжигаются наши огоньки ²⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 10.

¹⁾ Дѣян. IV, 11: *сей есть камень, укоренный отъ васъ зиждущихъ, бывший во главу угла* (слич. Исаи: XXVIII, 16; 1 Петр. II, 6; Ефес. II, 20); ср. 1 Кор. X, 4: *Камень же бы Христосъ*.

²⁾ Образъ здѣсь слѣтъ съ образуемымъ. Рѣчь собственно объ огняхъ вещественныхъ, возжигаемыхъ въ домахъ христіанъ при наступленіи вечерней темноты. Но, вмѣстѣ, мыслится и огонь благодати, котораго Источникъ есть Христосъ.

13. Сія огоньки мы поддер­живаемъ или посредствомъ лампадъ, наполненныхъ густымъ масломъ или посредствомъ сухихъ факеловъ; готовимъ еще (для этой цѣли) тростниковыя волокна, обмазывая ихъ собранными съ цвѣтовъ сотами, изъ которыхъ прежде былъ выжатъ медъ.

17. И свѣтло горитъ пламя, даетъ ли ему (нужный для горѣнія) сокъ влажная льняная нить въ глиняной лампадѣ, или доставляетъ питательную смолу сосновое дерево, или пьетъ продолговатокруглый воскъ горящая пакля.

21. Горячій нектаръ (въ послѣднемъ способѣ освѣщенія) течетъ изъ влажной вершины камнями, подобными благоухающимъ слезамъ; ибо сила пламени заставляетъ стекать внизъ горячую влагу.

25. Отецъ (Небесный)! Отъ твоихъ даровъ дома (наши) освѣщаются движущимся пламенемъ и удалившійся свѣтъ дневной возвращается свѣтомъ—соревнователемъ, отъ котораго бѣжитъ побѣжденная ночь въ разорванномъ пеплосѣ³⁾.

29. И кто не приметитъ, что быстродвижущійся свѣтъ имѣетъ бытiе свыше и происходитъ отъ Бога? Поистинѣ, Моисей въ терновомъ кустѣ видѣлъ Бога, какъ огонь съ яркимъ свѣтомъ⁴⁾.

33. Счастливъ тотъ, кто въ священномъ кустѣ, получивъ приказанiе освободить ноги отъ повязокъ, дабы обувь не осквернила (того) святаго мѣста, сподобился узрѣть Владыку неба!

37. За этимъ огнемъ народъ знаменитой крови, безопасный ради заслугъ предковъ, хотя безсильный, привыкшій жить подъ владычествомъ варваровъ, теперь же свободный, слѣдуетъ по обширной пустынѣ⁵⁾.

41. Лучъ, свѣтлѣйшій солнца, предшествуя, какъ сияющая молнiя, вель народъ (повсюду) куда онъ ни направлялъ свой

³⁾ Пеплосъ (πέπλος и πέπλος, perlum и perlus)—широкая, со складками, роскошная одежда женщинъ въ древней Греціи, въ особенности одежда богини Аѳины.

⁴⁾ Исх. III, 1—5.

⁵⁾ Исх. XIII, 20—22.

путь, куда ни двигалъ бодро, среди темной ночи, легкіе шатры (свои).

45. Но царь береговъ Нила ⁶⁾, старая ненавистію, приказываетъ, дабы сильное войско въ быстрыхъ когортахъ ⁷⁾ пустилось въ преслѣдованіе и чтобы военная труба огласила вооруженные ряды ⁸⁾.

49. Воины берутъ оружіе и опоясываются грозными мечами; печально звучитъ военная труба; этотъ (изъ вооруженныхъ воиновъ) надѣется на стрѣлы, тотъ прикрѣпляетъ быстролетныя остроконечія къ Гносскимъ древкамъ ⁹⁾.

53. Плотными рядами смыкается пѣшее войско; другая часть (воиновъ) устремляется на колесницы или на коней или на легкодвижныя повозки; развертываются военныя знамена съ изображеніемъ толстыхъ драконовъ ¹⁰⁾.

57. Въ это время народъ, спаленный Пелузійскимъ зноемъ ¹¹⁾, уже забывшій о прежнемъ рабствѣ, отдыхалъ, утомленный, на багряныхъ берегахъ Чермнаго Моря.

61. Подходить свирѣпый непріятель, предводимый вѣроломнымъ вождемъ ¹²⁾, и начинаетъ нападеніе въ превосходныхъ силахъ; (тогда) не потерявшій мужества Моисей повелѣваетъ своимъ устремиться безтрепетно далѣе въ море.

65. Раздѣлившаяся морская пучина даетъ мѣсто шествующимъ,

⁶⁾ Т. е. Египта.

⁷⁾ Когорта—десятая часть легіона въ древнемъ Римѣ.

⁸⁾ Исх. XIV, 5 и слѣд.

⁹⁾ Гносскій то же, что Критскій. Стрѣлы и копья, приготовлявшіяся въ Критѣ, особенно славятся въ древности.

¹⁰⁾ Въ подлинникѣ: *signa bellica... tumidis clava draconibus*: Разумѣются знамена, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и имѣвшія видъ драконовъ. Такого рода знамена употреблялись послѣ Траяна въ римскомъ войскѣ (ср. *Prudentii: Per. 1, 35*). Въ нашемъ мѣстѣ представляются они употреблявшимися у древнихъ Египтянъ.

¹¹⁾ Т. е. Египетскимъ зноемъ. Пелузіумъ—городъ въ Египтѣ при устьяхъ Нила.

¹²⁾ Фараонъ называется здѣсь вѣроломнымъ потому, что онъ сначала отпустилъ Евреевъ, а потомъ измѣнилъ свое рѣшеніе и погнался за ними, чтобы возвратить ихъ.

сдѣлавшись проходима, подобно берегамъ; останавливается недвижимая стекловидная влага, пока народъ поспѣшно проходить по раздвойвшейся морской поверхности.

69. Вслѣдъ за тѣмъ черное войско ¹³⁾, предводимое безбожнымъ царемъ, и въ ужасной ненависти жаждая пролить кровь Евреевъ, дерзаетъ, также, ввѣриться морскому ложу.

73. Идутъ чрезъ море царскія толпы, подгоняемыя сильнымъ вихремъ; но беспорядочная водная масса, вслѣдъ за этимъ, снова начинаетъ катиться назадъ и смыкается морская пучина.

77. Тогда можно было видѣть плавающими и колесницы, и коней, и потонувшее оружіе, равно какъ и самихъ вельможъ и черныхъ спутниковъ (царя),—печальные остатки силы тиранна.

81. Какой, послѣ сего, языкъ въ состояніи прославить Тебя, Христе,—(Тебя), Который заставляешь Фарось ¹⁴⁾, усмиренный многообразными казнями, уступить вождю, десница котораго отмщала за (попранную) справедливость (къ Евреямъ),—

85. (Тебя), Который запрещаешь быстротечно катиться непроходимому морю, въ свободномъ ложѣ котораго открылся безопасный подъ Твоимъ водительствомъ (для Евреевъ) путь, а нечестивыхъ (преслѣдователей ихъ) поглотила хищная волна,—

89. (Тебя), у Котораго сухія скалы пустыни источаютъ журчащія струи и кремень, при ударѣ въ него, изливаетъ свѣжую влагу, напаяющую народъ, истомленный жаждою подъ палящими лучами солнца! ¹⁵⁾.

93. Подобная желчи вода въ несчастномъ источникѣ отъ дерева (брошеннаго въ оныи) дѣлается какъ-бы аттическимъ медомъ; дерево даетъ сладость горькому ¹⁶⁾, ибо жива и могущественна надежда людей на крестъ ¹⁷⁾.

¹³⁾ Разумѣются Египтяне.

¹⁴⁾ Фарось—островъ въ Египтѣ при впаденіи Нила въ Средиземное Море. Здѣсь „Фарось“ употр. вм. „Египеть“.

¹⁵⁾ Исх. XVII, 1—6.

¹⁶⁾ Исх. XV, 22—27.

¹⁷⁾ Повесть отъ дерева, усладившаго воду Евреямъ въ пустынѣ, переносится къ древу крестному, на которомъ былъ распятъ Христосъ.

97. Тогда и бѣлоснѣжная пища, ниспадая въ ббльшемъ, чѣмъ ледяной градъ, обилии, наполняетъ шатры; сими снѣдями, сею пищею, которую подаетъ съ звѣднаго неба Христось, снабжаютъ (Евреи) свои столы ¹⁸).

101. Вѣтеръ дожденоснымъ дыханіемъ въ густомъ облакѣ пригоняетъ маленькихъ пернатыхъ, которыя, спустившись однажды на землю, не отлетаютъ уже, обратно ¹⁹).

105. Таковыя милости оказала нѣкогда отцамъ особенная любовь Единого Бога; Его щедротами напитываемся и мы, воспринимая въ сердца наши таинственныя снѣди ²⁰).

109. Онъ призываетъ (къ Себѣ) утомленныхъ, руководитъ народъ свой среди бурь міра и волнуемыхъ тысячею заботъ души научаетъ восходить въ жилище праведныхъ ²¹).

113. Тамъ (въ жилищѣ праведныхъ) вся земля, усѣянная розами, какъ бы горитъ, и, увлажненная быстротекущими источниками, во множествѣ производитъ и сочные калъеы, и нѣжныя фіалки, и тонкіе кроки ²²).

117. Тамъ вытекаетъ изъ нѣжныхъ вѣтвей бальзамъ; тамъ благоухаютъ—рѣдкостный киннамонъ и цитаемый сокровеннымъ потокомъ листь ²³).

¹⁸) Исх. XVI, 1—31.

¹⁹) Исх. XVI, 13.

²⁰) Подъ „таинственными снѣдями“ (dapes mysticae) должно, прежде всего, разумѣть здѣсь молитву, поученіе въ Словѣ Божіемъ и другія подобныя подкрѣпленія души. Но не невѣроятна и мысль Ареваля, что „таинственными снѣдями“ поэтъ называетъ здѣсь таинство Евхаристіи. „Поэтъ“—замѣчаетъ Ареваль, по мнѣнію коего пятый повседневный гимнь относится не къ возженію свѣтильниковъ вообще, но къ возженію свѣтильниковъ въ навечеріи Пасхи,— „поэтъ“ „отъ снѣдей, которыми питаемы были въ пустынѣ Еврей, переносится „къ таинственнымъ яствамъ, которыя вкушали христіане въ навечеріи Пасхи“.

²¹) Мате. XI, 28: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи и Азъ упокою вы.*

²²) Калъеы, фіалки и кроки—растенія съ душистыми цвѣтами.

²³) Въ подлинникѣ: *folium, fonte quod abdito praelambens fluvius portat in exitum.* По Оббарію, поэтъ описываетъ въ этихъ словахъ растеніе „malobathum“, изъ котораго (или, собственно, изъ листьевъ его) приготовлялось въ древности благовонное масло и которое росло въ болотахъ Индіи (по Плинію: въ Сиріи).

121. Блаженныя души стройно воспѣваютъ тамъ сладостный гимнь, звуками котораго, дріятно оглашаются зеленые луга, и ступаютъ по лиліямъ (своими) свѣтлыми стопами.

125. Даже и для злыхъ духовъ торжественно, преобразуются при Стиксѣ мученія въ ту ночь, когда Закланый (за грѣхи міра), Богъ возшелъ на небо отъ пучины Ахеронта, ²⁴⁾.

129. Не свѣтоносное солнце (поднимающееся) изъ океана проницаетъ своимъ блескомъ тьму, но Бóльшій солнца, возвращающій новый день смущенной распятіемъ (своего) Господа землѣ.

133. Теряетъ свою силу тартаръ; ибо смягчены казни; ликуютъ умершіе, — ихъ темница бездѣйственна; не жжетъ (ихъ) огонь, не кипятъ, обычною сѣрою (адскія) рѣки.

137. Мы въ праздничныхъ собраніяхъ проводимъ ночь въ благочестивой радости и, чередуясь другъ съ другомъ, бодрственно возносимъ благожеланія и мольбы, а на сооруженномъ жертвенникѣ возлагается хлѣбъ ²⁵⁾.

141. На подвижныхъ веревкахъ висятъ лампы; отъ нихъ блеститъ потолокъ; питаемое густою влагою (масла) пламя отражается въ прозрачномъ стеклѣ ²⁶⁾.

145. Можно было-бы подумать, что на верху (мѣстѣ праздничныхъ собраній) находится звѣздное пространство, украшенное двумя Медвѣдицами и что тамъ разсѣяны багряныя звѣзды Босфорской Колесницы ²⁷⁾.

²⁴⁾ Стиксъ и Ахеронтъ—рѣки, протекавшія, по греко-римской мифологій, въ подземномъ царствѣ.

²⁵⁾ Т. е. совершается таинство Евхаристіи (Ареваль).

²⁶⁾ Что въ вѣкѣ Пруденція не необычно было украшать потолоки храмовъ кусками стекла,—видно изъ Prudentii: Perist. XII, 53.

²⁷⁾ Въ подлинникѣ эти стихи читаются такъ:

Credas stelligeram desuper aream
ornatam geminis stare trionibus,
et, qua bosphoreus temo regit jugum,
passim purpureos spargier hesperos.

Поэтъ въ паеосѣ сравниваетъ блистающій огнями потолокъ праздничныхъ собраній христіанъ съ звѣзднымъ небомъ, украшеннымъ созвѣздіями Большой и Малой Медвѣдицы. Вслѣдствіе того, что составляющія ихъ звѣзды

149. Боже! достойный Тебя предметъ есть тотъ свѣтъ, который въ началѣ росистой ночи приносить Тебѣ (Твое) стадо,— тотъ свѣтъ, который есть драгоцѣннѣйшій изъ даровъ Твоихъ; имъ мы видимъ и остальные дары Твои!

153. Ты истинный Свѣтъ очамъ (нашимъ), истинный Свѣтъ и чувствамъ! Черезъ Тебя мы прозираемъ внутреннее (существа нашего), черезъ Тебя же прозираемъ и внѣшнее! Прими этотъ свѣтъ мирнаго помазанія, который я—рабъ (Твой) смиренно приношу (Тебѣ ²⁸),

157. Ради Христа—Сына твоего, Всевышній Отче, (ради) Того, въ Которомъ видима является слава Твоя ²⁹), Который, будучи Господь нашъ, а Твой Единственный Сынъ, посылаетъ въ дуну-веніи изъ Отческихъ нѣдръ Утѣшителя ³⁰),

161. (Ради Христа—Сына Твоего), черезъ Котораго сіяніе, честь, слава, мудрость, величіе, благость и любовь Твоя сохраняютъ царство Троичнаго Божества во вѣки вѣковъ ³¹).

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

образуютъ видъ какъ-бы запряженныхъ колесницъ, древніе и то и другое созвѣздіе называли „Колесницею“. Колесница эта названа здѣсь Босфорскою; это названіе указываетъ на сѣверное мѣстонахождение обѣихъ Медвѣдицъ.

²⁸) Въ подлинникѣ: *lumen, quod famulans offero, suscipe tinctum rasifici chrismatis unguine*. По объясненію Дресселя, поэтъ свѣтомъ, который онъ смиренно приносить, обозначаетъ огонь духа, образомъ коего служитъ огонь вещественный (ср. ст. 12). Это самое вѣроятное объясненіе приведенной, въ высшей степени неопредѣленной, фразы, соответствующее любимому приему Пруденція—параллелизовать вещественное и духовное.

²⁹) Иоан. 1, 18: *Бога никто же видѣ нидѣ же: едиnorodный Сынъ, сый съ лонъ Отци, Той исповѣда; ср. Мате. XI, 27.*

³⁰) Иоан. XX, 22: *и сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: приимите Духъ Святъ.*

³¹) Ср. Cath. IV, 14—15.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ РАЦІОНАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

а): Что теорія врожденности идей, въ той формѣ, въ какой она была принята Декартомъ и его послѣдователями, имѣетъ свои недостатки, которыми и не замедлили воспользоваться эмпирики, это справедливо. Но несмотря на ея недостатки, какъ положительной гипотезы объясненія происхожденія нашихъ идей¹⁾; она имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ отрицательное доказательство невозможности объяснить происхожденіе ихъ изъ опыта. Общую мысль этого доказательства можно выразить такимъ образомъ. Въ нашемъ разумѣ, какъ показываетъ внимательное наблюденіе, находятся многія понятія и положенія, которыя согласно и въ одинаковомъ смыслѣ принимаются всеми людьми безъ исключенія, независимо отъ ихъ возраста, различія по воспитанію и образованію. Таковы, напр., истины математическія, понятія и законы логическіе, идея Бога, нравственности и др.,—словомъ у насъ есть понятія *всеобщія*. Но такого рода понятія и положенія не могутъ происходить изъ опыта. Что они не могутъ происходить изъ опыта непосредственно (быть простыми идеями, по терминологіи Локка) это само собою понятно и не отвергается эмпириками; въ такомъ опытѣ нѣтъ ничего соответствующаго подобнаго рода поня-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 5.

1) О нихъ мы будемъ имѣть случай сказать въ послѣдствіи.

тіямъ; на опытѣ, напр., мы не видимъ ничего безконечнаго, возможнаго, необходимаго, не видимъ тождества или противорѣчія, субстанцій и пр. Но они не могутъ произойти и путемъ абстракцій отъ данныхъ опытовъ, потому что абстракція только соединяетъ въ одно дѣйствительные, сходные или тождественные признаки, встрѣчающіеся во многихъ частныхъ предметахъ. Но такихъ признаковъ, изъ которыхъ могло-бы составиться одно общее категорическое понятіе или идея, въ предметахъ нѣтъ. Если-бы мы на опытѣ, напр., видѣли ту, другую, третью субстанцію, то конечно путемъ абстракціи могли-бы составить общее понятіе о субстанціи; если-бы видѣли тотъ, другой, третій безконечный предметъ или явленіе, то могли-бы точно также составить общее понятіе о безконечномъ и т. д. Далѣе, опытъ есть нѣчто случайное и чрезвычайно разнообразное для каждаго даннаго индивидуума, точно также какъ разнообразны сужденія людей о данныхъ опыта и способность ихъ къ абстракціи. При этомъ условіи мы вправѣ были-бы ожидать не только крайняго разнообразія, противорѣчія въ пониманіи основныхъ идей нашего разума, но даже отрицанія и отсутствія ихъ у однихъ, существованія у другихъ. Но на дѣлѣ этого нѣтъ; не смотря на частныя отѣнки пониманія, въ существенномъ здѣсь всѣ согласны; каждый, напр., очень хорошо понимаетъ, что такое причина и дѣйствіе, что такое количество, большое и малое, что значитъ противорѣчить и соглашаться, что такое нужно назвать тождественнымъ, сходнымъ, различнымъ и т. п. Иначе невозможно было-бы ни пониманіе людьми другъ друга, ни объясненіе чего-либо другимъ, ни доказательство или убѣжденіе другихъ въ чемъ-либо. Такое согласіе людей относительно извѣстныхъ понятій и истинъ, очевидно, показываетъ, что источникъ его не опытъ, который для каждаго различенъ и не размышленіе надъ данными опыта, которое приводитъ къ понятіямъ и сужденіямъ чрезвычайно разнороднымъ и противорѣчивымъ, но самый разумъ, одинаковый у всѣхъ по единству человѣческой духовной природы. Наконецъ, что понятія категорическія и идеи не происходятъ изъ опыта, видно изъ того, что они являются въ насъ прежде всякаго опыта и незави-

симо отъ рациональнаго размышленія надъ данными опыта. Такъ дитя въ самомъ раннемъ возрастѣ имѣетъ и прилагаетъ къ дѣлу этого рода понятія, напр., судить по закону тождества и противорѣчія, понимаетъ отличіе причины отъ дѣйствія, знаетъ что такое качество и количество, что хорошо и худо и пр.; точно также и въ томъ же смыслѣ употребляютъ эти понятія какъ дикарь и человѣкъ необразованный, такъ и ученый. Изъ этого видно, что, такъ называемый опытъ, если даже расширимъ его понятіе и станемъ разумѣть подъ нимъ абстракцію отъ данныхъ опыта, не можетъ служить первоначальнымъ источникомъ этихъ понятій. Этого источника мы должны искать въ насъ самихъ, въ нашихъ познавательныхъ способностяхъ; онѣ должны быть врождены намъ, какъ говорили Декартъ и Лейбницъ, или существовать въ насъ a priori опыта, по выраженію Канта.

Чтобы въ самомъ корнѣ подорвать это доказательство a priori происхожденія основныхъ понятій нашего разума, для эмпиризма, очевидно, нужно доказать несостоятельность самой основной его мысли, именно, что существуютъ въ насъ нѣкоторыя понятія всеобщія и всемі согласны (признаваемые). Этимъ приемомъ обыкновенно и пользуются эмпирики; они ссылаются здѣсь на рѣзкія и непримиримыя разногласія, да же противорѣчіе между людьми относительно тѣхъ понятій, которыя рационалисты считаютъ всеобщими и потому врожденными. Какъ извѣстно, особенно сильной критикѣ въ этомъ отношеніи подверглась идея Бога и основныя нравственныя идеи; выставлено было на видъ, что нѣкоторые люди вообще не имѣютъ понятія о Богѣ (нѣкоторые дикіе племена), другіе отрицаютъ истину этого понятія (атеисты); что представленія людей о Богѣ, точно также какъ понятія о нравственномъ и безнравственномъ, чрезвычайно разнообразны и т. п. Удачна или нѣтъ была эта критика всеобщности идеи о Богѣ и нравственности, — это теперь для насъ вопросъ сторонній, котораго коснемся въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то, что подобнаго рода приемъ опроверженія теоріи врожденности идей оказывается совершенно неудачнымъ и даже непримѣнимымъ къ категорическимъ понятіямъ, о ко-

торыхъ у насъ идетъ рѣчь. Можно еще спорить: у всѣхъ-ли людей или нѣтъ есть понятія о Богѣ, всѣ-ли одинаково понимаютъ, что такое справедливо и несправедливо, но рѣшительно невозможно отрицать того, что всѣ люди безъ исключенія имѣютъ понятія о тождествѣ и противорѣчьи, о причинѣ и дѣйстви, о возможномъ и дѣйствительномъ и пр., равно какъ и того, что всѣ они принимаютъ эти понятія въ одинаковомъ смыслѣ; потому что безъ этихъ понятій и безъ согласія въ нихъ невозможно было-бы самое мышленіе и познаніе, которое однакожь представляетъ фактъ всеобщій и необходимый.

Поэтому сенсуализмъ здѣсь измѣняетъ нѣсколько свою тактику и старается доказать лишь то, что категорическія понятія и положенія вовсе не составляютъ всеобщей принадлежности людей въ формѣ ясныхъ, отчетливо сознанныхъ истинъ и положеній; а такую именно форму и должны-бы имѣть они, если-бы не происходили изъ опыта, а составляли природенное достояніе самаго разума. Если-бы они были дѣломъ разума, то прежде всего они должны-бы ясно сознаваться разумомъ. „Я не понимаю“, говоритъ Локкъ, „какимъ образомъ что-либо можетъ быть напечатлѣннымъ въ душѣ безъ того, чтобы не быть замѣченнымъ ею. Быть въ умѣ и не быть сознаваемымъ, быть въ душѣ и не быть замѣчаемымъ,—это значитъ тоже, будто въ умѣ или въ душѣ существуетъ нѣчто и не существуетъ?“. 1)

Въ силу этого, если-бы основныя истины и положенія нашего разума были природены намъ, то онѣ не только должны-бы быть сознаваемы нами на первыхъ порахъ нашего умственного развитія, но сознаваемы даже гораздо яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. Возьмемъ, напр., начала тождества и противорѣчія, лежащія въ основѣ нашего мышленія. „Если-бы эти начала были природены намъ, то у дѣтей и дикарей они должны-бы свѣтить особенно полнымъ и яснымъ свѣтомъ, потому что эти люди природы менѣе, чѣмъ другіе люди, испорчены мнѣніями, принятыми наобумъ и по привычкѣ; у нихъ воспитаніе и обученіе еще не заковало въ новыя формы изначальныхъ мыслей и никакія чуждыя, искусственно вложен-

1) Lib. cit. §. 4.

ныя въ голову, мнѣнія не стерли еще природою начертанныхъ письменъ, — положеній тождества и противорѣчія“. Но напрасно мы стали бы искать существованія этихъ положеній у дѣтей и дикихъ обитателей лѣсовъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что дѣти, точно также какъ и дикари и вообще всѣ научно неразвитые люди имѣютъ въ то же время множество понятій и мыслей. Можно ли же скольконибудь согласно съ разумомъ признать, что всѣ эти люди не знаютъ тѣхъ письменъ, которыя вложда въ нихъ природа, тогда какъ воспринимаютъ отъ нѣ идущія впечатлѣнія и обладаютъ уже извѣстнымъ количествомъ свѣдѣній, хотя и заимствованныхъ отъ окружающаго ихъ міра? ... Итакъ, положеній тождества и противорѣчія нѣтъ у дѣтей, людей плуныхъ, дикарей; даже нѣтъ ихъ у людей просто необразованныхъ научно; они заявляютъ о себѣ и существуютъ только въ академіяхъ образованныхъ народовъ, гдѣ идутъ ученые разговоры и ведутся ученые диспуты. Если же у всѣхъ вышеоименованныхъ людей нѣтъ этихъ положеній, если они ихъ не знаютъ, — то значитъ, эти положенія не принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ согласны все люди; следовательно, они не врождены намъ. — Наконецъ, если бы въ душѣ существовали врожденные понятія, то должны бы сознаваться не только они, но и тѣ частныя и дальнѣйшія положенія, какія изъ нихъ могли бы быть выведены. По крайней мѣрѣ каждый человѣкъ былъ бы способенъ собственнымъ размышленіемъ, безъ всякаго опыта и наученія, вывести ихъ изъ главныхъ и основныхъ положеній; такъ напр., имѣя основныя математическія положенія, мы не учась могли бы знать всю ариметику и геометрію; но этого, какъ показываетъ опытъ, никогда не бываетъ; математическія познанія приобрѣтаются нами путемъ опыта и наученія, основаннаго на опытѣ ¹⁾.

Какъ ни побѣдоносною представляется эта аргументація защитникамъ эмпирическаго происхожденія нашихъ познаній, но скольконибудь внимательнаго взгляда на дѣло достаточно, чтобы видѣть, что вся она основана на вольномъ или невольномъ недоразумѣніи относительно того, что именно защищаютъ

¹⁾ Lib. cit. §: 25, 26, 27.

ихъ противники, когда говорятъ объ апріорномъ элементѣ нашего познанія. Побѣдоносною оказывается она лишь потому, что сражается противъ вымышленнаго врага, котораго поэтому и побѣдить нетрудно ¹⁾. Дѣйствительно, вся полемика Локка противъ врожденныхъ идей направлена и имѣетъ силу противъ того предположенія, что апріорные элементы нашего познанія, если могутъ существовать въ насъ, то не иначе какъ въ видѣ знанія, то есть ясныхъ, сознательныхъ, логически опредѣленныхъ понятій и точно формулированныхъ положеній. Можетъ быть въ ученіи Декарта о врожденныхъ идеяхъ (именно въ ученіи объ идеѣ Божества) и были нѣкоторыя недомолвки и слабыя стороны въ этомъ отношеніи, служившія отчасти оправданіемъ возраженій Локка. Но ни чѣмъ не можетъ быть оправдано то явленіе, что эти же самыя возраженія, въ различныхъ формахъ и варіаціяхъ, обыкновенно повторяются и до сихъ поръ противъ ученія о существованіи апріорнаго элемента въ нашемъ познаніи. Между тѣмъ никто изъ защитниковъ этого ученія не утверждаетъ, чтобы апріорныя начала нашего разума были первоначально даны въ формѣ опредѣленныхъ понятій и ясно выраженныхъ положеній, чтобы, напр., законъ тождества и противорѣчія былъ врожденъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ излагается въ учебникахъ логики или чтобы апріорныя понятія тождества и противорѣчія были тѣ самыя, о которыхъ, какъ выражается Локкъ, разсуждаютъ въ академіяхъ и на ученыхъ диспутахъ. Такое мнѣніе рѣшительно противорѣчило-бы всѣмъ извѣстному психологическому опыту, который показываетъ, что понятія (въ логическомъ смыслѣ) образуются въ нашемъ умѣ постепенно и только мало по-малу получаютъ большую и большую степень ясности,

¹⁾ До какой степени въ интересахъ полемики иногда искажается сенсуалистами ученіе о врожденныхъ идеяхъ, образчикомъ можетъ служить пониманіе этого ученія Бюхнеромъ: „Французскій философъ Декартъ“, говоритъ онъ, „принималъ, что душа входитъ въ тѣло снабженная всевозможными знаніями и только опять ихъ забываетъ, какъ скоро выйдетъ изъ утробы матери,—забываетъ затѣмъ, чтобы позже мало по-малу снова вспоминать ихъ. Противъ этого взгляда возсталъ англичанинъ Локкъ и побѣдоноснымъ оружіемъ уничтожилъ ученіе о врожденныхъ идеяхъ“. Kraft und Stoff. 1864, p. 157.

опредѣленности и отчетливости. Когда мы говоримъ: такое-то понятіе существуетъ въ насъ а priori, не происходитъ изъ опыта, то слово *понятіе* мы употребляемъ здѣсь очевидно не въ смыслѣ логически опредѣленнаго или нормальнаго понятія, а въ смыслѣ существованія въ насъ въ темномъ и неразвитомъ видѣ тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи могутъ быть образованы такія понятія ¹⁾. Такое дальнѣйшее преобразование первоначальныхъ элементовъ рациональнаго познанія въ опредѣленные понятія, равно какъ и выводъ изъ нихъ различнаго рода истинъ и положеній, обуславливается не только постепеннымъ развитіемъ самостоятельно дѣйствующей силы разума, но и опытомъ, понимаемымъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, не только какъ совокупность внѣшнихъ впечатлѣній, но и какъ усвоеніе различнаго рода понятій и познаній отъ окружающихъ насъ лицъ (наученіе, — по Локку). Говоря о существованіи апріорнаго элемента въ нашемъ познаніи, мы не только не отвергаемъ значенія этого опыта въ дѣлѣ осуществленія нашего рациональнаго познанія, но напротивъ, вмѣстѣ съ эмпириками согласны допустить, что опытъ есть существенное его условіе, безъ котораго оно столь же мало было-бы возможно, какъ и самое наше мышленіе вообще, потому что не было-бы тогда ничего, что служило-бы мотивомъ и побужденіемъ къ развитію въ насъ умственной, какъ и вообще психической жизни. Опытъ есть столь же необходимый, слагающій элементъ нашего познанія, какъ и разумъ. Различіе между нами и эмпириками лишь въ томъ, что мы не признаемъ этого эмпирическаго элемента единственнымъ источникомъ нашего познанія, но допускаемъ другого независимаго отъ опыта дѣятеля, — нашъ разумъ, съ исключительнo принадлежащимъ ему апріорнымъ содержаніемъ.

Но имѣемъ-ли мы право такъ рѣшительно уклоняться отъ выраженій эмпириковъ, допуская различіе между первоначаль-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи для большей точности мы могли-бы, пожалуй, сказать, что намъ врождены не категорическія понятія, а категоріи, которыя служатъ источникомъ этихъ понятій.

ными апріорными элементами нашего знанія и послѣдующею, образовавшеюся не безъ помощи опыта, формою ихъ въ видѣ сознательныхъ и опредѣленныхъ понятій? Такое право, какъ мы видѣли, отрицаетъ Локкъ, говоря, что быть въ умѣ и не быть сознаваемымъ, — невозможно; допускать это, значитъ допускать логическое противорѣчіе; если поэтому существуютъ въ нашемъ умѣ какіе-либо апріорные элементы, то они *должны* быть не иначе, какъ сознанными понятіями, и тѣмъ болѣе ясно сознанными, чѣмъ менѣе въ нихъ допущено постороннихъ примѣсей, напр. у дѣтей, людей дикихъ или малообразованныхъ. Но такое требованіе есть теоретическая фикція, рѣшительно опровергаемая психологическимъ опытомъ и наблюденіемъ. Начнемъ съ самой элементарной формы познанія, представленія. Въ душѣ дитяти, прежде чѣмъ оно достигнетъ сознательнаго пониманія своего внутренняго міра и окружающихъ его вещей, находится безчисленное множество представленій и даже мыслей, потому что не можемъ же мы отказать дитяти въ нѣкоторомъ пониманіи и въ сужденіи о вещахъ. Но можемъ-ли мы сказать о всѣхъ несомнѣнно существующихъ въ душѣ представленіяхъ и понятіяхъ, чтобы онѣ были *вполнѣ* сознательныя представленія и были по этому „замѣчены“ душою, какъ требуетъ Локкъ? Не предшествуетъ-ли такимъ образомъ въ душѣ каждаго человѣка нѣкоторое *безсознательное* (или точнѣе, — сопровождаемое *мінімумомъ* сознательности) знаніе сознательному? — Далѣе мы видимъ, что каждый человѣкъ въ своемъ мышленіи о различныхъ предметахъ несомнѣнно руководится логическими законами тождества, противорѣчія и достаточнаго основанія, очень хорошо различаетъ причину отъ дѣйствія, понимаетъ, что такое качество или количество и т. п.; но въ то же время можно-ли сказать, что онъ сознаетъ или замѣчаетъ тѣ законы, по которымъ мыслить или имѣть опредѣленные понятія о качествахъ, количествахъ или отношеніяхъ? Очевидно нѣтъ; эти понятія, какъ сознательныя, образуются послѣ продолжительной рефлексіи надъ содержаніемъ нашего познанія и во всей ихъ ясности составляютъ достояніе не многихъ, теоретически развитыхъ умовъ. Итакъ, на основаніи несомнѣнныхъ показаній опыта мы должны допустить существованіе въ

нашемъ умѣ не сознанныхъ или точнѣе не познаваемыхъ элементовъ знанія, въ ихъ отличіи отъ позднѣйшихъ представленій и понятій. Какъ скоро это допущено, то легко объясняется и то явленіе, почему эти элементы познанія не обнаруживаются у дѣтей съ большею ясностію и отчетливостію, чѣмъ у взрослыхъ, чего требуетъ Локкъ; это явленіе есть необходимое слѣдствіе закона постепенности въ развитіи нашего сознанія и разума.¹⁾

Какъ скоро признава возможность существованія въ нашей душѣ апріорныхъ началъ познанія въ формѣ элементарнаго знанія, предполагающаго возможность дальнѣйшаго развитія его, то этимъ само собою устраняется и другое возраженіе эмпириковъ, что если-бы какія-нибудь начала познанія были врождены намъ, то мы должны-бы сознавать ясно не только эти начала, но и всѣ вытекающія изъ нихъ частныя положенія и истины. Если эти понятія или начала существуютъ первоначально въ эмбриональной, такъ сказать, формѣ знанія, то понятно и естественно, что развитіе заключающагося въ нихъ

¹⁾ Для разъясненія дѣла считаемъ не излишнимъ привести здѣсь мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ защитниковъ врожденности идей, Лейбница. Въ своихъ направленныхъ противъ Локка „Новыхъ опытахъ о человѣческомъ познаніи“ онъ говоритъ: „эти всеобщія начала“ (законъ противорѣчія и другія) „опредѣляютъ наше мышленіе, входятъ въ него и составляютъ его душу и связь. Они столь-же для него необходимы, какъ мускулы и жижи, хотя мы и не думаемъ объ нихъ для ходенія. Духъ нашъ постоянно опирается на эти начала, но ему не такъ легко удастся выдѣлить ихъ и представить сами по себѣ и въ раздѣльности. Такимъ образомъ духъ обладаетъ многими понятіями, не зная о томъ“... „Мышленіе есть дѣятельность; а основныя истины или познанія, въ какой мѣрѣ онѣ находятся въ насъ даже и тогда, когда мы объ нихъ не думаемъ, суть привычки или склонности (*des habitudes ou des dispositions*) и мы знаемъ много вещей, хотя и не думаемъ о томъ“... „Прирожденныя истины не суть мысли (*pensées*), но только навыки или способности (*aptitudes*), которыя поэтому и могутъ существовать въ насъ даже и тогда, когда мы и не думаемъ о нихъ“. Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Лейбницъ называетъ врожденныя идеи *connoissance virtuelle* и отличаетъ ихъ отъ послѣдующаго *connoissance actuelle* и сравниваетъ эти идеи съ познаніями хранящимися въ нашей памяти, но не сознаваемыми въ настоящее время; въ другомъ мѣстѣ знаніе, заключающееся въ врожденныхъ идеяхъ, онъ сравниваетъ съ знаніемъ заключеннымъ въ эпитимахъ (сокращенныхъ умозаключеніяхъ), послышки которыхъ не развиты и не выражены, хотя и предполагаются въ нихъ. *Nouveaux Essai... L. 1. c. 1.*

implicite содержания можетъ быть только послѣдовательнымъ и постепеннымъ. Это развитіе должно подлежать тѣмъ-же законамъ, какимъ подчинено вообще все развитіе нашей душевной жизни. Оно обуславливается двумя факторами: съ одной стороны, совершенно самостоятельнымъ и по внутреннимъ имманентнымъ законамъ совершающимся развитіемъ нашей духовной познавательной силы, которая какъ сила ограниченная, подчиненная закону времени, не можетъ выступить вся вдругъ, во всей полнотѣ своихъ обнаруженій. Съ другой стороны, — постоянно расширяющимся вліяніемъ на насъ, такъ называемаго, опыта, т. е. совокупности всѣхъ сознательныхъ впечатлѣній міра внѣшняго, дающаго матеріаль для нашей познавательной дѣятельности и служащаго въ тоже время мотивомъ для возбужденія этой дѣятельности. Здѣсь мы въ своеобразной формѣ видимъ тоже явленіе, какъ и во всей живой, органической природѣ; образованіе органическаго существа обуславливается съ одной стороны сѣменемъ или зародышемъ, одареннымъ внутреннею способностію развитія и развивающимся по имманентнымъ природѣ каждаго существа законамъ; съ другой, вліяніемъ внѣшнихъ агентовъ, — почвы, климата и другихъ физическихъ условій.

Итакъ, ни то обстоятельство, что основныя начала нашего познанія первоначально являются въ неразвитомъ видѣ, ни то, что они развиваются не иначе, какъ при помощи опыта, какъ явленіе вполне законосообразное, не можетъ служить возраженіемъ противъ апріорнаго происхожденія этихъ началъ. Оно не можетъ служить возраженіемъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы все дѣло дальнѣйшаго развитія апріорнаго элемента и превращенія его изъ эмбриональнаго состоянія въ форму знанія мы приписали-бы исключительно опыту; потому что и въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ основныя или исходныя точки такого развитія мы должны-бы считать лежащими за предѣлами опыта. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; и въ дальнѣйшемъ развитіи раціональнаго познанія изъ первоначальныхъ *a priori* данныхъ началъ, несмотря на извѣстную долю участій въ этомъ дѣлѣ опыта, самостоятельная дѣятельность разума выступаетъ со всею ясностію, чѣмъ еще болѣе удо-

становяется ихъ не эмпирическое происхожденіе. Здѣсь отчасти мы видимъ осуществленіе того требованія, которое эмпиризмъ считаетъ совершенно невыполнимымъ и выставляетъ поэтому какъ одно изъ возраженій противъ ученія о врожденныхъ идеяхъ. Если-бы идеи были врождены намъ, говоритъ Локкъ, то мы могли-бы безъ всякаго опыта вывести изъ главныхъ, а priori данныхъ положеній, всѣ дальнѣйшія ихъ слѣдствія и въ примѣръ такой невозможности приводитъ математику, познание которой будто-бы невозможно безъ опыта и наученія. Но именно анализъ математическаго познанія далъ намъ ясное доказательство возможности вполне самостоятельнаго и независимаго отъ опыта этого рода раціональнаго познанія, при чемъ опытъ и наученіе не производятъ въ насъ этого познанія, а только содѣйствуютъ его раскрытію¹⁾. Но не одно только математическое познаніе можетъ служить такимъ доказательствомъ. Обращая вниманіе и на другія категорическія понятія и на тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго они постепенно разъясняются въ своемъ содержаніи, получаютъ болѣе и болѣе опредѣленную форму понятій, развиваются въ дальнѣйшіе частные выводы и положенія, мы убѣждаемся, что это есть процессъ совершенно независимой отъ опыта априорной дѣятельности нашей познавательной силы. Доказательствомъ тому служатъ логика и метафизика, — науки, въ которыхъ категорическія понятія являются въ наиболѣе отчетливомъ видѣ, служа основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ изъ нихъ, въ первой — въ приложеніи къ знанію, во второй — къ бытію. О раціональномъ и независимомъ отъ опыта характерѣ метафизики говоритъ нѣтъ нужды, такъ какъ и сами эмпирики обыкновенно признаютъ за нею такой характеръ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, на этомъ именно основаніи отвергаютъ всякое ея значеніе, утверждая, что независимый отъ опыта методъ и содержаніе этой науки, лишаютъ ее правъ на названіе и значеніе науки которая будто-бы должна имѣть дѣло только съ фактами опыта и изъясненіемъ ихъ. О несостоятельности этого мнѣнія мы уже имѣли

¹⁾ О математическомъ познаніи, — см. „Вѣра и Разумъ“, № 2, 3.

случай говорить¹⁾); здѣсь замѣтимъ только, что и отвергая объективное значеніе метафизики, они должны допустить въ этой наукѣ, по крайней мѣрѣ, возможность субъективнаго, чисто рациональнаго знанія и раскрытія не данных въ опытѣ подожженій и понятій. Тоже должно сказать и о логикѣ, которая опредѣляетъ нормы правильнаго мышленія и въ сущности представляетъ чисто рациональное и независимое отъ опыта раскрытіе и приложеніе априорныхъ началъ тождества, противорѣчія и основанія подъ опредѣляющимъ вліяніемъ, также априорной идеи истины. Правда, что касается до логики, научнаго значенія которой не осмѣливается отрицать сенсуализмъ; были нѣкоторыя слабыя попытки доказать ея эмпирическое происхожденіе и тѣмъ устранить противорѣчающій сенсуалистической теоріи фактъ существованія чисто рациональнаго познанія. Напрасно, говорятъ, думаютъ, будто логическіе законы и правила выводятся изъ какой либо априорной идеи; они составились эмпирически, путемъ опыта и наблюденія надъ дѣйствительнымъ ходомъ нашего познанія. Тѣ приемы познанія, которые на опытѣ оказались удачными и приводящими къ истинѣ, къ новымъ мыслямъ и открытіямъ, были замѣчаемы человѣкомъ, мало-по-малу заносились въ кодексъ обязательныхъ для человѣка законовъ мышленія и, будучи приведены въ систематическій видъ, образовали логику, какъ науку. Но такое мнѣніе противорѣчитъ и характеру логики и исторіи этой науки. Оно прежде всего противорѣчитъ безусловной необходимости и потому общеобязательности логическихъ законовъ и правилъ. Могли-ли-бы имѣть эти качества логическіе законы, если-бы они образовались только путемъ наблюденія надъ случайною удачею или неудачею: тѣхъ или другихъ приемовъ въ дѣлѣ познанія? Дѣйствительный успѣхъ или безуспѣшность нашего мышленія въ дѣлѣ познанія того или другаго предмета зависитъ часто не отъ одного только мышленія и употребленныхъ имъ методовъ или приемовъ познанія, но и отъ случайнаго отношенія къ нему познаваемаго

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“, за 1884 г. ст. „Возможна-ли философія?“ Февраль и Мартъ.

объекта, на примѣръ, отъ благопріятныхъ условій, при которыхъ довелось наблюдать его, отъ случайнаго открытія новыхъ сторонъ въ немъ и т. п. Что случилось бы съ логикою, если бы мы, на основаніи одного наблюденія, тѣ приемы мышленія, при которыхъ произошло случайно новое открытіе, стали считать правильными приемами; тогда какъ это открытіе могло отъ нихъ и не зависѣть? Бываетъ и то, что при явно невѣрномъ приемѣ мышленія, оно случайно приходитъ къ вѣрнымъ новымъ мыслямъ и открытіямъ; ужели и эти невѣрные приемы мы должны заносить въ кодексъ общеобязательныхъ законовъ познанія? ¹⁾ Къ счастью для логики она никогда не шла этимъ эмпирическимъ путемъ. Уму чловѣка всегда болѣе или менѣе ясно предносилась идея истины, идеальнаго, правильнаго, законсообразнаго знанія. Исходя изъ этой вѣрной идеи, онъ обильно и оцѣнивалъ достоинство всѣхъ встречающихся ему на опытѣ знаній, а анализируя ее и раскрывая въ примѣненіи къ спеціальнымъ случаямъ знанія, приходилъ къ установленію логическихъ правилъ. Что эта идея не эмпирическаго происхожденія доказательствомъ служитъ то уже, что во всей строгости идеалу логическаго мышленія не удовлетворяетъ ни одно произведеніе чловѣческой мысли и знанія; иначе оно давно бы достигло (вмѣстѣ со строгими логическими законами) совершенства!

¹⁾ Средневѣковые алхимики искали философскаго камня и элексира безсмертія; для этой цѣли по разнымъ сумасброднымъ теоріямъ они смѣшивали и сплавляли различныя вещества и въ результатѣ часто доходили до открытія различныхъ химическихъ веществъ и законовъ ихъ соединенія и до важныхъ изобрѣтеній; такъ, говорятъ, монахъ Бертольдъ Шварцъ, искавши философскаго камня, открылъ порохъ. Здѣсь ложныя теоріи и методы, вообще невѣрное направленіе мышленія привело къ случайной истинѣ и къ расширенію области нашихъ познаній. Ужели, на основаніи этой случайной удачѣ, методы алхимиковъ мы должны вносить въ кодексъ логики, какъ правильные приемы эмпирическаго знанія? Еще примѣръ изъ области философіи. Пифагоръ, на основаніи той мысли, что самое совершенное въ природѣ должно занимать въ ней центральное мѣсто и что самое совершенное тѣло во вселенной есть солнце, отвергъ общепризнанное въ древности мнѣніе, что земля есть неподвижный центръ мірозданія и за тѣмъ пришелъ къ мысли, что не солнце, какъ болѣе совершенное, обращается около земли, а земля около солнца. Открытіемъ этой истины Пифагоръ на цѣлыя тысячелѣтія опередилъ Коперника; но ужели тотъ методъ или логическій приемъ, при помощи котораго онъ дошелъ до этой истины, долженъ быть признанъ правильнымъ?

было-бы абсолютно совершеннымъ, чего ни о какомъ данномъ знаніи конечно сказать нельзя ¹⁾). Въ этомъ отношеніи логика имѣетъ сходство съ другою, основанною на апріорныхъ принципахъ наукою, — математикою. Какъ эта послѣдняя извлекаетъ свои положенія не изъ наблюденія надъ свойствами величинъ и протяженій дѣйствительно существующихъ въ природѣ предметовъ, но изъ апріорныхъ аксіомъ, основанныхъ на идеѣ пространства и времени, такъ и логика выводитъ свои правила не изъ наблюденія надъ эмпирически данными проявлениями мышленія у тѣхъ или иныхъ лицъ, но изъ апріорной идеи истины. Исторія логики вполне подтверждаетъ это. Когда напр. отецъ логики: Аристотель впервые излагалъ различныя формы категорическаго умозаключенія, то онъ, какъ показываетъ весь ходъ мышленія въ его логикѣ, вовсе не прибѣгалъ къ наблюденію, какъ мыслили или мыслятъ въ дѣйствительности тѣ или другіе люди но, исходя изъ анализа идеи законнаго сообразнаго мышленія, опредѣлялъ a priori — какія нормальныя формы возможны для умозаключающей дѣятельности разсудка. Доказательствомъ такой независимости его отъ опыта служитъ уже то одно, что большая часть формулъ категорическаго силлогизма (напр. вторая и третья фігуры и большая часть, такъ называемыхъ, модусовъ этого силлогизма) рѣдко, иные вовсе не употребляются въ дѣйствительномъ мышленіи. Наблюдать

¹⁾ Этимъ несоотвѣтствіемъ фактически существующаго знанія съ его идеєю, какъ извѣстно, воспользовались скептики для доказательства своего мнѣнія о невозможности знать истину. Но оставляя въ сторонѣ это мнѣніе, замѣтимъ, что самое скептическое отношеніе ко всякому данному знанію всего лучше показываетъ независимость отъ опыта идеи знанія или нормальнаго логическаго мышленія. Если скептикъ считаетъ неудовлетворительнымъ и не достигающимъ истины каждое данное познаніе, то онъ произноситъ такой приговоръ надъ наличнымъ знаніемъ только потому, что уму его предносится идея вполне совершеннаго знанія, въ сравненіи съ которою никакое данное знаніе не кажется ему удовлетворительнымъ. Откуда-же у него эта идея или идеаль совершеннаго знанія? Изъ опыта и наблюденія она очевидно взята быть не могла, потому что, по собственному признанію скептика, всѣ данныя знанія, какъ-бы они по суду обыкновеннаго мнѣнія ни казались состоятельными, на самомъ дѣлѣ не удовлетворительны, не заслуживаютъ имени истиннаго знанія. Итакъ очевидно, эта идея, съ точки зрѣнія которой онъ такъ строго судитъ всѣ наличныя знанія, принадлежитъ его собственному уму, есть идея апріорная.

ихъ негдѣ; между тѣмъ никто не станетъ утверждать, что эти формы логически неправильны. Тотъ же самый не эмпирический, а дедуктивный приемъ вывода логическихъ правилъ изъ апріорныхъ началъ, мы могли бы найти и у другихъ философовъ, занимавшихся разработкою логики.

б) Главный аргументъ въ пользу эмпирическаго происхожденія основныхъ понятій нашего разума, какъ мы замѣтили, чисто отрицательнаго свойства, — это полемика противъ ученія о такъ называемой врожденности идей. Несостоятельность возраженій, направленныхъ противъ этого ученія, мы видѣли. Но если бы эти возраженія были и удачнѣе, чѣмъ какими оказались на самомъ дѣлѣ, ихъ однихъ, конечно, было бы недостаточно для полнаго научнаго обоснованія сенсуалистической теоріи познанія. Нужно положительное доказательство, что происхожденіе тѣхъ понятій, которыя раціональная философія признаетъ врожденными, вполне объясняется съ эмпирической точки зрѣнія; нужно показать, какъ напр. это или другое категорическое понятіе образуется при помощи опыта и одного только опыта. Въ такихъ объясненіяхъ, конечно, нѣтъ недостатка у эмпириковъ. Но общій и капитальный недостатокъ ихъ тотъ, что, какъ и при критикѣ теоріи врожденныхъ идей, они принимаютъ эти понятія въ формѣ логически опредѣленныхъ понятій и потому (удачно или нѣтъ, — другой вопросъ) стараются объяснить возникновеніе не того или иного апріорнаго элемента нашего познанія, а именно той опредѣленной формы, въ которой онъ является въ послѣдствіи, — тогда какъ между тѣмъ и другимъ, какъ мы видѣли, должно быть признано существенное различіе. Что опредѣленные категорическія понятія не даны намъ первоначально, но образуются постепенно, — что известная доля участія въ ихъ образованіи принадлежитъ опыту, это конечно справедливо, и въ этомъ отношеніи попытки эмпириковъ указать въ чемъ именно состоитъ это участіе опыта могутъ имѣть научное значеніе, содѣйствуя разъясненію процесса происхожденія нашихъ познаній, по крайней мѣрѣ съ одной, эмпирической стороны. Но очевидно и то, что мы напрасно стали бы ожидать отъ этихъ попытокъ рѣшенія вопроса о первоисточникѣ нашихъ категорическихъ понятій и

идей, такъ какъ весь процессъ дальнѣйшаго раскрытія ихъ уже предполагаетъ элементарное существованіе ихъ въ насъ — разумѣ и есть именно процессъ ихъ раскрытія, а не первоначальнаго возникновенія въ нашей душѣ.

При такомъ общемъ характерѣ эмпирическаго ученія о несизѣ категорическихъ понятій намъ нѣтъ уже настоящей нужды входить въ спеціальную критику ученія эмпириковъ о происхожденіи того или другаго понятія въ частности. Достаточно будетъ, если мы остановимся на двухъ, имѣющихъ впрочемъ особенное важное значеніе для философіи, понятіяхъ: *субстанціи* и *причины* съ цѣлью показать неосостоятельность эмпирическаго ученія объ ихъ происхожденіи.

а) Разсматривая каждый наблюдаемый нами предметъ, мы различаемъ въ немъ, во-первыхъ, такія свойства или обнаруженія его, которыя не остаются въ немъ постоянно, но подвержены смѣнѣ и замѣнѣ другими, возникаютъ и исчезаютъ, затѣмъ отличаемъ нѣчто, что остается пребывающимъ и неизмѣннымъ среди этихъ измѣняющихся свойствъ и обнаруженій. На этомъ различеніи и основано наше категорическое понятіе субстанціи и акциденціи. Подъ субстанціею вещи мы разумѣемъ именно то, что въ предметѣ служитъ постояннымъ и неизмѣннымъ носителемъ всѣхъ свойствъ и видоизмѣненій его, подъ акциденціями — всѣ тѣ измѣняющіеся свойства и феномены, которые безъ субстанціи не имѣютъ самостоятельнаго бытія, но служатъ лишь ея обнаруженіями. Такъ напр. вода можетъ принимать разныя формы, имѣть различныя качества, можетъ являться въ видѣ льда, паровъ, жидкости, быть теплою, холодною, принимать форму облака, росы, но самый объектъ или субстратъ, принимающій эти формы, остается однимъ и тѣмъ же, — водою. Иначе субстанцію мы называемъ сущностью, природою вещи, вещью самою по себѣ.

Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ спеціальный анализъ столь важнаго въ метафизикѣ понятія о субстанціи; не касаемся вопроса и о томъ, существуютъ-ли дѣйствительно, такъ называемыя, субстанціи или вещи сами по себѣ, или онѣ суть только фикціи нашего мышленія. Во всякомъ случаѣ неоспоримо и не оспаривается даже эмпириками то, что человекъ,

по природному свойству своего мышления *необходимо* различаетъ въ предметахъ ихъ сущность и явленіе, что какъ скоро воспринимаетъ въ вещахъ различныя измѣненія, то необходимо предполагаетъ, что въ основѣ этихъ измѣненій лежитъ *нѣчто*, на чемъ они держатся и что остается среди ихъ неизмѣннымъ. Явленія безъ являющагося бытія, безъ того, чего явленія они составляютъ, измѣненія, безъ постоянно-пребывающаго носителя этихъ измѣненій, для насъ немислимы.

Но можетъ-ли эмпирическая теорія, производящая всѣ наши познанія изъ опыта, объяснить происхожденіе этого, во всякомъ случаѣ, если не объективно, то субъективно необходимаго для мышления, понятія о субстанціи?

Что для понятія о субстанціи нѣтъ основанія въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, такъ какъ мы воспринимаемъ нашими чувствами только явленія съ этимъ согласны какъ Локкъ, такъ и послѣдующія эмпирики. Такимъ образомъ они согласны съ раціоналистами по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что первоначальнаго источника этого понятія нужно искать въ разумѣ. Но какъ оно возникаетъ въ нашемъ мышленіи? По мнѣнію Локка оно возникаетъ очень просто отъ того, что мы для нашихъ болѣе или менѣе однородныхъ возрѣній *придумываемъ* нѣкоторый субстратъ, который-бы могъ связать ихъ и къ которому мы могли-бы отнести ихъ, какъ его принадлежности. Среди многочисленныхъ, получаемыхъ отъ нихъ впечатлѣній и простыхъ идей, мы замѣчаемъ такія, которыя являются нашему сознанію постоянно вмѣстѣ и, не будучи въ состояніи вообразить или понять причины этого явленія, *привыкаемъ* предполагать, что есть нѣкоторая вещь или субстратъ, который ихъ сдерживаетъ, на которомъ они существуютъ и изъ котораго истекаютъ; этотъ, подлагаемый подъ простыя идеи субстратъ, мы и называемъ субстанціею ¹⁾.

¹⁾ Essai philos. et c. L. II cap. 23. § 2; C. 13. § 17; cap. 23. § 1. Того-же мнѣнія въ сущности держится и Юмъ, съ тѣмъ различіемъ отъ Локка, что онъ гораздо рѣзче чѣмъ, послѣдній, отвергаетъ не только объективное, но и субъективное значеніе понятія субстанціи. По его мнѣнію ни въ дѣйствительности нѣтъ ничего соответствующаго идеѣ субстанціи, ни наше мышленіе не вынуж-

Не трудно видѣть, что подобнаго рода объясненіе происхожденія въ нашемъ умѣ понятія о субстанціи ровно ничего не объясняетъ. Нашъ умъ *придумываетъ* для извѣстной совокупности явленій общаго ихъ носителя. Однако-же для этого придуманнаго понятія никакихъ элементовъ не дано въ опытѣ, единственномъ источникѣ всѣхъ нашихъ познаній по ученію эмпириковъ. Откуда-же оно возникло? Не есть-ли оно, слѣдовательно, понятіе неопытное, принадлежащее разуму? Но въ опытѣ, говорятъ намъ, дано если не самое понятіе субстанціи, то извѣстная однородность или связь представленій или простыхъ идей; замѣчая ихъ постоянно въ этой связи, умъ *привыкаетъ* мыслить ихъ въ соединеніи и предполагаетъ *поэтому* неизвѣстнаго носителя, сдерживающее ихъ начало или субстанцію. Не говоримъ о томъ, что самая связь представленій по ихъ, напр., однородности и совмѣстному бытію вовсе не принадлежитъ опыту, а устанавливается разумомъ и что объяснять возникновеніе понятія о субстанціи изъ этой связи вовсе не значитъ объяснять происхожденіе его эмпирическимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакого непосредственнаго перехода отъ понятія извѣстной связности или объединенія представленій въ нашемъ умѣ къ понятію субстанціи, какъ реальнаго или мыслимаго реальнымъ носителемъ представляемыхъ нами свойствъ, такъ что появленіе въ нашемъ умѣ послѣдняго остается нисколько необъясненнымъ. Для субъективной связи нашихъ представленій существуютъ субъективныя формы нашего мышленія,—общее представленіе и понятіе, существуетъ и внѣшнее объединеніе ихъ въ видѣ словъ или именъ, обозначающихъ извѣстныя группы представ-

дается къ ея представленію. То, что мы называемъ субстанціею, есть совокупность извѣстныхъ, совмѣстно существующихъ, качествъ. Такъ какъ эти качества постоянно представляются намъ совмѣстными, то у насъ образуется привычка считать ихъ нераздѣльнымъ, цѣлымъ, которое мы и называемъ субстанціею, и затѣмъ отыскивать подобное-же цѣлое во всѣхъ наблюдаемыхъ свойствахъ. Но эта привычка не имѣетъ никакого реальнаго основанія и есть дѣло чистаго произвола; нѣтъ никакого основанія предполагать будто совмѣстное существованіе извѣстныхъ качествъ, которое намъ удалось замѣтить нѣскольکو разъ, должно существовать постоянно, что субстанція явленій должна быть чѣмъ-то постоянно пребывающимъ.

лений, — и этого объединенія вполне было бы достаточно для цѣлей познанія, если бы дѣло шло только о формальномъ объединеніи представленій. Но очевидно, что понятіе о субстанціи есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ общее понятіе или слово. Мы ясно отличаемъ слова и понятія отъ предметовъ; признаемъ субстанцію, какъ реальную сущность, какъ носителя извѣстныхъ свойствъ и явленій предмета, а не нашихъ только представлений о предметѣ. Сущность и явленіе мы необходимо представляемъ какъ нѣчто опредѣляющее извѣстныя стороны въ бытіи предмета, а не нашего только понятія; формальная связь нашихъ представлений въ понятіи не даетъ намъ ни малѣйшаго повода и основанія ни переносить эту связь во внѣ, ни предполагать какой-то реальный субстратъ для этой связи ¹⁾.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, что приписывать *привычку* къ извѣстному соединенію представленій происхожденіе столь всеобщихъ и необходимыхъ понятій, какъ субстанція и принадлежность или сущность и явленіе, значить допускать слишкомъ поверхностное объясненіе. Привычка есть дѣло случайное; она можетъ быть и не быть; отъ привычки, хотя и съ трудомъ, можно отвыкнуть; но едва ли кто скажетъ, что понятіе субстанціи принадлежитъ въ числу такихъ случайныхъ понятій въ человѣческомъ родѣ. Если же подобнаго рода привычка составляетъ, по ея всеобщности, неизбѣжное явленіе у всѣхъ людей, то она будетъ уже не простою привычкою, а нѣкоторымъ законосообразнымъ требованіемъ нашего ума, заставляющимъ неизбѣжно cadaго человѣка различать въ предметахъ сущность и явленіе, постоянное и измѣчивое,

¹⁾ По мнѣнію Локка, это просто происходитъ безъ всякаго основанія, по недосмотру. Видя, что многія простыя идеи соединены вмѣстѣ и обозначаются однимъ именемъ, „мы по недосмотру (inadvertance) бываемъ склонны говорить о нихъ какъ объ одной простой, идеѣ и смотрѣть на нихъ, какъ будто онѣ составляютъ одну идею; потому что, какъ я уже сказалъ, не будучи въ состояніи вообразить, какъ эти простыя идеи могли бы существовать (subsister) сами собою, мы привыкаемъ предполагать, что есть нѣкоторая вещь, которая ихъ поддерживаетъ, на которой онѣ существуютъ и изъ которой происходятъ и которая поэтому названа субстанціей“ *Essai phil.*, L. 11. с. 23 § 1.

субстанцію и акциденціи. Но въ такомъ случаѣ кореннаго источника понятія о субстанціи мы принуждены будемъ искать не въ привычкѣ къ извѣстной группировкѣ представлений, но въ самомъ строѣ нашего разума, — признавать чисто рациональное происхожденіе его.

Что понятіе субстанціи не есть понятіе придуманное только нами для объясненія связи представлений, которыя мы привыкли видѣть совокунно являющимися въ нашей душѣ, а необходимое, и потому не эмпирическое понятіе нашего разума, это не трудно видѣть при ближайшемъ анализѣ нашего чувственнаго познанія. Ощущенія нашихъ чувствъ, посредствомъ которыхъ мы познаемъ внѣ насъ находящееся бытіе, постоянно измѣняются. Если-бы, согласно показаніямъ нашихъ чувствъ, внѣ насъ было только измѣненіе, если-бы во внѣшнемъ мірѣ не было ничего, что при этомъ измѣненіи пребывало единымъ и тѣмъ-же самымъ, то все было-бы только потокомъ явленій безъ являющагося; мы имѣли-бы передъ собою только нѣчто являющееся, кажущееся, лишенное всякаго бытія и истины. Мы не могли-бы даже выдѣлять и различать наши ощущенія чрезъ отнесеніе ихъ къ ощущаемому, а между явленіями отличать одни какъ происходяція отъ одного предмета, другія какъ идущія отъ другаго. Вся масса явленій, которыя отъ начала до конца нашей жизни проходятъ предъ нашими чувствами, была-бы для насъ запутаннымъ и непонятнымъ хаосомъ. Но этотъ хаосъ преобразуется для нашего познанія въ стройный міръ отъ того, что каждой изъ нашихъ ощущеній мы относимъ къ опредѣленному предмету, о которомъ не говоримъ, что онъ только является, но что онъ *есть* и о которомъ даже тогда, когда его явленія смѣняются новыми, утверждаемъ, что онъ остается *тѣмъ-же самымъ*. Только чрезъ это отнесеніе явленій къ предмету, служащему ихъ началомъ, получаемъ мы возможность соединять взаимно связанныя явленія, отдѣлять ихъ отъ другихъ и чрезъ это соединеніе и раздѣленіе приводить всѣ явленія въ извѣстный порядокъ, такъ что не остается ни одного изъ нихъ, которое не было-бы отнесено къ какому либо предмету, какъ его свойство или явленіе. При этомъ распредѣленіи явленій и

отнесеніи ихъ къ предметамъ, наша мысль имѣетъ уже дѣло не съ явленіями только какъ таковыми, но съ самими предметами и необходимо предполагаетъ, что въ явленіяхъ и чрезъ ихъ посредство, познается самое являющееся, предметъ, всегда остающійся тѣмъ-же предметомъ. И никакая переменна явленій не въ силахъ поколебать это наше предположеніе и ввести насъ въ заблужденіе; даже тогда, когда въ чувственномъ явленіи мы не находимъ ничего болѣе, что могли-бы удержать какъ постоянно пребывающее, мы не въ состояніи однакоже отрѣшиться отъ мысли, что это пребывающее не можетъ совершенно исчезнуть, что весь предметъ не можетъ разрѣшиться въ явленія безъ остатка. Алмазь, который по своей твердости превосходитъ всѣ извѣстныя намъ тѣла, когда мы положимъ его подъ наполненный кислородомъ стеклянный колпакъ и подвергнемъ его дѣйствию солнечнаго луча чрезъ зажигательное стекло, сгараетъ и повидимому совершенно исчезаетъ; однакоже нашъ умъ не можетъ примириться съ мыслию, что отъ него ничего не осталось; мы предполагаемъ, что его вещество только перешло въ другую форму, въ которой стало недоступно, нашему чувству зрѣнія. И дѣйствительно, наше предположеніе оправдывается, когда при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что находящійся подъ колпакомъ кислородъ измѣнился въ угольную кислоту и что вѣсъ этой послѣдней вполнѣ равенъ вѣсу, который имѣли прежде алмазь и кислородъ вмѣстѣ.

На это постоянно пребывающее среди явленій мы смотримъ какъ на истинно сущее и существенное въ вещахъ и называемъ его субстанціею. При постоянной измѣнчивости нашихъ ощущеній, въ которыхъ отражается также постоянно измѣнчивое, доступное нашимъ чувствамъ, внѣшнее, феноменальное бытіе, откуда-бы въ насъ могло возникнуть такое понятіе о бытіи субстанціальномъ, если-бы оно не составляло исключительной принадлежности нашего разума? Правда, желающіе во что-бы то ни стало найти опытную основу для этого понятія, замѣчаютъ, что хотя чувства дѣйствительно представляютъ намъ одни лишь измѣненія явленій, но самыя эти измѣненія представляются намъ вовсе не одинаковыми и равномерными;

одни изъ нихъ совершаются предъ нами быстрѣе, другія медленнѣе. Въ нѣкоторыхъ предметахъ перемѣны происходятъ такъ медленно, что мы ихъ почти не замѣчаемъ; благородные, напр., металлы, которые такъ трудно окисляются, могутъ сохраняться въ теченіе многихъ лѣтъ безъ перемѣны. Иногда въ томъ же самомъ предметѣ измѣненія происходятъ по частямъ и неравномѣрно; извѣстный, напр., предметъ перемѣняетъ только свой цвѣтъ, а его величина и фигура остаются тою-же самою, многія деревья теряютъ осенью свои листья, тогда какъ корень, стволъ и вѣтви остаются тѣми-же. Итакъ нашимъ чувствамъ доступны не только измѣнчивыя явленія, но такія, которыя постоянно пребываютъ въ то время, какъ другія измѣняются. Отсюда видно, что и эмпирическимъ путемъ мы можемъ получить понятіе о постоянномъ и измѣняющемся, которое и лежитъ въ основѣ понятія о субстанціи и акциденціяхъ.

Но при этомъ объясненіи забываютъ, что понятіе субстанціи вовсе не тождественно съ понятіемъ скоро и медленно измѣняющагося въ природѣ и относительно болѣе и менѣе постояннаго. Субстанція не есть только пребывающее въ то время какъ *другое* измѣняется, но нѣчто всегда остающееся себѣ равнымъ при измѣненіи своихъ *собственныхъ* акциденцій и служащее причиною и основою этихъ измѣненій. Къ понятію субстанціи принадлежитъ такимъ образомъ не только представленіе измѣняющагося и остающагося неизмѣннымъ, но и понятіе необходимой *связи* между ними, при которой субстанція остается пребывающимъ носителемъ *своихъ* измѣняющихся акциденцій. Субстанція и акциденціи суть такимъ образомъ коррелятивныя, немислимыя одно безъ другаго, понятія. Чрезъ то самое, что измѣняющееся названо акциденціей, оно уже отнесено къ субстанціи; и чрезъ то, что пребывающее себѣ равнымъ и неизмѣннымъ названо субстанціей, оно мыслится уже носителемъ акциденцій. Понятіе объ этой-то существенной, обоесторонней связи между субстанціею и акциденціей ни коимъ образомъ не можетъ быть заимствовано изъ опыта. Если-бы мы захотѣли связывать между собою то, что на опытѣ является намъ измѣняющимся и остающимся неизмѣннымъ, то получили-бы опять только связь между собою

акциденцій, но никогда той связи, какую мы мыслимъ между субстанціею и акциденціями. Такъ напр. измѣняющійся цвѣтъ предмета мы должны-бы считать акциденціей его, остающейся при этомъ неизмѣнною, фигуры и величины, тогда какъ то и другое по своей измѣнчивости оказывается акциденціей. При смѣнѣ болѣе и менѣе измѣняющихся явленій въ томъ-же предметѣ, мы-бы должны считать первыя акциденціями послѣднихъ, тогда какъ въ дѣйствительности тѣ и другія одинаково относятся къ акциденціямъ.

В. Юдрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXXI.

Общественная жизнь, какъ продуктъ процессовъ дифференціаціи и интеграціи.— Степени и виды этихъ процессовъ въ строеніи общества, въ отправленіяхъ его и продуктахъ его дѣятельности.—Законъ наименьшаго сопротивленія, какъ условіе, отъ котораго зависитъ направленіе процессовъ дифференціаціи и интеграціи къ наибольшей опредѣленности (цѣлесообразность) въ средѣ органическихъ и надъорганическихъ явленій.—Эгоистическія и альтруистическія чувства.— Чувство самосохраненія, какъ основа тѣхъ и другихъ чувствованій.—Дѣйствіе закона наименьшаго сопротивленія въ явленіяхъ духовной жизни.—Отрицаніе существеннаго различія между явленіями жизни духовной и явленіями физической природы, какъ необходимый выводъ философіи Спенсера.

Процессъ дифференціаціи и интеграціи въ природѣ органической состоитъ не только въ образованіи различныхъ видовъ растительнаго и животнаго царства, но также въ сочетаніи отдѣльныхъ индивидуумовъ въ одно цѣлое непрерывно продолжающееся, именуемое общиною, обществомъ, и распределеніи этого цѣлага на отдѣльныя части взаимно приспособленныя къ достиженію одной общей цѣли—поддержанію и усовершенію рода.

„Въ числѣ органическихъ интеграцій, говоритъ Спенсеръ, слѣдуетъ отмѣтить также интеграціи, создающія между организмами взаимную зависимость“. Животныя обладаютъ большимъ или меньшимъ стремленіемъ жить стадами. Звѣри, ко-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 10.

торые охотятся стаями, или которые имѣютъ часовыхъ, или повинуются вожакамъ, образуютъ общины, объединенныя извѣстной коопераціей. У млекопитающихъ и птицъ эта взаимная зависимость тѣснѣе, а общины насѣкомыхъ представляютъ примѣры еще болѣе сплоченныхъ собраній. Взаимная зависимость не ограничивается организмами одного вида, но простирается на всѣ вообще организмы, какъ это видно изъ того, что всѣ животныя существуютъ прямо или косвенно на счетъ растеній, а растенія живутъ угольной кислотой, выделяемой животными, а также изъ того, что животныя хищныя не могутъ существовать безъ травоядныхъ, а большая часть растеній не можетъ иначе размножаться какъ при помощи насѣкомыхъ ¹⁾.

Но всѣ эти явленія интеграціи отдѣльныхъ организмовъ представляютъ лишь зачатокъ того, что мы видимъ въ обществахъ человѣческихъ. Разнаго рода обнаруженія общественной жизни, а также явленія, зависимаго отъ этой жизни, представляютъ такой рядъ развитія, который далеко восходитъ надъ областью собственно органическаго прогресса и потому называется у Спенсера развитіемъ надъ органическимъ или сверхъ-органическимъ (*evolution super-organig* ²⁾). Многочисленные примѣры сочетаній представляютъ общественные организмы. Таковы: объединеніе бродячихъ семей въ многочисленныя племена, собраніе младшихъ подъ властію старшихъ, объединеніе управляемыхъ властію разнаго рода правителей, наконецъ объединеніе народовъ посредствомъ торговыхъ и политическихъ союзовъ. Всѣ эти виды и степени интеграціи, какъ само собою понятно, перемежаются и условливаются соответствен-

¹⁾ Princ. § 110 (75).

²⁾ Неорганическія тѣла представляютъ намъ извѣстные факты. Нѣкоторые другіе факты, въ большинствѣ случаевъ имѣющіе большую сложность, представляются тѣлами органическими. Остаются за тѣмъ дальнѣйшіе факты не представляемые никакимъ органическимъ тѣломъ, взятымъ отдѣльно, но которые происходятъ отъ сгруппированныхъ дѣйствій, производимыхъ органическими тѣлами какъ взаимно другъ на друга, такъ и на тѣла неорганическія. Хотя явленія этого порядка замѣчаются и между низшими организмами, но только въ человѣчествѣ они становятся столь очевидными, что можно считать ихъ присущими лишь обществу человѣческому. Ibid. § 111 (§ 76).

ными имъ формами дифференціаціи. Въ первобытной и низшей своей формѣ общество представляетъ собою однородное собраніе индивидуумовъ, которые обладаютъ одинаковыми способностями и совершаютъ одинаковыя отправленія. Но уже на самой ранней ступени общественнаго развитія мы открываемъ начало дифференціаціи въ томъ, что лишь благодаря появленію власти, т. е. раздѣленію однородной массы на управляемыхъ и правителей, бродячія семьи могли сплотиться въ племена, при чемъ и самая власть вначалѣ имѣла семейный характеръ, будучи представленною въ лицѣ старѣйшинъ. Дальнѣйшая степень дифференціаціи состояла въ различеніи двоякаго значенія власти, которая была и гражданскою и вмѣстѣ религіозною, ибо всѣ древніе писатели свидѣтельствуютъ и преданія доказываютъ, что первые вожди почитались какъ лица божественныя, между которыми древнѣйшій признавался верховнымъ богомъ, а другіе—подчиненными божествами. Существуетъ затѣмъ и еще одно правительство, происшедшее изъ того-же источника, какъ и два первые, но мало по-малу разошедшееся съ ними,—это правительство обрядовъ и приличій. Всѣ почетные титулы вначалѣ просто употреблялись какъ имена короля—бога; потомъ—бога и короля, затѣмъ—ими обозначали лицъ высшаго ранга и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ стали прилагать ко всѣмъ людямъ; всѣ формы обращенія сначала были выраженіями покорности побѣдителю, или владыкѣ человѣческаго и божескаго происхожденія, впоследствии стали пользоваться ими въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Каждый изъ названныхъ родовъ правительства претерпѣваетъ въ свою очередь дальнѣйшія дифференціаціи. И не только классъ управляющихъ, все болѣе дифференцируясь, усложнялся такимъ образомъ съ теченіемъ времени, но и въ отношеніи управляемыхъ также всегда происходилъ и происходитъ тотъ-же процессъ. „Нѣтъ надобности разяснять какимъ образомъ этотъ процессъ, начавъ отъ первыхъ степеней и прошедши кастовыя раздѣленія на Востокѣ, а въ Европѣ цеховыя корпораціи, достигъ до той вполне выработанной организаціи, существующей у насъ, которая имѣетъ цѣлью производство и распредѣленіе продуктовъ. Политическая экономія

давно уже разъяснила тотъ процессъ, который, начавшись съ такой общины, гдѣ отдѣльные члены то же дѣлаютъ, каждый для себя, оканчивается обществомъ цивилизованнымъ, имѣющимъ ту особенность, что его члены исполняютъ различныя неодинаковыя дѣйствія, каждый для другихъ; политическая экономія указала, кромѣ того, и измѣненія, путемъ которыхъ единичный производитель товаровъ превращается въ систему производителей, гдѣ каждый исполняетъ свое особое дѣло въ производствѣ¹⁾.

Таковъ ходъ измѣненій въ строеніи общества.

Тѣмъ-же законамъ интеграціи и дифференціаціи подлежатъ въ своемъ развитіи и разнообразныя отправления различныхъ органовъ общественной жизни и многоразличные продукты общественной дѣятельности.

Возьмемъ во вниманіе, на примѣръ, человѣческую рѣчь — этотъ необходимый органъ общественныхъ сношеній. Законъ интеграціи въ отношеніи языка выражается въ образованіи сложныхъ наименованій посредствомъ соединенія простыхъ, въ сліяніи нѣсколькихъ звуковъ въ одинъ звукъ, въ согласованіи различныхъ частей рѣчи и частей предложенія, а также въ распространеніи предложенія посредствомъ разнаго рода дополненій, — вообще въ образованіи связной рѣчи. Но дабы возможно было согласованіе различныхъ частей рѣчи, для этого очевидно необходимо было напередъ образованіе этихъ частей, т. е. дифференціація языка, вначалѣ состоявшаго лишь изъ именъ существительныхъ и глаголовъ; независимо отъ того во всякомъ языкѣ отдѣльныя слова могутъ быть раздѣлены на группы, изъ которыхъ каждая представляетъ разнообразныя видоизмѣненія происшедшія отъ одного корня; да и самыя языки состоятъ въ родственной связи между собою и слѣдовательно произошли, надо полагать, отъ одного корня, а все это указываетъ на процессъ дифференціаціи, дальнѣйшимъ продолженіемъ котораго являются различные виды письменнаго языка, каковы, на примѣръ, гіероглифическое письмо, гіератическое и эпистографическое письмо, фонетическое

¹⁾ Princ. § 122 (§ 87).

Исторія наукъ и искусствъ: также представляетъ многочисленные факты дифференціаціи и интеграціи. Прогрессъ въ наукѣ прежде всего состоялъ въ усовершеніи классификацій, при чемъ предметомъ, подлежащимъ классификаціи, служатъ въ однихъ наукахъ вещи и существа, а въ другихъ отношенія (законы). „Прогрессъ науки съ одной изъ главныхъ своихъ сторонъ есть прогрессъ обобщенія, а обобщать значитъ объединять въ группы всѣ подобныя сосуществованія и смѣны явленій“ ¹⁾. Философія своими обобщеніями должна объять все познаваемое. Такъ-же совершается прогрессъ въ художественныхъ и промышленныхъ искусствахъ; и здѣсь мы видимъ послѣдовательную смѣну интеграціи и дифференціаціи. Прогрессъ, замѣнившій грубой, несложный и небольшой первобытный рабочий инструментъ громадными машинами, есть прогрессъ интеграціи; всякая новѣйшая машина состоитъ изъ нѣсколькихъ первобытныхъ, соединенныхъ въ одно цѣлое; при томъ-же двигатель не былъ связанъ съ орудіемъ, которое приводилъ въ движеніе; теперь-же весьма часто двигатель и орудіе соединены въ одномъ и томъ-же аппаратѣ. А какой контрастъ между стѣнными изображеніями египтянъ и ассирійцевъ и нашими историческими картинами! Явное доказательство, что совершился не малый прогрессъ въ единствѣ замысла, въ соподчиненности частей цѣлому. Въ музыкѣ простой тактъ, состоящій изъ не многихъ нотъ, монотонно повторяющихся, какъ, на примѣръ, въ пѣніи дикарей, у цивилизованныхъ расъ становится цѣпью музыкальныхъ фразъ, скомбинированныхъ въ единое цѣлое, послѣ чего къ мелодіи присоединяется еще гармонія. Въ драматическихъ и повѣствовательныхъ произведеніяхъ прогрессъ дѣлается яснымъ, если сравнить новѣйшія произведенія этого рода съ тѣми сказками первобытныхъ временъ, какими и понынѣ рассказчики Востока ежедневно забавляютъ своихъ слушателей.

Но одновременно съ тѣмъ, какъ несвязное становится связнымъ, совершается переходъ однообразнаго въ многообразное. Это мы видимъ и въ области искусствъ. Въ то время какъ

¹⁾ Ibid § 113 (§ 78).

языкъ письма „проходилъ первыя стадіи своего развитія, стѣнные украшенія, давшія ему начало, дифференцировались въ свою очередь, производя живопись и вааяніе“¹⁾). Фигуры, начертанныя на стѣнахъ, раскрашивались и постепенно отдѣлялись отъ стѣнъ въ видѣ барельефовъ, пока наконецъ совершенно не отдѣлились; и явилась такимъ образомъ новая отрасль искусства. Переходъ однообразнаго въ разнообразное видѣнъ также и въ усложненіи отдѣльныхъ художественныхъ произведеній. Въ произведеніяхъ первобытнаго искусства мы видимъ большое однообразіе содержанія: повторяется одно и то же расположеніе фигуръ, повсюду однѣ и тѣ-же позы, одни и тѣ-же лица, однѣ и тѣ-же одежды. Напротивъ въ современныхъ картинахъ содержаніе представляетъ безконечное разнообразіе. Какъ живопись и вааяніе вначалѣ состояли въ непосредственной связи съ архитектурою, и только съ теченіемъ времени сдѣлались самостоятельными искусствами, такъ поэзія, музыка и танцы (орхестика) составляли нѣкогда другую столь же связную и нераздѣльную группу; „ритмъ рѣчи, ритмъ тоновъ и ритмъ движенія вначалѣ были частями одного цѣлаго“. Въ самыхъ древнихъ повѣствованіяхъ историческихъ расъ мы открываемъ, что эти три формы размѣреннаго движенія употреблялись на религіозныхъ празднествахъ вмѣстѣ“²⁾). Сначала въ Греціи эти искусства утратили свое религіозное значеніе и раздѣлились; причемъ поэзія въ свою очередь раздѣлилась на лирическую и эпическую; впрочемъ и каждое изъ названныхъ искусствъ съ теченіемъ времени все болѣе дифференцировалось въ самомъ себѣ. „Между древнею монотонною танцевальною пѣснею и большою оперою нашихъ дней, съ ея безконечною сложностію въ оркестровкѣ и безчисленными голосовыми комбинаціями, контрастъ въ отношеніи разнородности такъ великъ, что представляется невѣроятнымъ, чтобы одна была предшественницею другой“. Тоже явленіе представляетъ собою развитіе литературы и науки. Въ книгахъ евреевъ напр. то мы находимъ содержащимися въ одномъ и томъ-же произ-

1) Ibid. § 124 (§ 89).

2) Ibid. § 125 (§ 90)

веденіи теологію, космогонію, исторію, біографію, законъ, нравоченіе и поэзію. Въ другомъ фазисѣ, памятникомъ котораго осталась Иліада, точно такимъ-же образомъ представляются смѣшанными элементы религіозные, военные, историческіе, эпическіе, драматическіе и лирическіе. Наконецъ въ наши дни разнородность литературы такъ возросла, что ея многочисленныя и разнообразныя раздѣленія и подраздѣленія не поддаются никакой классификаціи. Наука сначала существовала нераздѣльно съ искусствомъ и вмѣстѣ съ нимъ служила религіи; далѣе отдѣлившись отъ искусства, науки долгое время были такъ еще малочисленны и элементарны, что всѣ ихъ вмѣстѣ могли разрабатывать тѣ-же самые философы, но затѣмъ, и особенно въ настоящее время, роды и виды наукъ стали такъ многочисленны, что очень не многіе могутъ ихъ перечислить и никто уже не въ состояніи изучить хотя-бы одинъ только родъ во всемъ его объемѣ ¹⁾).

Уже при разсмотрѣніи органической природы было указано на то, что особенность этой природы, по Спенсеру, заключается въ большей опредѣленности и въ цѣломъ и въ частяхъ каждаго изъ произведеній этой природы. Замѣчаніе это относится также и къ явленіямъ сверхъорганическаго развитія. Хотя здѣсь, такъ-же какъ и въ отдѣльныхъ организмахъ и въ органической природѣ вообще, совершается тотъ-же процессъ интеграціи и дифференціаціи, который происходитъ повсюду и въ природѣ неорганической, но съ тѣмъ различіемъ, что въ природѣ органической, а равно въ области явленій надъорганическихъ, этотъ процессъ имѣетъ большую несравненно опредѣленность (иначе сказать—является цѣлесообразнымъ), такъ что развитіе состоитъ здѣсь не только въ переходѣ отъ безсвязнаго къ связному и отъ однороднаго къ разнородному, но еще и притомъ преимущественно въ переходѣ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Поступательное движеніе къ большей опредѣленности совершается и въ строеніи какъ отдѣльныхъ организмовъ, такъ и общественныхъ союзовъ, и въ свойственныхъ тѣмъ и другимъ отправленіяхъ. „Бродячее племя

¹⁾ Ibid. § 126 (§ 91).

дикарей менѣе опредѣленно въ относительныхъ положеніяхъ своихъ частей, чѣмъ нація“. „По мѣрѣ того какъ общество достигаетъ зрѣлости, опредѣленность увеличивается и становится разнообразнѣе; когда-же оно достигнетъ вершины развитія или начнетъ клониться къ упадку, то опредѣленность и различіе формъ доходятъ до послѣдней степени“. „Существуетъ не малая разница между теперешними священниками и священниками прежнихъ временъ, которые были и служителями религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воинами, судьями, архитекторами; ихъ функціи стали опредѣленнѣе“ ¹⁾; промышленный классъ отчетливѣе обособился отъ класса воиновъ. Усложненіе языка, обиліе частей рѣчи и словъ позволяетъ человѣку выражать свои мысли съ большею опредѣленностію. Въ наукѣ также мы видимъ постоянный переходъ отъ неопредѣленныхъ и неясныхъ понятій къ опредѣленнымъ и яснымъ; многія отношенія выяснены; множество соединеній разложено на простые элементы; найдены средства къ точному измѣренію и исчисленію изучаемыхъ явленій. Сравненіе древнихъ орудій, а также древнихъ произведеній художественныхъ искусствъ, съ новыми ясно показываетъ и въ этой области то же движеніе къ все большей точности и опредѣленности. По мѣрѣ общественнаго развитія, изображеніе дѣйствительности въ произведеніяхъ поэзіи дѣлается естественнѣе, правдивѣе. Равнымъ образомъ и отправленія общества, или движенія, производимыя сочетаніемъ индивидуальныхъ дѣйствій, возрастаютъ въ многообразіи, опредѣленности и сложности. „Сравните правленіе дикаго вождя съ правленіемъ главы цивилизованнаго общества, вспомоцествуемаго подчиненными ему мѣстными администраціями, и вы увидите насколько увеличилась правительственная функція по мѣрѣ того какъ совершился прогрессъ отъ малочисленныхъ племенъ къ націямъ состоящимъ изъ милліоновъ людей. Посмотрите насколько торговля варварскихъ племенъ отлична отъ нашей, которая ежедневно распредѣляетъ милліоны товаровъ, регулируетъ отношеніе спроса и предложенія“... ²⁾.

¹⁾ Ibid. § 134 (§ 99).

²⁾ Ibid. § 144 (§ 109).

Но откуда эта особенность органической природы, равно какъ и явленій сверхъорганическихъ? Чѣмъ объяснить замѣчаемое повсюду въ этой области непрерывное движеніе къ болѣе определенной? Единственное условіе, указываемое Спенсеромъ для этого отличительнаго характера органической природы, заключается въ свойственномъ всякому организму стремленіи приспособиться къ внѣшнимъ условіямъ, такъ что правильность, или иначе, цѣлесообразность и въ устройствѣ и въ отправленіяхъ всякаго органическаго существа, по Спенсеру, есть произведеніе случайнаго стеченія такихъ или иныхъ внѣшнихъ условій. Или быть можетъ правильность есть также и въ сочетаніи внѣшнихъ условій, такъ что правильность свойственная организму есть только отображеніе внѣшней цѣлесообразности? Тогда чѣмъ можетъ быть изъяснена послѣдняя? Во всякомъ случаѣ здѣсь мы имѣемъ взаимодействіе, столкновеніе различныхъ дѣйствій или дѣятелей и даже просто движеній. А для всякаго взаимодействія, будетъ-ли это цѣлесообразное отношеніе или случайная встрѣча, у Спенсера имѣется одинъ только принципъ, который можно выразить въ слѣдующемъ положеніи: всякое движеніе происходитъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія и наибольшаго напряженія. На этомъ-же принципѣ онъ основываетъ и изъясненіе измѣненій претерпѣваемыхъ общественною жизнью. Хотя явленія общественной жизни Спенсеръ и называетъ сверхъорганическими, но, какъ и всякій организмъ, общество также принуждено приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ своего существованія.

„М-ръ Джемсъ-Гиптонъ, читаемъ у Спенсера, въ „*Медицинско-хирургическомъ Обзорѣннн*“ показалъ, что ростъ органическихъ существъ происходитъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Описавъ въ подробности нѣкоторыя изъ первыхъ наблюденій, приведшихъ его къ этому обобщенію, онъ такъ его формируетъ: Органическая форма есть результатъ движенія. Движеніе направляется по линіи наименьшаго сопротивленія. Слѣдовательно, органическая форма есть результатъ движенія по линіи наименьшаго сопротивленія“ ¹⁾). Прилагая это на-

¹⁾ Ibid. § 78 (§ 44).

чало къ изъясненію органической жизни, Спенсеръ говоритъ, что съ точки зрѣнія динамической подъ названіемъ естественнаго подбора (который признается главнымъ условіемъ происхожденія видовъ) слѣдуетъ разумѣть измѣненія по линіи наименьшаго сопротивленія. Размноженіе какого-либо животнаго или растительнаго вида въ благопріятной для него мѣстности есть ростъ по направленію, въ которомъ задерживающія силы слабѣе чѣмъ гдѣ-либо. Сохраненіе породъ, лучше другихъ преуспѣвающихъ въ борьбѣ съ окружающими условіями жизни, есть продолженіе органическаго движенія въ направленіи, въ которомъ 'наилегче' могутъ быть обойдены препятствія, заграждающія путь.

„Такъ какъ у отдѣльныхъ животныхъ, включая сюда и человека, движеніе слѣдуетъ направленію наименьшаго сопротивленія, то необходимо заключить, продолжаетъ Спенсеръ, что и въ группахъ людей дѣло происходитъ такимъ-же образомъ. Измѣненія въ обществѣ происходятъ изъ комбинированнаго дѣйствія его членовъ, а потому теченіе таковыхъ измѣненій должно опредѣляться тѣми-же законами, какіе опредѣляютъ всѣ другія измѣненія, производимыя сочетаніемъ сихъ¹⁾).

Общество, какъ организмъ, возрастаетъ и дѣйствуетъ всегда въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Силы, принадлежащія обществу, сталкиваются и борются съ силами геологическаго происхожденія или порождаемыми климатомъ, или съ силами дикихъ животныхъ и другихъ человѣческихъ расъ, съ которыми члены общества находятся во враждѣ или соревнованіи. Отсюда, стремясь къ самосохраненію, населеніе распространяется всюду, гдѣ только находитъ средства, наиболее избѣгнуть враждебныхъ силъ, или съ наименьшимъ трудомъ можетъ добыть матеріалы для орудій защиты. Вотъ почему плодородныя долины, обильныя водой и растительностію, были заселены первыя. Люди расселились также по берегамъ моря, предлагавшаго имъ изобильную и легко добываемую пищу. По той-же причинѣ большія общества возникаютъ впервые въ тропическихъ странахъ, гдѣ полученіе плодовъ земныхъ требуетъ

¹⁾ Ibid. § 80 (§ 46).

затраты наименьшихъ усилій и гдѣ легко сохранять животную теплоту. Эмиграція устремляется въ страны, представляющія наименьше сопротивленій самосохраненію индивида, а слѣдовательно и развитію общества. Непрестанныя войны, происходящія отъ столкновенія расширяющихся обществъ, покоренія болѣе слабыхъ племенъ или народовъ, опустошенія территорій побѣдителями суть общественныя движенія, совершающіяся по направленію наименьшаго сопротивленія. Тоже самое начало, именно направленіе движенія по линіи наименьшаго сопротивленія, не только опредѣляетъ внѣшнія отношенія общества, но дѣйствуетъ также и внутри общества; имъ объясняется напр. распредѣленіе промышленныхъ занятій, изъ которыхъ каждое, возникаетъ и преуспѣваетъ тамъ, гдѣ для того представляется наибольшее удобствъ, т. е. наименьше сопротивленія. „Притокъ капиталовъ къ предпріятіямъ, дающимъ наибольшую прибыль, покупка по найдешевѣйшей изъ цѣнъ, продажа по самой дорогой изъ цѣнъ, введеніе въ производство наиболѣе экономическихъ пріемовъ, развитіе наилучшихъ средствъ распредѣленія и всѣ эти колебанія торговой дѣятельности суть движенія, происходящія въ направленіи наименьшаго сопротивленія“.

Нужно-ли говорить, что хотя-бы и можно было признать условіемъ дифференціаціи въ строеніи и отправленіи общества законъ наименьшаго сопротивленія, однако никакимъ образомъ нельзя изъяснить помощію этого условія то, что процессъ дифференціаціи всегда представляется цѣлесообразнымъ, или, что съ этимъ процессомъ, по выраженію Спенсера, всегда соединяется переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Иррѣки текутъ по линіи наименьшаго сопротивленія, и землетрясеніе распространяется по линіи наименьшаго сопротивленія; эпидеміи также расходятся въ направленіи наименьшаго сопротивленія; всякаго рода общественныя нестроенія слѣдуютъ тому-же закону. Какимъ-же образомъ можетъ служить къ изъясненію общественнаго развитія законъ, который въ равной мѣрѣ является также условіемъ для всего противодѣйствующаго развитію общества и даже прямо разстраивающаго общественную жизнь?

Выше сказано, что не только сопротивленіемъ, но также и

напряженіемъ опредѣляется направленіе движенія. „Въ развитіи организмовъ, говоритъ Спенсеръ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ направленіе движенія строго слѣдуетъ равнодѣйствующей силѣ протяженія и сопротивленія“,—ибо повсюду дѣйствуютъ отталкивательныя и притягательныя силы. Сопротивленіемъ опредѣляется отношеніе общества къ внѣшнимъ условіямъ, его приспособленіе къ нимъ. Итакъ пусть внѣшнія отношенія обществъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, опредѣляются закономъ наименьшаго сопротивленія. Но процессъ интеграціи, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ строй общества, не производится ли внутренними, присущими каждому отдѣльному члену его силами?

„Изучая привычки различныхъ родовъ животныхъ, говоритъ Спенсеръ, съ цѣлью открыть — что заставляетъ индивидовъ извѣстнаго вида жить особнякомъ, и индивидовъ другаго вида—жить вмѣстѣ, мы находимъ двѣ группы причинъ, то дѣйствующія совмѣстно, то противодѣйствующія одна другой различными путями и въ различныхъ степеняхъ. Въ органическомъ мірѣ существуютъ двѣ главныя и наиболее общія функціи: *самосохраненіе и сохраненіе породы*. Каждая изъ этихъ двухъ наиболѣе общихъ функцій имѣетъ свою долю участія въ опредѣленіи того будутъ ли въ данномъ случаѣ привычки животнаго уединенными или стадными, или же отчасти уединенными, а отчасти стадными“¹⁾.

Общественность должна зародиться въ томъ случаѣ, если дѣтеныши живутъ вмѣстѣ болѣе или менѣе продолжительное время и если семья извлечетъ для себя выгоду отъ такого совмѣстнаго житья, а образовавшаяся такимъ образомъ привычка къ общенію, посредствомъ наследственной передачи, усилитъ склонность къ совмѣстному житью. Постоянное ощущеніе вокругъ себя родственныхъ существъ дойдетъ до того, что станетъ господствующею частію сознанія, такъ что отсутствіе ея будетъ вызывать чувство неудовлетворенности. При совмѣстномъ существованіи чувство страха отъ угрожаемой опасности будетъ общимъ и легко возбуждаемымъ какимъ

¹⁾ Основ. Психологіи § 503.

либо въ вѣннмъ признакомъ выраженія этого чувства (паника); удовольствие, веселое возбужденное настроеніе также становится при этомъ общимъ. Такъ какъ однакоже всякое симпатическое чувство возбуждается косвеннымъ образомъ, чрезъ мысленное воспроизведеніе признаковъ его обнаруженія, то значительное развитіе симпатическихъ чувствованій возможно только въ обществѣ, обладающемъ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, именно въ обществѣ человѣческомъ. Развитію симпатическихъ чувствованій въ особенности способствуютъ отношенія семейныя (отношеніе половое и отношеніе между родителями и дѣтьми), такъ что источникомъ симпатій служитъ тройное отношеніе: отношеніе между членами даннаго вида, отношеніе половое и отношеніе между родителями и дѣтьми. Но и эти всѣ условія имѣютъ свое значеніе только при достаточномъ развитіи мыслительной силы. „Относительно медленное развитіе симпатій въ продолженіи цивилизаціи, несмотря на высокую степень общественности и благоприятныя семейныя отношенія, зависѣло въ значительной степени отъ медленнаго развитія способности умственнаго воспроизведенія“¹⁾. Впрочемъ развитіе симпатій ограничивается высшимъ интересомъ оградить и обезпечить безопасность общества отъ вѣннхъ враговъ, а проистекающее отсюда желаніе причинить вредъ врагамъ является причиною того, что несмотря на развитіе симпатическихъ чувствъ, съ ними легко уживается безучастное отношеніе къ чужому страданію, какъ-бы ни были ясно выражены и легко представляемы признаки такого страданія.

Спенсеръ раздѣляетъ общежительныя чувствованія на эгоистическія, эгоистическо-альтруистическія (смѣшанныя) и альтруистическія.

По опредѣленію Спенсера, чувствованія суть такіе крайне сложныя психическіе продукты, которые произошли отъ долговременнаго накопленія многократно повторенныхъ воспоминаній или воспроизведеній нѣкогда полученныхъ ощущеній. При этомъ Спенсеръ различаетъ чувствованія образовавшіяся вслѣд-

¹⁾ Psych. § 509.

ствіе родового опыта, а потому составляющія общее достояніе, которое сохраняется путемъ наслѣдованія, отъ чувствованій нажитыхъ посредствомъ индивидуальнаго опыта. Такъ схватываніе добычи и удовлетвореніе голода у хищныхъ животныхъ послужило источникомъ родового чувства обладанія, признаки котораго можно видѣть, напр. въ томъ, съ какимъ удовольствіемъ собака тормозитъ и дергаетъ что-либо схваченное ею; а чувство удовлетворенія, соединенное съ представленіемъ обладанія, въ свою очередь служитъ стимуломъ къ преслѣдованію. Такъ какъ человѣку свойственна, сравнительно съ самыми высшими животными, гораздо большая способность умственного воспроизведенія, то чувство обладанія, путемъ многочисленныхъ видоизмѣненій, преобразовалось у него въ эгоистическое чувство собственности, которое простирается на самые разнообразные предметы обладанія — не только приносящіе прямое удовлетвореніе различнымъ потребностямъ и желаніямъ, но и служащіе лишь орудіями для добыванія другихъ — и соединяется съ многообразными удовольствіями, проистекающими какъ отъ дѣйствительнаго употребленія обладаемыхъ вещей, такъ и отъ простаго представленія удовольствій, возможность которыхъ соединяется съ правомъ собственности. Къ эгоистическимъ чувствамъ принадлежитъ также чувство независимости и свободы. И это чувство есть у животныхъ, какъ это видно изъ того, что они сопротивляются всякому стѣсненію, но только у человѣка оно достигаетъ (какъ и чувство собственности) столь широкаго развитія, что все легче и легче становится возбуждаемымъ всѣмъ, что только косвенно угрожаетъ какимъ-бы то ни было стѣсненіемъ, ибо обнимаетъ собою не только ближайшія, но и самыя отдаленныя отношенія общественной жизни. И постепенно слагая политическое устройство, въ согласіи съ самимъ собою, оно наконецъ утѣшается созерцаніемъ такихъ идеальныхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ ни одинъ гражданинъ не имѣлъ-бы привилегій, нарушающихъ требованія другихъ его согражданъ. Здѣсь это чувство достигаетъ столь высокой степени воспроизведенія, что всѣ идеи о конкретныхъ выгодахъ тонуть въ абстрактномъ удовлетвореніи,

происходящемъ отъ обезпеченности противъ всякаго возможнаго вмѣшательства въ преслѣдованіе своихъ цѣлей каждымъ изъ гражданъ" ¹⁾). Наконецъ, чувство самодовольства и самоуваженія, которое при дальнѣйшемъ развитіи переходитъ въ чувство гордости, происходитъ вслѣдствіе многократнаго воспроизведеннаго сознанія успѣшности выполненныхъ нами въ разное время умственныхъ или тѣлесныхъ дѣйствій.

Всѣ означенныя *эгоистическія* чувства имѣютъ свою функцію приспособленіе поведенія къ окружающимъ условіямъ.

Чувства любви и ненависти уже родовой опытъ связалъ съ извѣстными наружными признаками и дѣйствіями, служащими для нихъ выраженіемъ, а потому совершенно безсознательно, даже у животныхъ, внѣшніе признаки дружелюбія и ненависти или гнѣва возбуждаютъ соотвѣтственные имъ чувства удовольствія и страха. У людей эти послѣднія чувства, возбуждаемыя наружными признаками дружелюбія и ненависти или гнѣва, соединяются съ представленіемъ дѣйствій происходящихъ отъ того и другаго, т. е. отъ благорасположенія или гнѣва, а также съ представленіями одобренія и порицанія, такъ какъ самъ по себѣ гнѣвъ есть признакъ порицанія, а благожелательное чувство означаетъ одобреніе. Представленія же одобренія и порицанія рождаютъ стремленіе къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя одобряются и стараніе избѣжать всего того, что порицается. Одобреніе и порицаніе сначала представляются какъ выраженіе чувствъ наиболее авторитетныхъ лицъ, а затѣмъ уже какъ выраженіе верховной и всемогущей воли Божества, при чемъ съ представленіемъ одобренія божественнаго связывается представленіе будущаго всеобщаго счастья, которое должно быть послѣдствіемъ такого одобренія. Наконецъ съ одобреніемъ и порицаніемъ, исходящими отъ высшаго авторитета, состоятъ въ связи понятія о добромъ и дурномъ, правила нравственности. Таковы регулятивныя чувства *эгоистическо-альтруистическаго* характера. Это чувства удовольствія и страха, внушаемыя представленіями любви и ненависти или благожеланія и гнѣва, а также представленіями

¹⁾ Псих. § 516.

одобренія и порицанія, — чувства въ свою очередь рождающія представленія о добромъ и дурномъ, такъ что не сами по себѣ дѣйствія признаются подъ руководствомъ этихъ чувствъ добрыми или дурными, а только потому, что предписываются или запрещаются, одобряются или порицаются высшею властію, которая за повиненіе награждаетъ, а за ослушаніе наказываетъ.

Борьба за существованіе, происходящая какъ между обществами, такъ и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго общества, является причиною слабаго и медленнаго развитія *альтруистическихъ* чувствъ, каковы великодушіе и щедрость, состраданіе и милосердіе, особенно-же справедливость. Впрочемъ не слѣдуетъ раздѣлять этихъ чувствъ отъ эгоистическихъ. „Альтруистическія чувствованія всѣ суть не что иное какъ сочувственныя (симпатическія) возбужденія эгоистическихъ чувствованій, а потому онѣ измѣняются въ своихъ свойствахъ, сообразно свойствамъ тѣхъ эгоистическихъ чувствованій, которыя возбуждаются въ данномъ случаѣ симпатическимъ образомъ“¹⁾. Иначе сказать, въ альтруистическихъ чувствованіяхъ отражаются эгоистическія чувствованія другаго лица; поэтому, для возбужденія въ насъ альтруистическихъ чувствъ необходимо, чтобы мы представили себя въ положеніи другаго лица; такимъ образомъ альтруистическія чувствованія суть отраженныя; это не что иное какъ видоизмѣненіе эгоистическихъ чувствованій, обусловленное фактомъ существованія отдѣльнаго лица не иначе какъ въ обществѣ. Вотъ почему „всякое альтруистическое чувствованіе нуждается, какъ въ своемъ неизбѣжномъ факторѣ, въ соответственномъ ему эгоистическомъ чувствованіи: если намъ не случалось чувствовать какого нибудь ощущенія или эмоціи, то ни это ощущеніе, ни эта эмоція не могутъ быть

¹⁾ Ibid. § 527. Of the two groups of feelings which thus become differentiated, the altruistic are all sympathetic excitements of egoistic feelings; and they vary in their characters according to the characters of the egoistic feelings sympathetically excited. Симпатическое чувствованіе, по опредѣленію Спенсера, есть такое, которое возбуждается не прямо чрезъ натуральную причину его происхожденія, а при посредствѣ представленій о знакахъ обычно соединенныхъ съ такимъ чувствованіемъ. Ibid. § 507.

возбуждены по сочувствію или симпатическимъ путемъ¹⁾. Поэтому сильные люди, хотя и одаренные природою способною сочувствовать, не могутъ войти въ чувствованія людей слабыхъ; для нихъ непонятны страданія, происходящія отъ излишней чувствительности, вслѣдствіе чего подобныя страданія не возбуждаютъ въ нихъ симпатическихъ чувствъ. Зависимость альтруистическихъ чувствъ отъ эгоистическихъ въ особенности открывается изъ того, какъ происходитъ развитіе важнѣйшаго изъ таковыхъ чувствъ, именно чувства справедливости. Основа этого чувства заключается въ эгоистическомъ чувствѣ любви къ свободѣ и независимости. Любовь къ независимости и свободѣ выражается въ удовольствіи, испытываемомъ при существованіи условій, не полагающихъ никакого ограниченія какой-бы то ни было дѣятельности, а также въ страданіи отъ всякаго стѣсненія, хотя-бы косвеннаго, свободы движеній и дѣятельности. Итакъ, любовь къ свободѣ и независимости прежде всего служитъ къ охраненію неприкосновенности той сферы, которая требуется индивиду для должнаго упражненія его силъ и удовлетворенія желаній. Но когда тоже самое чувство возбуждается сочувственнымъ отношеніемъ къ другому лицу, то оно производитъ уваженіе къ такимъ-же сферамъ другихъ индивидуумовъ и служитъ побудительнымъ мотивомъ къ защитѣ другихъ, въ случаѣ если принадлежащія имъ сферы дѣйствія подвергаются постороннему вторженію, — т. е. чувство любви къ свободѣ преобразуется въ чувство справедливости. „Очевидно, что пропорціонально тому, какъ это чувство въ своей эгоистической формѣ, путемъ многократнаго воспроизведенія, становится возбуждаемымъ болѣе и болѣе косвенными и отдаленными вторженіями въ область свободы, пропорціонально этому и одновременно съ этимъ, оно и въ альтруистической своей формѣ становится все болѣе и болѣе внимательнымъ къ свободѣ другихъ“...²⁾.

Такая связь альтруистическихъ чувствъ съ эгоистическими объясняется просто тѣмъ, что тѣ и другія чувства представ-

¹⁾ Ibid. § 529.

²⁾ Ibid. § 530.

ляютъ лишь дифференціацію первичнаго и основнаго чувства самосохраненія, въ равной мѣрѣ свойственнаго всѣмъ органическимъ существамъ. Чувства смѣшаннаго характера, именно эгоистическо-альтруистическія, очевидно, составляютъ въ процессѣ дифференціаціи фундаментальнаго чувства самосохраненія промежуточную ступень между эгоистическими и альтруистическими чувствами. Теперь понятно, чѣмъ обуславливается, по теоріи Спенсера, процессъ дифференціаціи и интеграціи общества. Процессъ этотъ изъясняется развитіемъ свойственнаго всякому живому существу побужденія къ самосохраненію. Можно, конечно, возразить, что и самая эволюція чувства самосохраненія возможна лишь при существованіи общества и не иначе какъ въ обществѣ. Но это возраженіе легко разрѣшается, съ точки зрѣнія Спенсера, тѣмъ, что какъ только побужденіемъ къ самосохраненію вызвано къ бытію совместное существованіе индивидуумовъ, конечно въ самой простѣйшей, несовершенной формѣ, то затѣмъ уже непрерывно должно происходить взаимодействие между развитіемъ общественнаго союза и соответственнымъ развитіемъ побужденія къ самосохраненію. Гораздо важнѣе то, что вопросъ о процессѣ дифференціаціи и интеграціи, или иначе, объ эволюціи общества, на самомъ дѣлѣ вовсе не разрѣшается, а только переносится на побужденіе къ самосохраненію, какъ начало дѣйствующее въ общественной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ и степеняхъ развитія. Выше разъяснено, какъ происходитъ развитіе чувства самосохраненія, но не показано отъ чего именно такъ, а не иначе, оно происходитъ. На этотъ вопросъ философія Спенсера не даетъ иного отвѣта кромѣ того, что таково именно всеобщее и первоначальное свойство матеріи, или того неизвѣстнаго непознаваемаго для насъ начала, которое обозначается этимъ именемъ. Мы знаемъ, что матеріи присущи притягательныя и отталкивательныя силы. Отсюда происходятъ повсюду замѣчаемые нами процессы дифференціаціи и интеграціи. Поэтому никакого существеннаго различія не имѣется, по философіи Спенсера, между психическою и соціальною эволюціею съ одной стороны и дѣятельностію физическихъ и химическихъ силъ въ природѣ неорганической—съ другой. По

Спенсеру нѣтъ и не можетъ быть никакого существеннаго различія между явленіями органической и неорганической природы. Процессъ эволюціи совершенно одинаковъ, тождественъ какъ въ природѣ неорганической, такъ и въ природѣ органической. Выше представлено въ явленіяхъ общественной жизни господство физическаго закона, по которому движеніе всегда происходитъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Спенсеръ находитъ, что этотъ-же законъ господствуетъ и въ явленіяхъ духа. Что такое воспріятіе впечатлѣнія и самое дѣйствіе, являющееся послѣдствіемъ воспринятаго впечатлѣнія, какъ не распространеніе движенія отъ однихъ частей организма къ другимъ частямъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія? Ощущеніе—это притокъ или освобожденіе силы въ извѣстной части организма, а механическое движеніе, произведенное ощущеніемъ, есть расходъ или потеря силы въ другой части организма. „Поэтому если движеніе обыкновенно отъ частей организма, которыя внѣшній міръ снабжаетъ силами въ виду нервныхъ впечатлѣній, направляется къ частямъ организма, реагирующимъ на внѣшній міръ мышечными сокращеніями, то движеніе это просто есть исполненіе означеннаго выше закона“. „Не подлежитъ также сомнѣнію, что переходъ отъ извѣстныхъ желаній къ извѣстнымъ мускульнымъ дѣйствіямъ согласуется съ вышесказаннымъ общимъ положеніемъ о распространеніи движенія. Легко показать, что умственные условія (antecedents) волеаго движенія ту линію, по которой слѣдуетъ движеніе, дѣлаютъ временно линіей наименьшаго сопротивленія. Въ самомъ дѣлѣ, хотѣніе порожденное, какъ это необходимо должно быть, предшествовавшей мыслью, которая состоитъ съ нимъ въ связи, опредѣляющей переходъ отъ послѣдней къ первому, само есть представленіе желаемыхъ дѣйствій и ихъ слѣдствій. Но представить въ сознаніи извѣстныя собственныя движенія—значитъ пробудить отчасти чувствованія ихъ сопровождающія, включая сюда и чувство мускульнаго напряженія, значитъ отчасти возбудить соотвѣтственные двигательные нервы и всѣ прочіе, оканчивающіеся въ органѣ приводимомъ въ движеніе. Иначе говоря, хотѣніе есть начинающееся разряженіе по линіи, которая, въ

силу предшествовавшихъ опытовъ, стала линіей наименьшаго сопротивленія. Переходъ воли въ дѣйствіе есть лишь завершеніе этого разряженія“¹⁾). Поэтому рядъ частныхъ мускульныхъ движеній, которыми достигается обладаніе какимъ-либо желательнымъ предметомъ, всегда такъ направленъ, что ему приходится преодолевать наименьшую сумму внѣшнихъ силъ, т. е. желаемое всегда достигается съ наименьшею тратою силы. Правда, по незнанію или недостатку ловкости, человѣкъ нерѣдко слѣдуетъ труднѣйшему изъ путей и преодолеваетъ большую сумму враждебныхъ силъ, чѣмъ это нужно, но по отношенію къ умственному его состоянію избранный имъ путь все-же легчайшій. Существуетъ, безъ сомнѣнія, иной путь болѣе легкій съ отвлеченной точки зрѣнія, но за то незнаніе этого пути или неспособность слѣдовать ему представляеть съ физической точки зрѣнія реальное и непреодолимое

¹⁾ Princ. § 79 (§ 45). „Два возраженія противоположнаго свойства, говорить Спенсеръ, могутъ быть сдѣланы противъ социологическихъ примѣнаній этого закона (о дѣйствіи силы въ направленіи наименьшаго сопротивленія). Могутъ сказать, что слово сила въ этомъ случаѣ имѣетъ метафорическій смыслъ, что это лишь фигура рѣчи, а не выраженіе физическаго факта, когда мы говоримъ о людяхъ, что желанія заставляютъ ихъ дѣйствовать въ известномъ направленіи. Отвѣтъ на это возраженіе таковъ: приведенные примѣры слѣдуетъ понимать буквально и описанные процессы (обществ. жизни) суть физическіе. Давленіе голода есть дѣйствительная сила, — именно ощущеніе, представляющее собою состояніе нервнаго напряженія, а мускульное дѣйствіе, возбуждаемое ощущеніемъ, есть на самомъ дѣлѣ разряженіе, въ видѣ тѣлеснаго движенія, — такое разряженіе, что если разсмотрѣть умственные акты участвующіе въ немъ, то окажется происходящимъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Поэтому и движенія общества, въ которомъ члены побуждаются къ дѣйствію известными желаніями, дѣйствительно, а не метафорически, должны быть понимаемы въ объясненномъ смыслѣ. Другое возраженіе таково: разъ признавъ законъ направленія движеній, то самъ собою уже слѣдуетъ отсюда и тотъ фактъ, что общественныя движенія, подобно всѣмъ другимъ, должны происходить по этому закону. Но абстрактное утвержденіе, что общественныя движенія происходятъ согласно съ названнымъ закономъ, не сдѣлается убѣжденіемъ большинства, если при этомъ не показано какъ именно они происходятъ (Спенсеръ въ настоящемъ случаѣ очевидно не считаетъ нужнымъ общечеловѣческой опытъ, изъ котораго выводять общепризнаваемыя положенія). Для объединенія социальныхъ явленій съ явленіями простѣйшихъ порядковъ необходимо, чтобы такія обобщенія, каковы обобщенія политической экономіи, были сведены къ соответствующимъ положеніямъ о силѣ и движеніи“. Princ. § 80 (§ 45).

препятствіе разряженію силы въ этомъ направленіи". Спенсеръ оставляетъ при этомъ безъ вниманія тотъ фактъ, впрочемъ съ его точки зрѣнія совершенно необъяснимый, что человекъ избравшій для своей цѣли вмѣсто легчайшаго труднѣйшій путь, потомъ сожалеетъ объ этомъ, и что, прежде нежели избрать извѣстный путь, человекъ, нѣрѣдко съ совершенною ясностію представляетъ возможность различныхъ способовъ дѣйствія и сознаетъ совершенную удобоисполнимость для себя каждаго изъ нихъ, но избираетъ, вмѣсто легчайшаго, труднѣйшій потому именно, что послѣдній кажется ему наиболѣе легкимъ, въ чемъ разубѣждается затѣмъ самымъ дѣломъ. Спенсеръ не беретъ во вниманіе этого различія между тѣмъ, что представляется только, но не оправдывается на дѣлѣ, и тѣмъ, что оказывается въ дѣйствительности. Важнѣе-же всего то, что предложенное Спенсеромъ рѣшеніе указаннаго выше возраженія представляется несообразнымъ съ точки зрѣнія самаго Спенсера. Если избираемый для достиженія извѣстной цѣли, вмѣсто легчайшаго, труднѣйшій путь, долженъ быть признанъ легчайшимъ именно "для того, кто избираетъ, то слѣдовательно и общее "положеніе" о распространеніи движенія, соотвѣтственно этому, должно быть измѣнено, именно такъ: всякое движеніе происходитъ не просто въ направленіи наименьшаго сопротивленія, но въ такомъ направленіи, которое только для каждаго даннаго движенія въ отлѣдности оказывается таковымъ, а съ общей точки зрѣнія можетъ быть и не таково; частное положеніе утверждаетъ здѣсь именно то, что съ *общей* точки зрѣнія отрицается.

Изъ предъидущаго ясно, что, по Спенсеру, не только внѣшнія отношенія общества, но и внутреннія дѣйствующія въ немъ пружины, психическія силы, управляются тѣмъ-же физическимъ закономъ наименьшаго сопротивленія. Слѣдовательно, различіе между внѣшними отношеніями общества и внутренними таково-же, каково различіе между движеніями массъ и движеніями молекулярными. Но послѣ этого Спенсеръ долженъ отвергнуть также различіе утверждаемое имъ-же самимъ, различіе между организмами и неорганическими тѣлами, различіе состоящее, по Спенсеру, въ томъ, что процессъ интегра-

ціи и дифференціаціи въ организмахъ отъ неопредѣленнаго направляется къ опредѣленному, и что сверхъ того равновѣсіе, достигаемое организмомъ внутри и внѣ, всегда есть подвижное... Все сводится къ пространственнымъ и временнымъ отношеніямъ. Ничего иного нѣтъ въ необъятномъ мірѣ кромѣ большихъ и малыхъ, близкихъ или отдаленныхъ агрегатовъ различаемыхъ единственно по отношеніямъ совмѣстности и послѣдовательности, иначе сказать,—существуетъ только матерія и движеніе.

П. Липицкій.

«(Продолженіе 'будетъ)»

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

44. Клеанѳъ Ассійскій.

Клеанѳъ былъ уроженецъ города Асса въ Мизіи. Въ дѣтствѣ еще онъ долженъ былъ привыкать къ лишеніямъ, добывать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, за что его въ насмѣшку называли *Φρεάυτλης* (черпальщикъ воды). Прибывъ въ Аѳины, Клеанѳъ въ продолженіи 20 лѣтъ слушалъ уроки философіи Зенона Китійскаго и затѣмъ сдѣлался преемникомъ его по завѣдыванію стоическою школой. Изъ дальнѣйшаго періода жизни его извѣстно немного. Извѣстенъ, на примѣръ, споръ его съ ученикомъ его Хризиппомъ. Передаютъ также, что онъ окончилъ жизнь свою, добровольно уморивъ себя голодомъ по достиженіи 80 лѣтняго возраста. Отличительною особенностью теоретическаго ученія Клеанѳа является то, что онъ признавалъ солнце основнымъ началомъ міробытія. Изъ сочиненій его сохранился только возвышенный гимнъ Зевсу. Но за то съ именемъ Клеанѳа древность соединяла значительное число изреченій, важнѣйшія изъ коихъ мы и представляемъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 10.

Когда соученики Клеанеа насмѣхались надъ нимъ, то онъ терпѣливо сносилъ ихъ насмѣшки, говоря: и осель, слушая это, спокойно принималъ насмѣшки. Этимъ давалось разумѣть, что одинъ только самъ онъ Клеанеъ былъ въ состояніи носить бремя, возложенное на него Зенономъ.

Когда однажды упрекнули Клеанеа за боязливость, онъ сказалъ: поэтому-то я и мало погрѣшаю.

Онъ говорилъ, что предпочитаетъ свою бѣдную жизнь жизни богатыхъ людей, потому что между тѣмъ какъ они играютъ въ мячикъ, онъ, взрывая землю сухую и неплодную, воздѣлываетъ ее.

Клеанеъ часто бранилъ себя самого. Услышавъ объ этомъ, Аристонъ спросилъ его: кого-же ты бранишь? Клеанеъ, засмѣявшись, отвѣтилъ: старика, который имѣетъ сѣдины въ головѣ, а ума не имѣетъ.

Когда кто-то замѣтилъ, что Аркезилай не поступаетъ какъ должно, Клеанеъ сказалъ замѣтившему: перестань и не порицай; ибо если онъ на словахъ и нарушаетъ долгъ свой, то на дѣлѣ исполняетъ его. Аркезилай на это замѣтилъ: я лести не допускаю; Клеанеъ-же возразилъ: да, я льщу тебѣ, утверждая, что ты говоришь одно, а дѣлаешь другое.

Когда кто-то спросилъ, что должно болѣе всего внушать сыну, Клеанеъ отвѣтилъ: слова Илектры:

„Молчи, молчи, легкой слѣдъ“¹⁾...

Когда одинъ Лакедемонянинъ сказалъ, что трудъ есть доброе дѣло, то Клеанеъ съ радостію провозгласилъ:

„Ты крови хорошей, любезное чадо“²⁾.

Однажды, рассуждая съ юношей, Клеанеъ спросилъ его: сознаешь-ли онъ то, о чемъ рассуждается; когда-же тотъ утвердительно кивнулъ на это головою, Клеанеъ сказалъ: почему же я не сознаю то, что ты сознаешь?

¹⁾ Такъ какъ сущность внушенія заключается въ молчаніи, то и не приведены слѣдующія слова рѣчи Илектры, которыя суть:

„Пролагайте, не шумите, и звука не должно быть“.

Эти слова см. у *Еврипида* въ *Орестѣ*, ст. 140 и 141.

²⁾ *Одис.* IV, 611.

Когда поэтъ Сосиоей высказался въ театрѣ, въ присутствіи Клеанѳа, такъ:

„Которыхъ Клеанѳова глупость гоняетъ какъ будто воловъ“.

то Клеанѳъ остался совершенно спокойнымъ, нисколько не разсердившись. Исполнившись удивленія предъ такимъ спокойствіемъ, слушатели Клеанѳу начали апплодировать, а Сосиоея прогнали изъ театра. Когда-же Сосиоей раскаялся въ своемъ поступкѣ, то Клеанѳъ простилъ его, сказавъ: странно было бы, еслибъ Діонисъ (Бахусъ) и Ираклъ (Геркулесъ) не гнѣвались, будучи осмѣиваемы отъ поэтовъ, а онъ, Клеанѳъ, сердился-бы за случайное злословіе.

Клеанѳъ-же говорилъ, что перипатетики похожи на лиры, которыя прекрасно звучать, но сами себя не слышатъ.

Человѣку, который стоялъ, одиноко и разговаривалъ самъ съ собою, Клеанѳъ сказалъ: съ недурнымъ человѣкомъ ты разговариваешь.

Когда кто-то упрекнулъ Клеанѳа за старость, онъ сказалъ: и я желаю уйти изъ міра; но какъ только представляю себя здоровымъ, пишущимъ и читающимъ, то опять остаюсь.

Кто не отрекается отъ желанія гнуснаго дѣла, тотъ исполнитъ его, какъ только получитъ удобное время.

Когда Клеанѳъ молчалъ и кто-то сказалъ ему: что-же ты молчишь? Вѣдь пріятно бесѣдовать съ друзьями.—Пріятно замѣтилъ на это Клеанѳъ, но насколько это пріятнѣе, настолько-же болѣе въ этомъ должно уступать друзьямъ.

Ничего нѣтъ хуже клеветы, говорилъ Клеанѳъ; ибо тайно обманувъ довѣрившагося, она производитъ ненависть къ тому, который ни въ чемъ не повиненъ.

Онъ-же говорилъ слѣдующее: если конечная цѣль есть удовольствіе, то благоразуміе человѣку дано на зло.

Спрошенный о томъ, какъ можно сдѣлаться богатымъ, Клеанѳъ отвѣтилъ: подѣ условіемъ бѣдности въ пожеланіяхъ.

Когда разъ у Клеанѳа образовался подѣ язычкомъ нарывъ, онъ не могъ пропускать пищи въ желудокъ. Когда-же сдѣлалось ему немного легче, то врачъ предложилъ ему принимать пищу. Но Клеанѳъ сказалъ врачу: ты хочешь, чтобы я, со-

вершившій уже бѣольшую часть жизненнаго пути, опять возвратился къ началу пути: этого, я этого не желаю; и не принимая болѣе пищи, умеръ.

Болѣзнь Клеанея называлъ освобожденіемъ души.

Клеанея же говорилъ, что необразованные только видомъ однимъ отличаются отъ звѣрей.

Хризиппъ Солейскій жилъ малымъ, а Клеанея считалъ достаточнымъ жить еще того меньшимъ.

Клеанея говорилъ, что дающій клятву, въ самое то время, какъ даетъ ее, клянется честно, или ложно: если онъ клянется съ цѣлю исполнить клятву, то клянется честно, если же въ намѣреніи имѣть не исполнить ее, то клянется ложно.

Онъ же предлагалъ такъ называемую (по имени мастера) Тириклееву чашу именовать и Диніевою ¹⁾.

44. Аристонъ Хиосскій.

Другой современникъ Клеанея, подобно послѣднему ученикъ Зенона и представитель стоической философской школы, Аристонъ изъ Хиоса не во всемъ остался вѣренъ философской системѣ своего учителя. Онъ отвергалъ физическую и діалектическую части этой системы и съ сомнѣніемъ относился къ бытію Божію. Но за то въ нравственномъ ученіи онъ дѣлалъ рѣзкое разграниченіе между добродѣтелью и порокомъ, считалъ добродѣтель высшимъ и единственнымъ благомъ, а все прочее для мудреца безразличнымъ, по свидѣтельству Цицерона. Его сочиненія потеряны. Изреченія его:

Онъ говорилъ, что діалектическія разсужденія подобны паутинамъ, которыя хотя кажутся сотканными и искусно, однако бесполезны.

Аристонъ не долюбивалъ Аркезилая ²⁾, который въ своихъ разсужденіяхъ всегда старался бороться противъ очевидности.

¹⁾ Вся соль остроты въ томъ, что имена Тириклея и Динія, по этимологіи, означаютъ, — первое славу звѣря, а послѣднее — ужасъ; а рѣчь о чашѣ съ виномъ.

²⁾ Основателя такъ называемой средней академіи.

Увидѣвъ огромнаго быка съ непомѣрно развитыми нѣкоторыми органами, онъ сказалъ: увы мнѣ! опять представляется Аркезилаю поводъ идти противъ очевидности.

Одному академику, утверждавшему, что онъ ничего не постигаетъ своимъ чувственнымъ воспріятіемъ, Аристонъ сказалъ: неужели ты не видишь и челобѣца, сидящаго рядомъ съ тобою? Когда-же тотъ отвѣтилъ: не вижу, то Аристонъ воскликнулъ трагически:

„Кто-жъ ослѣпилъ тебя? Кто отнялъ блескъ свѣта?“

Гнѣвъ, говорилъ Аристонъ, порождаетъ злословіе, такъ что является отцомъ невѣжливости.

Многіе мудрецы, говорилъ онъ, даже въ старости любятъ жизнь; потому что какъ поздно вступающіе въ бракъ любятъ жизнь и желаютъ продленія ея, чтобы воспитать дѣтей, такъ и они, поздно постигнувъ добродѣтель, желаютъ воспитанія ея въ себѣ.

Онъ-же говорилъ, что изъ того, чѣмъ занимаются и что изслѣдуютъ философы, одно относится къ намъ, другое не относится, а иное выше насъ. Относится къ намъ нравственное ученіе; діалектика-же не относится; ибо нисколько не служитъ къ исправленію жизни. Выше насъ физика; потому что не возможно познать предметы ея, да и пользы не приноситъ она.

Діалектика, говорилъ Аристонъ, подобна грязи на дорогахъ: будучи бесполезною, какъ эта послѣдняя, она способствуетъ только паденію людей.

Справедливо, говорилъ онъ, у Спартанцевъ установленъ былъ законъ о наказаніяхъ, при чемъ одно наказаніе положено было безбрачному, другое, — болѣе жестокое — вступившему поздно въ бракъ, а третье и величайшее — вступившему въ бракъ съ дурною женщиною.

Онъ-же говорилъ, что занимающіеся науками всего круга познаній, но пренебрегающіе философіею, подобны женихамъ Пенелопы, которые, не надѣясь получить ея согласіе на бракъ, ухаживали за служанками ея.

Народная толпа, говорилъ онъ, подобно Лаэрту, отцу Одиссея. Какъ онъ все стараніе прилагалъ къ обработкѣ полей и хозяйству, а къ себѣ самому относился небрежно: такъ и

народная толпа, прилагая величайшую заботу къ приобрѣтенію имуществъ, на душу свою, полную дикихъ страстей, не обращаетъ вниманія.

Когда кто-то сказалъ Аристону: ты слишкомъ ѣдко насмѣхаешься надо мною, то Аристонъ замѣтилъ: вѣдь и для страдающихъ сплиномъ (ипохондріею) острое и горькое полезно, а сладкое вредно.

Тѣ, которые только что стали обличать всѣхъ на основаніи философіи и начали съ родителей своихъ, говорилъ Аристонъ, подобны недавно купленнымъ собакамъ, которыя лаютъ не только на чужихъ, но и на своихъ. Углубляющіеся въ занятія діалектикою, говорилъ онъ, подобны тѣмъ, которые любятъ ѣсть раковъ и которые, такъ какъ въ послѣднихъ сѣдобнаго мало, много занимаются обсасываніемъ кожуры раковъ.

Чемерица, говорилъ Аристонъ, принятая въ дѣльномъ видѣ, очищаетъ внутренности; а истертая въ порошокъ, удушаетъ: такъ и философскія тонкости дѣйствуютъ на душу.

Какъ отъ того-же самаго вина, говорилъ онъ, одни выпивъ его, становятся буйными, а другіе кроткими: такъ и отъ богатства ¹⁾.

46. Хризиппъ Солейскій.

Хризиппъ, сынъ Аполлонія, изъ Тарса или Соль, былъ знаменитѣйшимъ представителемъ стоицизма, такъ что о немъ говорили въ древности: „если-бы не было Хризиппа, то не было-бы и стоической философской школы“. Онъ родился въ 282 и умеръ въ 208 г. до Р. Хр. Прибывъ изъ Малой Азіи въ Аѳины, онъ здѣсь слушалъ Клеанѳа, а по нѣкоторымъ даже и самаго Зенона; слушалъ онъ будто-бы также и академикомъ Аркезилая и Лакида. По смерти Клеанѳа Хризиппъ сдѣлался главою стоической школы и опорю ея. По примѣру своихъ предшественниковъ онъ посвятилъ себя преимущественно практической философіи и этикѣ и энергически противодѣйствовалъ теоретическому направленію философіи пери-

¹⁾ См. Diog. L. VII, 2; Stob. Floril. pagg. 175. 602. 466. 473. 58. 59. 147. 456. 512.

патетиковъ. Но главная заслуга его состояла въ томъ, что онъ положилъ основаніе сообразному съ природою ученію о правѣ. Писатель онъ былъ очень плодовитый. Діогенъ Лаэртій насчитываетъ до 705 сочиненій, ему приписываемыхъ. Извѣстенъ онъ былъ и изреченіями своими.

Когда кто-то сталъ упрекать Хризиппа за то, что онъ не внимаетъ урокамъ мудрости Аристона, котораго слушаютъ многіе, Хризиппъ сказалъ: если-бы я внималъ многимъ, то не былъ-бы философомъ.

Одному діалектику, который нападалъ на Клеанеа и осыпалъ его своими софизмами, Хризиппъ сказалъ: перестань отвлекать старца отъ болѣе серьезныхъ занятій; обращайся съ этими софизмами къ намъ, молодымъ.

Въ другой разъ, когда какой-то діалектикъ наединѣ разговаривалъ съ нимъ благосклонно, а увидѣвъ приближающуюся толпу, началъ спорить, Хризиппъ сказалъ стихами:

„Увы, братъ, глаза устрашаютъ тебя“;

„Какъ скоро ты мнѣ во гнѣвъ обратишь!“

Хризиппъ на попойкахъ обыкновенно сидѣлъ молча и только двигалъ колѣнками, такъ что рабыня говорила о немъ: у Хризиппа пьяны одни только колѣнки.

Онъ такъ славился мудростію, что когда кто-то спросилъ его: кому-бы поручить мнѣ сына? Хризиппъ сказалъ: мнѣ, потому что если-бы я замѣтилъ, что кто либо лучше меня, то я самъ-бы сталъ брать у него уроки философіи. И не даромъ говорили о немъ, что онъ одинъ только истинно мудрствуетъ, а всѣ другіе предъ нимъ—тоже что тѣнь.

Хризиппъ называлъ разумъ источникомъ слова.

Онъ-же говорилъ, что мудрецъ скорбитъ, но не мучится, ибо не падаетъ духомъ; онъ терпитъ нужду, но не принимаетъ подачки.

Опьяненіе, говорилъ онъ, есть малое безуміе.

Когда кто-то сказалъ, что мудрецъ не объемлется плотскою любовію, и въ примѣръ привелъ Менедема, Алексина и Епикура, то Хризиппъ замѣтилъ: я тогда только соглашусь съ этимъ положеніемъ, когда мнѣ докажутъ, что Алексинъ не былъ человѣкомъ распущеннымъ, Епикуръ не былъ безчув-

ственнымъ и Менедемъ не былъ грубымъ и безумнымъ циникомъ.

Достигшій вершины счастья, говорилъ Хризиппъ, все имѣть и дѣлать, что слѣдуетъ, и ничего не остается для него неосуществленнаго; однако онъ не считаетъ счастливою жизнь свою, но ожидаетъ для себя счастья въ будущемъ, когда эти среднія дѣйствія получатъ твердость и устойчивость въ свойствахъ своихъ, получатъ крѣпкую для себя опору.

Спрошенный о томъ, почему не занимается политическими дѣлами, Хризиппъ отвѣтилъ: потому что если-бы я занимался ими плохо, то это не нравилось-бы богамъ, а если-бы — хорошо, то — гражданамъ.

Есть различіе, говорилъ онъ, между истинною клятвою и клятвою въ вѣрности, между нарушеніемъ клятвы и ложною клятвою ¹⁾.

47. АРКЕЗИЛАЙ.

Аркезилай, сынъ Севеа, изъ Питаны въ Эоліи, былъ основателемъ, такъ называемой, средней академіи и славился около 300 г. до Р. Хр. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ своемъ родномъ городѣ у математика Автолика, а послѣ смерти отца своего переселился въ Аѣины и здѣсь слушалъ Теофраста и Полемона. Послѣ смерти Кратиса, онъ сдѣлался преемникомъ его по завѣдыванію академіею и умеръ въ глубокой старости въ 241 г. до Р. Хр. Онъ слѣдовалъ Сократу въ методѣ ученія и подобно ему былъ учителемъ дѣятельнымъ, а не писателемъ теоретикомъ. Онъ строго порицалъ догматизмъ стоической школы; но въ своемъ порицаніи не удержался отъ крайностей, такъ что нѣкоторые даже сомнѣвались въ томъ, что онъ былъ представителемъ школы положительной, а не отрицательной, и думали, не отнести-ли его въ скептикамъ. Писалъ-ли онъ какія сочиненія или нѣтъ, не извѣстно; по крайней мѣрѣ до насъ не осталось ни одного сочиненія съ его именемъ. Извѣстны лишь нѣкоторыя изреченія его, которыя мы и приводимъ.

¹⁾ Diog. L. VII, 7; Stob. Floril. pagg. 42. 87. 165. 393. 552. 304. 196.

Когда Аркезилай переходилъ отъ Кратиса и Полемона къ Теофрасту, то сказалъ о нихъ, что они суть какъ-бы какіе боги, или люди, оставшіеся отъ золотого вѣка.

Относительно юноши, который слишкомъ смѣло разговаривалъ, Аркезилай сказалъ: неужели никто не побѣдитъ его съ помощію игральной кости? ¹⁾

Когда нѣкто въ своихъ мудрованіяхъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, будто все безразлично по величинѣ, то Аркезилай спросилъ: неужели и десятидюймовое не разнится отъ шестидюймоваго?

Нѣкоторый Хиосецъ, по имени Гемонъ, будучи безобразенъ лицомъ, думалъ однако, что онъ красивъ и одѣвался всегда въ роскошныя тонкія одежды. Однажды онъ сказалъ: Аркезилаю: мнѣ кажется, я не буду любить мудреца. Аркезилай-же замѣтилъ: въ томъ-ли случаѣ, если онъ не будетъ такъ красивъ, какъ ты, или въ томъ, если не будетъ имѣть такихъ красивыхъ одеждъ, какъ у тебя?

Когда одинъ развратникъ обратился къ Аркезилаю, какъ къ человѣку важному, съ словами, выраженными въ формѣ стихотворной:

„Могу-ли спросить у тебя, почтенная“,
„Иль долженъ хранить я молчаніе?“

то Аркезилай переспросилъ его также въ стихотворной формѣ:

„О женщина! Что мнѣ ты скажешь
Суровое и для тебя необычное?“

Когда одинъ болтунъ неблагороднаго происхожденія доставлялъ своею болтовнею слишкомъ много хлопотъ Аркезилаю, то послѣдній не могъ удержаться, чтобы не сказать о немъ также въ стихотворной формѣ:

„Дѣти рабовъ рождены для того“,
„Чтобъ говорить только дерзости“.

Когда еще другой болтунъ много говорилъ вздору, то Аркезилай сказалъ о немъ, что онъ должно быть не имѣлъ и кормилицы неразговорчивой.

¹⁾ Дѣло въ томъ, что *ἀστράγαλος* значитъ и игральная кость и пятка, ладыжка.

На замѣчаніе одного ростовщика и вѣстѣ любознательнаго челоуѣка, что онъ кое-чего не знаетъ, Аркезилай сказалъ словами Софокла:

„Скрыты отъ птицы — самки и вѣтровъ теченія“¹⁾

„Развѣ когда лишь выводить она птенцовъ“²⁾

Объ одномъ діалектикѣ, по имени Алексивѣ, который не могъ какъ слѣдуетъ передать нѣкоторые пункты ученія Алексина, Аркезилай сказалъ: съ нимъ должно было-бы поступить такъ-же, какъ поступилъ Филоксенъ съ дѣлателями кирпичей: узнавъ, что они дурно поютъ сочиненныя имъ пѣсни, онъ началъ топтать ихъ кирпичи и при этомъ приговаривалъ: какъ вы портите мои произведенія, такъ и я — ваши.

Аркезилай всякій разъ отказывался бесѣдовать о чемъ-либо серьезномъ во время пирушки; и когда нѣкто, по имени Ардилъ, предложилъ ему за пирушкою какой-то вопросъ изъ области умозрѣнія и требовалъ на него отвѣта, Аркезилай сказалъ: въ томъ и заключается по преимуществу особенность философія, что она знаетъ время на все и каждое.

Подобно тому, какъ гдѣ много лѣкарствъ и врачей, тамъ много и болѣзней, говорилъ Аркезилай, такъ точно гдѣ много законовъ, тамъ много и преступлений.

Бѣдность, говоритъ Аркезилай, скудна пропитаніемъ, какъ и островъ Итака, но она есть хорошая воспитательница молодого поколѣнія, какъ пріучающая къ бережливости и воздержанію и вообще представляющая собою школу добродѣтели.

Онъ-же говорилъ, что діалектики подобны играющимъ въ кости, которые съ удовольствіемъ владеютъ въ обманѣ.

Діалектики, внушалъ онъ, избѣгай; ибо она ирривительно все перемѣшиваетъ²⁾.

48. КАРНЕАДЪ.

Карнеадъ былъ родомъ изъ Кирены въ Африкѣ. Онъ родился въ 213-мъ, а умеръ въ 129 году до Р. Хр. Сначала

1) Дѣло въ томъ, что греческое τόχος значить и дитя, птенцы и ростъ, проценты.

2) Diog. L. IV, 6. 11. 17. Stob. Floril. pagg 248. 515. 472. 473.

онъ предался было со всею ревностію молодаго искателя истины изученію стоической философіи; но не удовлетворенный ея ученіемъ о богахъ и нравственными началами, обратился къ философіи Платоновой. Усвоивъ послѣднюю, онъ однако не рабски слѣдовалъ ея ученію, а самостоятельно отнесся къ ней и сдѣлался основателемъ такъ называемой новой, третьей академіи. Въ изысканіяхъ истины онъ стремился отрѣшиться отъ области чувственнаго и находить признаки ея въ области сверхчувственнаго, въ проявленіяхъ разума безконечнаго. Какъ человекъ, онъ былъ чистъ и безупреченъ. Свои ораторскія способности и свое остроуміе онъ обнаружилъ во время посольства своего, въ Римъ (въ 155 г. до Р. Хр.). Сочиненій отъ Карнеада не осталось никакихъ; но зато извѣстны изреченія его.

Карнеадъ имѣлъ очень сильный голосъ и весьма громко говорилъ предъ своими слушателями, такъ что начальникъ гимназіи, устроенной при академіи, послалъ однажды къ нему сказать, чтобы онъ не такъ громко кричалъ. Карнеадъ же велѣлъ сказать начальнику: установи мѣру силы голоса. Начальникъ впрочемъ благоразумно отвѣтилъ ему: ты имѣешь эту мѣру въ слушателяхъ.

О смерти Карнеадъ выражался часто такъ: образовавшая составъ мой природа и разрушитъ этотъ составъ. Когда онъ узналъ, что Антипатръ ¹⁾, выпивъ яду, умеръ, то въ виду легкости разрѣшенія души отъ тѣла такимъ способомъ, сказалъ: такъ дайте и мнѣ! Когда-же его спросили: чего? то онъ отвѣтилъ:—вина смѣшаннаго съ медомъ.

Діалектика, говорилъ Карнеадъ, подобна полипу: какъ полипъ, выросши, пожираетъ собственныя свои ноги, такъ и діалектики, по мѣрѣ усиленія своихъ познаній, уничтожаютъ свои-же прежнія мнѣнія ²⁾.

У. Ж.

(Окончаніе будетъ).

1) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Антипатръ Тарсянинъ, философъ стоической школы, современникъ Карнеада.

2) Diog. L. IV, 9, 4—7; Stobei, Florilegium, pag. 473.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1887 года.

Содержаніе: Опреѣленія Святѣйшаго Синода.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои за службу по епархіальному вѣдомству Всемилостивѣйше удостоены въ 5 день апрѣля 1887 года наградою Высочайше жалуемыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологи.—Объявленія.

Опреѣленія Святѣйшаго Синода.

II. Отъ 27 апрѣля—10 мая 1887 года, за № 771, объ учрежденіи стипендій въ русскихъ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и академіи для православныхъ арабовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 апрѣля сего года, за № 5626, въ коемъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, что Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу его, г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 18 день апрѣля 1887 г., Высочайше утвердить соизволилъ определеніе Святѣйшаго Синода, 17 февраля—1 марта 1887 г., объ учрежденіи стипендій въ русскихъ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и академіи для православныхъ арабовъ, изъ уроженцевъ Іерусалимской, Антиохійской и Александрійской патріархій, на проценты съ пожертвованнаго Совѣтомъ Православнаго Палестинскаго Общества капитала въ 18,450 руб., присовокупляя, что и положеніе объ означенныхъ стипендіяхъ было представлено на Высочайшее воззрѣніе. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненной Высочайшей волѣ, для объявленія во всеобщее извѣстіе, сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“, по принятому порядку, съ приложеніемъ копій съ положенія о стипендіяхъ.

П О Л О Ж Е Н І Е

о стипендіяхъ для православныхъ арабовъ въ русскихъ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ и академіи.

1) Православное Палестинское Общество, въ видахъ воспособленія дѣтямъ православныхъ арабовъ полученія воспитанія въ духѣ православной Церкви,

передаетъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ капиталъ въ *восемнадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей* въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, по номинальной цѣнѣ.

2) Ежегодные съ этого капитала проценты составляютъ три стипендіи въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ, по *сто семидесяти пяти рублей* каждая, и одну стипендію въ русской духовной академіи — въ *триста пятьдесятъ рублей*.

3) Остатокъ процентовъ съ капитала, образующійся отъ незамѣщенія стипендій, причисляется къ капиталу, до образованія суммы, проценты съ которой будутъ достаточны для новыхъ стипендій.

4) Этими стипендіями имѣютъ право пользоваться только дѣти православныхъ арабовъ, уроженцевъ предѣловъ Іерусалимской патріархіи; за недостаткомъ же таковыхъ — уроженцы предѣловъ Антиохійской и Александрійской патріархіи.

5) За удержаніемъ изъ каждой стипендіи суммы на содержаніе стипендіата, передаваемой въ правленія духовныхъ учебныхъ заведеній, остающаяся отъ стипендій сумма передается на руки стипендіатамъ, ежемѣсячно, по расчету.

6) Опредѣленіе духовныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ будутъ помѣщены стипендіаты, а равно и избраніе сихъ послѣднихъ предоставляется Совѣту Православнаго Палестинскаго Общества.

II. Отъ 3—4 Іюня 1887 г. № 1036, о производствѣ сбора по церквамъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія жителей города Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей г. Вѣрнаго и многихъ селеній Семирѣченской области отъ землетрясенія. Приказали: Попущеніемъ Божиимъ постигло жителей г. Вѣрнаго и многихъ селеній Семирѣченской области страшное бѣдствіе. 28-го минувшаго мая, въ исходѣ пятого часа утра, произошло сильное землетрясеніе, въ конецъ разрушившее г. Вѣрный и многія селенія области: храмы Божіи и жилыя зданія обращены въ груды развалинъ, причемъ погибло не малое число людей, и всѣ жители поражены ужасомъ. Нельзя не помыслить съ глубокою скорбью о томъ печальномъ состояніи, въ коемъ находятся нынѣ подвергшіеся несчастію жители: они лишены не только крова и одежды, но и куска насущнаго хлѣба. Страждущіе взываютъ къ помощи благотворителей, и Святѣйшій Синодъ питаетъ надежду, что возлюбленные о Господѣ чада нашей святой соборной и апостольской Церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впадшимъ въ несчастіе, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на братскую помощь бѣдствующимъ жителямъ г. Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить печатными указами епархіальнымъ преосвященнымъ, синодальнымъ конторамъ московской и грузино-имеретин-

ской, управляющему гвардейскимъ духовенствомъ, главному священнику арміи и флотовъ и завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ, духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквяхъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго указа, воскресные или праздничные дня, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ жителей г. Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области, вмѣнивъ при семъ духовенству въ непремѣнную обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ, въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображенію съ церковными средствами, возможное пособіе бѣдствующимъ и изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церквей, безъ замедленія, были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности, въ консисторіи, конторы и канцеляріи—главнаго священника и Ихъ Величествъ духовника, которыя обязываются немедленно доставлять таковыя деньги преосвященному туркестанскому Неофиту, съ доведеніемъ о количествѣ препровожденныхъ, такимъ образомъ, денегъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода; о чемъ, для зависящихъ, къ исполненію сего распоряженій, послать, по принадлежности, печатные циркулярные указы.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода

*Преосвященному Амвросію, Архіепископу
Харьковскому и Ахтырскому.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Преосвященства, отъ 30 апрѣля сего года, за № 68, о перенесеніи съ крестнымъ ходомъ находящейся въ Вознесенской церкви села Великаго Бобрика иконы св. Николая въ Ряснянскій св. Дмитріевскій монастырь. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства разрѣшить находящуюся въ Вознесенской церкви села Великаго Бобрика икону св. Николая переносить ежегодно съ крестнымъ ходомъ въ Ряснянскій св. Дмитріевскій монастырь на время отъ недѣли Всѣхъ Святыхъ по 29 число іюня мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы названная икона была переносима изъ приходской Вознесенской церкви, по совершеніи въ оной литургіи, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ и обратно была возвращаема изъ монастыря въ 29 день іюня мѣсяца также по совершеніи въ этотъ день литургіи въ монастырѣ; о чемъ для должныхъ къ исполненію распоряженій послать Вашему Высокопреосвященству указъ Мая „18“ дня 1887 года.

На указѣ семъ резолюція Его Высокопреосвященства 26 мая

1887 года, за № 2204, послѣдовала такая: „въ Консисторію для надлежащихъ распоряженій“.

СПИСОКЪ

лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои за службу по епархіальному вѣдомству Всемилостивѣйше удостоены въ 5 день апрѣля 1887 года наградою, Высочайше жалуетыхъ.

Орденъ Св. Владиміра 4-й степени: Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ церкви протоіерей Андрей Дюковъ. *Орденъ Св. Анны 2-й степени:* г. Купянска соборной Покровской церкви протоіерей Іоаннъ Мухинъ. *Орденъ Св. Анны 3-й степени:* Старобѣдскаго уѣзда, церкви слободы Новой Айдари протоіерей Михаилъ Ветуховъ; г. Харькова, Кладбищенской Іоанно-Усѣкновенской церкви священникъ Георгій Волобуевъ.

Опредѣленіемъ отъ 3—14 марта 1887 года за № 381 преподано благословеніе Св. Синода безъ установленной грамоты жителю г. Харькова, потомственному почетному гражданину Николаю Сѣрикову.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Опредѣлены на праздныя священническія мѣста: при Зміевской Соборной Троицкой церкви окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи *Петръ Мухинъ*; при Петро-Павловской ц. села Страды, Зміевскаго уѣзда, окончившій курсъ въ той-же семинаріи *Алексій Жадановскій*; на праздное діаконское мѣсто при Воскресенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, *Андрей Сукачевъ*.

— Іеромонахъ Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря *Викторъ* 12 мая настоящаго года волею Божіею умре.

— Псаломщикъ Сумской Николаевской церкви *Гавріиль Полтукій* Его Высокопреосвященствомъ рукоположенъ въ санъ діакона къ сей-же церкви.

— Псаломщикъ Преображенской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Михаилъ Подольскій, постановленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 29 апрѣля, 27 мая настоящаго года, по болѣзни, уволенъ отъ занимаемой имъ должвости псаломщика, впредь до выздоровленія.

— На псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ заштатнаго священника Максимъ *Брайловскій*.

— На псаломщицкое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви села Павловокъ опредѣленъ сынъ псаломщика *Иванъ Борадаевскій*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Николаевской церкви слободы

Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ псаломщика слоб. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Соболевъ*.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слоб. Малой-Камышеваха, Изюмскаго уѣзда, *Иванъ Литвинцевъ*, переименованъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Покровской Кладбищенской гор. Изюма церкви.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Троицкой церкви сл. Малой Камышеваха, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ бывший воспитанникъ семинаріи 3 класса Георгій Чебановъ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Троицкой — села Гракова, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ *Герасимъ Жуга*; Богородицкаго уѣзда Георгіевской села Лѣсковки мѣщанинъ *Іоаннъ Тризна* и Константино-Еленовской — села Константиновки отставной солдатъ *Стефанъ Тарарука*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Къ вопросу о надлежащемъ воспитаніи пастырей церкви — Мѣры противъ штундизма. — Русскія раскопки въ Іерусалимѣ — Свѣдѣнія о монастыряхъ. — Заботы о раставраціи древней Десятинной церкви въ Кіевѣ. — Свѣдѣнія о народно-просвѣтительной дѣятельности духовенства. — Паломничество воссоединенныхъ къ православію униатовъ въ Кіевѣ. — Новое средство на содержаніе церковно-приходской школы. — Новый фактъ изъ дѣятельности о. Іоанна Кронштадтскаго. — Дебаты эстляндскихъ пасторовъ. — Затруднительное положеніе православныхъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ. — Волобожденіе Николаевскаго адмиралтейства. — Положеніе православной церкви въ Румыніи. — Женщины — миссіонерки въ Филадельфіи. — Противникъ Ренана. — Землетрясеніе въ г. Вѣрномъ. — Открытіе памятника Жуковскому въ Петербургѣ. — Государственные доходы за два первые мѣсяца этого года. — Некрологи.

Свѣтская литература начинаетъ сознать и высказывать мысль, что вопросъ о надлежащемъ воспитаніи пастырей церкви имѣетъ громадное значеніе. Такъ въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ помѣщена статья Е. Маркова „Деревенскій Колдунѣй“, въ которой авторъ подробно описываетъ вѣрованія нашего народа въ „нечистую силу, лѣшихъ, домовыхъ, колдовство, ворожбу, порчи“ и т. п. и приходитъ къ тому выводу, что нашъ крестьянинъ, при всей своей непоколебимой и трогательной вѣрѣ въ основные идеалы христіанства, опутанъ слишкомъ густою сѣтью языческихъ суевѣрій и обрядовъ, которые въ обыденной жизни его играютъ часто такую-же важную роль, какъ и обряды церкви, и которые заставляютъ его искажать свои религіозныя вѣрованія. Рядомъ съ пастыремъ православной Церкви въ жизни крестьянина являются также авторитетными лицами колдуны и знахари, эти остатки языческихъ волхвовъ и кудесниковъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ не менѣе

часто какъ и къ священникамъ. Хотя такой выводъ быть можетъ нѣсколько преувеличенъ, но нужно къ крайнему сожалѣнію сознаться, что въ той или другой мѣрѣ фактъ дѣйствительно существуетъ. Кто-же виноватъ въ этомъ? По мнѣнію г. Маркова—никто въ отдѣльности, а виновата вся наша бѣдная темная исторія, виноваты всѣ мы, наше общее невѣжество, нерадѣнье, безучастность къ мужику. Но вывести мужика изъ этой языческой тьмы, сдѣлать его человѣкомъ, достойнымъ по своему умственному развитію его новаго гражданскаго положенія, его сложныхъ правъ и обязанностей—говоритъ авторъ—могло-бы вѣрнѣе всего наше сельское духовенство. Область его вліяній до такой степени тѣсно связана и перелутана съ сферою языческихъ суевѣрій крестьянина, что только одно духовенство можетъ имѣть удобные поводы и средства для религіозно-нравственнаго и умственнаго просвѣтлѣнія народной массы. Но для этого необходимо воспитать и приготовить духовенство. „Если вожди русскаго народа—продолжаетъ онъ—искренно сознаютъ необходимость просвѣтить его христіанскою нравственностію, освободить его отъ его внутренней тьмы и дикости, какъ онъ освобожденъ теперь отъ крѣпостныхъ узъ, то они, прежде всего, должны позаботиться о просвѣщеніи нашего деревенскаго священника. Это дѣло вполнѣ въ рукахъ правительства. Воспитать для народа дѣйствительныхъ духовныхъ пастырей его, которые бы стали руководителями его совѣсти и просвѣтителями его нравственныхъ влеченій—вотъ великая государственная задача ближайшей очереди, важность которой для будущности народа не можетъ быть достаточно оцѣнена и которая должна лечь краеугольнымъ камнемъ многихъ второстепенныхъ реформъ и мѣропріятій во имя народнаго благоденствія, которыми мы теперь заняты и которыя сами по себѣ, безъ этой основной, духовной почвы своей, никогда не достигнутъ желаннаго успѣха, сколько бы мы ни потратили на нихъ труда и таланта. И этотъ безъисходный питейный вопросъ, и волостное неустройство, и обѣдненіе крестьянскаго хозяйства черезъ постоянные передѣлы, и крестьянская безграмотность, и безсовѣстность на судахъ, столь часто возмущающая наше чувство правды,—всѣ эти важные житейскіе вопросы, наполняющіе теперь такую нравственную нескладицею нашу общественную жизнь, могутъ получить совсѣмъ иное направленіе и совсѣмъ иной исходъ, если нашъ деревенскій мужикъ получитъ, наконецъ, въ своей приходской церкви и въ своей сельской школѣ то христіанское нравственное воспитаніе, о которомъ до сихъ поръ онъ даже издали

не слышитъ. Намъ никогда не слѣдуетъ забывать глубоко-знаменательнаго историческаго факта, что тотъ-же самый отпѣтый въ глазахъ многихъ, пьяный, безграмотный мужикъ нашъ, срамословъ, трубкакуръ и неряха, подъ вліяніемъ религіозной проповѣди стараго раскола, какъ и теперь подъ вліяніемъ новой штунды, дѣлался и дѣлается строго трезвымъ человѣкомъ, сдержаннымъ и благопристойнымъ во всѣхъ рѣчахъ и обычаяхъ своихъ, съ отвращеніемъ глядитъ на кабакъ, пристращивается къ душеспасительному чтенію, къ поучительной проповѣди, развиваетъ въ себѣ чувство взаимности, состраданія, трудолюбія. Намъ не слѣдуетъ забывать также, что и въ православныхъ монастыряхъ нашихъ, гдѣ также исторически развились своеобразныя крестьянскія общины на почвѣ нравственныхъ идеаловъ христіанства, путемъ христіанскаго поученія и послушанія; условія общежитія и хозяйства выработались тою же русскою крестьянскою силою въ такомъ удивительно-стройномъ, благоприличномъ и усовершенствованномъ видѣ, какой мы привыкли обыкновенно встрѣчать только въ жизни передовыхъ народовъ Запада". („Церк. Вѣстн.“).

— Изъ Таращанскаго уѣзда въ „Кіевлянинъ“ пишутъ: „Въ мѣстечкѣ Скибинѣ, гдѣ штундизмъ сталъ въ послѣднее время принимать широкіе размѣры, провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ назидательной бесѣдѣ съ мѣстнымъ населеніемъ отецъ протоіерей Леоновъ, командированный туда Кіевскою консисторіей въ качествѣ миссіонера. Свою дѣятельность отецъ Леоновъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалъ на проповѣди и на увѣщаніяхъ штундистовъ возвратиться въ лоно православія. Проповѣди миссіонера привлекли въ церковь не только православное населеніе, но и многихъ штундистовъ, изъ которыхъ обращено въ православіе уже до 65 душъ. Успѣхъ проповѣди, поколебавшій самоувѣренность вожаковъ штундистской общины, не остался незамѣченнымъ въ другихъ штундистскихъ центрахъ,— и вотъ въ Скибино явился какой-то штундистскій учитель изъ Екатеринославской губерніи и началъ увѣщивать новообращенныхъ и другихъ штундистовъ, чтобъ они не внимали назидательнымъ бесѣдамъ православныхъ миссіонеровъ, такъ какъ только въ Кіевской губерніи началось такое „стѣсненіе“ штундѣ; теперь же вездѣ свобода, и скоро штунда выхлопочетъ себѣ права на открытое исповѣданіе ученія и т. п. Особенно ярымъ и открытымъ проповѣдникомъ штундизма въ этой мѣстности считается именующій себя пресвитеромъ, В. Д—ій, у котораго открыта была и своя метрическая книга, для записи

новопріемлемыхъ штундистовъ и ихъ дѣтей. Опытъ показываетъ, что для противодѣйствія штундизму полезно учредить по селамъ церковные хоры, для чего необходимо найти: 1) хорошихъ организаторовъ церковнаго пѣнія, которые могли-бы устроить въ селахъ хоры изъ крестьянъ и внести общее церковное пѣніе, чѣмъ такъ привлекаетъ къ себѣ простыхъ людей штундизмъ, 2) назначить хорошихъ церковныхъ чтецовъ и 3) предписать священникамъ, по крайней мѣрѣ въ приходахъ зараженныхъ штундизмомъ, совершать богослуженія часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, совершать со всею торжественностью и благолѣпіемъ, отнюдь не отступая отъ церковныхъ узаконеній“.

— Величайшая святыня всего христіанскаго міра — трехдневное ложе Спасителя, находится въ настоящее время внутри стѣнъ Іерусалима, между тѣмъ, какъ согласно священному писанію и древнему іудейскому обычаю тѣло Іисуса Христа положено было внѣ городскихъ стѣнъ. Такое несогласіе словъ Евангелія съ дѣйствительностью, очевидно, происходитъ отъ того, что нынѣшнія стѣны Іерусалима не совпадаютъ со стѣнами временъ Спасителя. Съ цѣлью выясненія этого обстоятельства, по волѣ Предсѣдателя православнаго палестинскаго общества, Великаго Князя Сергѣя Александровича, нѣсколько лѣтъ назадъ произведены были тщательныя раскопки одного мѣста на русскихъ владѣніяхъ въ Іерусалимѣ, гдѣ изслѣдованія иностранныхъ ученыхъ давали поводъ предполагать существованіе остатковъ знаменитой базилики императора Константина. Раскопки, произведенныя подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ извѣстнаго археолога архимандрита Антонина, привели къ открытію судныхъ воротъ древняго Іерусалима, черезъ которыя лежалъ крестный путь Спасителя на Голгоѳу. Это замѣчательное открытіе сдѣлалось предметомъ нападокъ со стороны члена палестинской коммисіи, состоящей при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Б. П. Мансурова, который въ своей книгѣ „Базилика императора Константина“ отвергалъ всякое научное значеніе раскопокъ, произведенныхъ православнымъ палестинскимъ обществомъ. Совѣтъ послѣдняго обратился по этому поводу къ нѣсколькимъ спеціалистамъ по географіи древняго Іерусалима, съ просьбою дать свое заключеніе по спорному вопросу, вслѣдствіе чего профессоръ А. А. Олесницкій совершилъ въ прошломъ году поѣздку въ Палестину и произвелъ на мѣстѣ точное изслѣдованіе сдѣланнаго открытія. Въ настоящее время русское археологическое общество выпустило въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ:

„Къ вопросу о значеніи произведенныхъ по почину православнаго палестинскаго общества въ Іерусалимѣ раскопокъ“. Въ издашии этомъ и приведенныя мнѣнія профессоръ Олещицкаго и Покровскаго, начальника русской миссіи въ Палестинѣ архимандрита Автомина и известнаго археолога архимандрита Леонида, которые единогласно признаютъ ненюдежащимъ никакому сомнѣнію научное значеніе раскопокъ. Впрочемъ, другаго результата изслѣдованій и трудно было ожидать послѣ того, какъ ученые и археологическія изысканія православнаго палестинскаго общества удостоились самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ отзывовъ со стороны такихъ известныхъ палеоэтиологовъ какъ Маркизь Вогюэ, Клермонъ-Ганно, Гуте, Содицъ и другіе. Часть открытаго крестнаго пути предполагается покрыть особымъ зданіемъ, на сооруженіе котораго уже собрано частныхъ пожертвованій до 20,000 рублей.

„Моск. Вѣд.“ сообщаютъ, что центральныи статистическій Комитетъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, напечаталъ статистическія свѣдѣнія о существующихъ православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи. Въ этомъ трудѣ сгруппированы данныя не только о монастыряхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, но также о скитахъ, пустыняхъ и общинахъ. При перечисленіи этихъ религиозныхъ учрежденій, указаны или годъ основанія или время, съ котораго дѣлается известнымъ ихъ существованіе. Оказывается, что къ 1 января 1887 года во всѣхъ монастыряхъ въ Имперіи было 667. Монастыри находятся почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи; исключеніе составляютъ Лифляндская и Эстляндская губерніи съ преобладающимъ протестантскимъ населеніемъ, въ губерніи, кромѣ Сѣдлецкой, Привислинскаго края съ католическимъ населеніемъ, всл. протестантская Финляндія, въ которой монастыри Вагаламскій и Боневецкій принадлежатъ въ С.-Петербургской епархіи; на Кавказѣ нѣтъ монастырей въ магометанскихъ губерніяхъ, Бакинскій, Елисаветпольской, Карской, области Дагестанской и губерніи Эриванской, населенной преимущественно армяно-гедоріанами; наконецъ, въ азіатскихъ владѣніяхъ монастыри отсутствуютъ на дальнемъ Востокѣ, въ областяхъ Амурской и Приморской и въ степной полосѣ губернаторствъ Степнаго и Туркестанскаго. Изъ общаго числа монастырей въ 1886 году было мужскихъ 420 и женскихъ 247. Среднее число монашествующихъ обою пола опредѣляется въ 29,735 человекъ.

— „Кіевское Слово“ сообщаетъ, что настоятель Десятинной церкви протоіерей Орловскій обратился въ городскую думу съ про-

шеніемъ слѣдующаго содержанія: „Къ 900-лѣтнему чествованію воспоминанія крещенія Руси въ 1888 году всѣ Кіевскіе памятники древности, напоминающіе о славномъ прошедшемъ города Кіева, приводятся, по мѣрѣ возможности, въ благолѣпный видъ. Къ числу такихъ памятниковъ безспорно принадлежитъ и первый великокняжескій соборъ, нынѣ приходская Десятинная церковь, въ которомъ погребенъ великій князь Владиміръ и гдѣ подъ слудомъ въ гробницѣ покоятся останки сего просвѣтителя Руси до сего дня; поэтому полагаю, что и этотъ памятникъ древности, изъ котораго ежегодно, 15 іюля, совершается торжественный крестный ходъ, необходимо! долженъ быть приведенъ въ подобающій ему видъ. Считаю нужнымъ заявить думъ, что Десятинная церковь, малочисленная прихожанами и по холодности и сырости своей мало посьцаемая сторонними людьми, бѣдна орудствами. Въ 1857 году, послѣ посѣщенія ея Царскими особами, на исправленіе церкви была отпущена царская щедрая жертва, а съ 1866 по 1878 годъ, по ходатайству митрополита Арсенія, на ежегодную ремонтровку изъ суммъ Св. Оупода отпускаемо было по 600 руб.; но съ 1878 года отпускъ этихъ денегъ прекращенъ и церковь, съ того времени не ремонтируемая по неизмѣнно оредствъ, обветшала, особенно снаружи, до того, что даже образа на штукатуркѣ писанные осыпались, особенно на западной сторонѣ церкви. Вновь назначенные къ сей церкви настоятель и староста, принявъ всего капиталовъ церковныхъ сто рублей въ билетъ и 40 руб. наличными, заботятся удалить сырость портящую все въ церкви, для чего, испросивъ разрѣшеніе сдѣлать церковь теплою, собрали по подпискѣ отъ прихожанъ и другихъ благотворителей 1,000 руб. и приступаютъ къ устройству печей въ церкви; на приведеніе же церкви снаружи въ благолѣпный видъ нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ, да и въ будущемъ не предвидится. Представляя это на благоусмотрѣніе думы, прошу оказать посильную помощь къ обновленію сего дорогаго не только для Кіевлянъ, но и для всѣхъ христіанъ памятника Кіевской старины“.

— Изъ разныхъ епархій доходятъ свѣдѣнія, свидѣтельствующія о состояніи народно-просвѣтительной дѣятельности духовенства. Такъ отчетъ Тамбовскаго епарх. училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ Тамбовской епархіи за 1886 годъ производитъ весьма отрадное впечатлѣніе, благодаря съ каждымъ годомъ возрастающей неутомимой дѣятельности духовенства на поприщѣ народнаго образованія. Несмотря на самыя неблагопріят-

ныя условія, въ которыхъ находятся почти все церковно-приходскія школы съ матеріальной стороны, духовенство этой епархіи твердо и энергично исполняетъ возложенную на него задачу. Изъ отчета видно, что къ 1 января 1887 года, съ дозволенія епархіальнаго начальства, утверждено въ открытію 307 церковно-приходскихъ школъ и 13 школъ грамотности, всего 320, и въ этомъ числѣ 11 школъ женскихъ. Къ 1 января 1886 года состояло учащихся 3,963 (3,750 мальчиковъ и 213 дѣвочекъ); къ 1 января 1887 г. всѣхъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности состояло 8,255 (7,551 мальч. и 704 дѣв.); слѣдовательно, число учащихся болѣе чѣмъ удвоилось. Но если принять во вниманіе, что ко времени составленія отчета о церковно-приходскихъ школахъ, нѣкоторыми наблюдателями въ школахъ не представлены свѣдѣнія, то дѣйствительное количество учениковъ нужно считать еще большимъ. Такое быстрое увеличеніе числа учащихся нельзя не признать въ высшей степени отраднымъ фактомъ. Учащіеся, почти все принадлежаще къ сословію крестьянъ и мѣщанъ, православнаго вѣроисповѣданія, за исключеніемъ 22 принадлежащихъ къ сектѣ молоканъ.

— Изъ отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ Волынской епархіи видно, что всѣхъ школъ въ епархіи за 1886 годъ было 452; въ нихъ обучалось 10,796 учащихся, въ томъ числѣ 9,939 мальчиковъ и 857 дѣвочекъ; окончили курсъ въ школахъ 869 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ, изъ нихъ 256 мальчиковъ получили установленныя льготы по отбыванію воинской повинности. На содержаніе школъ израсходовано въ отчетномъ году 42,081 р. 26 к.; содержаніе одного учителя церковно-приходской школы обошлось, въ среднемъ, 55 р. съ небольшимъ въ годъ, а наемъ помѣщенія и приобрѣтеніе учебныхъ пособій для школы—38 р. 374 школы помѣщаются въ общественныхъ домахъ, 47—въ причтовыхъ домахъ и 31—въ домахъ, нанимаемыхъ обществами прихожанъ.

— Изъ Ташкента сообщаютъ, что тамъ 15 марта открыта первая въ Туркестанскомъ краѣ церковно-приходская школа, при военной Іосифо-Георгіевской церкви. Школа открыта во имя славянскихъ первоучителей, свв. Кирилла и Меодія, на суммы церкви и частію на пожертвованія, собранныя прихожанами. Для помѣщенія школы уступлены во временное пользованіе четыре комнаты въ зданіи Сыръ-Дарьинскаго областного правленія, оставшіяся свободными за упраздненіемъ одного изъ отдѣленій правленія. По сообщенію „Турк. Вѣд.“, ко времени открытія школы въ нее уже приня-

то 24 ученика, въ томъ числѣ 11 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ. Можно ожидать, что вновь открытая школа будетъ имѣть хорошую будущность, восполнивъ въ Ташкентѣ недостатокъ въ первоначальномъ образованіи.

— Въ „Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстн.“ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о паломничествѣ, воссоединенныхъ изъ униі прихожанъ въ Кіевѣ, на поклоненіе тамошнимъ святымъ. Паломники были избраны изъ приходоу, наиболѣе нуждающихся въ особенныхъ средствахъ къ укрѣпленію православія, — числомъ, 100 человекъ крестьянъ и мѣщанъ, подъ руководствомъ 5 священниковъ. Въ Холмѣ они были напутствованы въ день отъѣзда, молитвою при самой назидательной обстановкѣ. Преосвященный Флавіанъ, епископъ люблинскій, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, совершилъ для нихъ Божественную Литургію и послѣ нея молебенъ. По окончаніи молебствія Его Преосвященство обратился къ паломникамъ съ назидательнымъ словомъ, въ которомъ указалъ имъ на великое значеніе святыхъ Кіева для всей православной Россіи и въ частности для Холмской Руси. Послѣ этого всѣ паломники были окроплены святою водою, прикладывались къ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы и наконецъ напутствованы были архипастырскимъ благословеніемъ Преосвященнаго Флавіана. Опытъ нѣсколькихъ предшествующихъ лѣтъ показалъ, что Кіевъ своими святынями оказываетъ самое благотворное вліяніе на воссоединенное отъ униі русское народонаселеніе не только Холмщины, но и Подляшья, потому фактъ снаряженія паломничества въ нынѣшнемъ году составляетъ отрадное для русскаго человѣка явленіе въ жизни Холмской Руси. Всѣмъ паломникамъ исходатайствованы даровые билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ до Кіева и обратно, а на путевые расходы г. Генераль-Губернаторомъ ассигновано 500 р.

— Прихожане одной изъ Кіевскихъ церквей (Вознесенской) рѣшили устроить на церковной землѣ (занимающей около 5 десятинъ), на 3 десятинахъ приходскій садъ, доходы съ котораго должны идти на содержаніе церковно-приходской школы. Кромѣ фруктовыхъ въ саду предполагается посадка также и тутовыхъ деревьевъ, въ виду того, что со временемъ при училищѣ устроится шелководство, которое дастъ учителю полезное занятіе въ свободное отъ школьнаго труда время. Имѣется въ виду также, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, устройство церковно-приходской пасѣки. Одинъ садъ, устроенный на церковной землѣ, по расчету „Кіев-

скаго Слова, можетъ дать до 2 тыс. дохода, а на этотъ капиталъ возможно будетъ содержать не только училище, но и приходскій пріютъ для стариковъ и сиротъ прихода.

„С.-Пет. Вѣд.“ передаютъ слѣдующій фактъ изъ дѣятельности о. Іоанна кронштадтскаго, случившійся весьма недавно. У одного состоятельнаго купца Б—ва, имѣвшаго трехъ взрослыхъ дочерей-дѣвицъ, младшая 16-ти-лѣтняя дочь Евгенія заболѣла онѣмъ и въ нѣмъ ногъ. Приглашенные доктора признали болѣзнь совершенно безопасною. Началось лѣченіе; однако болѣзнь не поддавалась, и больная день отъ дня чувствовала себя хуже. Долго даже до того, что она потеряла способность двигаться, хотя естественно боли при этомъ никакой не ощущала. Доктора недоумѣвали и отказались лечить больную, такъ какъ онѣмъ нѣ членовъ распространялось все далѣе и далѣе. Убитый горемъ отецъ рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ отцу Іоанну кронштадтскому, который и не замедлилъ прибыть по приглашенію. Разстроганная его бесѣдою, больная тутъ же совершенно искренно выразила твердое намѣреніе никогда не танцовать, не посѣщать театровъ и пр., и ишь-бы Богъ ее помиловалъ. По отвѣдѣ о. Іоанна какъ больная, такъ и ея родные почувствовали себя ободренными и уже не отчаявались въ выздоровленіи. Съ того же времени больная стала чувствовать себя лучше и мало по малу совершенно выздоровѣла. Это, какъ говорить, прелестная дѣвушка, вполне убѣжденная въ совершившемся надъ нею чудѣ и глубоко почитающая отца Іоанна.

— Изъ Вискскаго уѣзда (Эстляндской губерніи) въ эстевую газету „Wigulane“ пишутъ, что тамъ въ приходѣ Куллама обычны поборы мѣстнаго пастора за исполненіе нѣкоторыхъ церковныхъ требъ столь непосильны для крестьянскихъ прихожанъ, что послѣдніе часто находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, кулламскій лютеранскій крестьянинъ, желающій вступить въ законный бракъ, долженъ заплатить пять рублей пастору, а его супругѣ подарить хорошій вышитый кушакъ и пару чулокъ, или взаменъ этого подарка добавочно заплатить 75 к.; кромѣ того, новобрачные обязаны заплатить пасторскому помощнику 36 к. денегъ и подарить пару перчатокъ и пару хорошихъ вышитыхъ повязокъ. Дозволяется, впрочемъ, замѣнить вышеозначенный пятирублевый взносъ пастору пурою (треть четверти) овса и возомъ сѣна. Нынѣшній пасторъ упомянутаго прихода, по увѣреніямъ „Wigulane“, еще не женатъ, но отъ обязательныхъ подар-

ковъ, которые по обычному праву прихожане вступающіе въ бракъ, должны сдѣлать его супругъ, онъ никакъ не отказывается.

— „Моск. Вѣд“, со словъ Эстонской газеты Jасага, указываютъ на невыгоду происходящую для крестьянъ небольшихъ смѣшанныхъ волостей, устраивающихъ донинѣ отдѣльныя школы для своихъ православныхъ членовъ и отдѣльныя для лютеранскихъ. Внешняя обстановка и учительское жалованье такихъ школъ, на содержаніе которыхъ у крестьянъ имѣются лишь весьма незначительныя средства, крайне скудны, такъ что народные учителя вынуждены прискивать для себя постороннія доходныя занятія, отвлекающія ихъ отъ исполненія учительскихъ обязанностей. По мнѣнію упомянутой газеты, нынѣ настало время соединить православныя и лютеранскія школы одной небольшой эстонской или латышской волости въ одно общее волостное училище. Вѣроисповѣдныя различія разныхъ членовъ волости не могутъ де служить достаточною причиною для устройства двухъ школъ въ одной волости, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ школъ необходимо должна во многихъ отношеніяхъ бѣдствовать. Прибалтійскія городскія школы безо всякаго замѣтнаго неудобства посѣщаются дѣтьми разныхъ вѣроисповѣданій. Также и сельскія школы такихъ небольшихъ волостей, гдѣ населеніе въ религіозномъ отношеніи смѣшано, могли бы быть руководимы православнымъ учителемъ и его лютеранскимъ помощникомъ. Эти учителя могли бы каждый преподавать Законъ Божій ученикамъ своего вѣроисповѣданія, а всѣ другіе предметы обученія раздѣлить между собою, какъ лучше. При такомъ соединеніи двухъ школъ въ одну, можно было бы лучше устроить и содержать эту послѣднюю.

— *Одесскія Газеты* сообщаютъ, что одновременно съ возрожденіемъ черноморскаго флота реставрируется и колыбель, откуда славный черноморскій флотъ началъ нѣкогда свое существованіе. Колыбель эта, бывшее Спасское адмиралтейство въ Николаевѣ, гдѣ были выстроены самыя большіе корабли черноморскаго флота. Послѣ потопленія русскаго флота при входѣ въ Севастопольскую бухту, Спасское адмиралтейство и устроенный тамъ большой эллингъ были оставлены и заброшены. Прошло тридцать лѣтъ, военный флотъ въ Черномъ морѣ началъ воскресать, а вмѣстѣ съ нимъ стало подавать признаки жизни и Спасское адмиралтейство. Въ настоящее время оно находится въ арендномъ пользованіи у коммерціи совѣтника Кундышева-Володина, который устроилъ тамъ мастерскія и другія сооруженія для постройки большихъ размѣ-

ровъ желѣзныхъ судовъ. Приступлено къ расчисткѣ эллинга. Несмотря на то, что элингъ въ теченіе 30 лѣтъ былъ заброшенъ, покрытъ водой и иломъ, на 2 сажени, все устройство, сдѣланное изъ дуба и стоящее сотни тысячъ рублей, оказалось совершенно въ исправномъ видѣ. Ширина эллинга 70, длина 500 футовъ; половина эллинга подводная часть, самая дорогая, занесена иломъ; вся настилка въ водѣ подъ полозьями дубовая; большее количество свай также дубовыя. Мѣсто это по своему положенію представляется вполне безопаснымъ въ военное время и имѣетъ много преимуществъ для приспособленія его къ постройкѣ большихъ судовъ.

— Неутѣшительныя вѣсти сообщаютъ газеты о положеніи церкви въ православной Румыніи. Въ прошломъ году скончался благонамѣренный, но чрезвычайно слабохарактерный румынскій митрополитъ-примасъ, Балиникъ. Умирая, онъ высылалъ къ своему одру короля и молилъ его принять православную вѣру въ Румыніи подъ свое покровительство. Король далъ слово и дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ его, ибо православіе въ Румыніи, благодаря настоящему порядку вещей, при отсутствіи сильнаго покровителя, должно пасть въ скоромъ времени. Единственное лицо въ высшемъ румынскомъ духовенствѣ, способное отстоять и поддержать его, — это архіепископъ Мельхиседекъ, человекъ благомыслящій, религіозный и энергичный; но правительство, передъ выборами, какъ слышно, объявило, что вмѣстѣ съ избраніемъ Мельхиседека въ Румыніи грозитъ сильная опасность, ибо Мельхиседекъ, преданный другъ Россіи. Благодаря-де этому, правительство вынуждено предложить другого кандидата, нижнедунайскаго епископа Іосифа, который, по словамъ оппозиціонныхъ газетъ, положительно не въ состояніи противодействовать папскому влиянію и католической пропагандѣ. «Ибо нищѣ тѣломъ и духомъ», такъ что избраніе его, по словамъ одной газеты, «можно считать торжествомъ Ватикана». До сихъ поръ всѣ попытки папы окатоличить православную Румынію встрѣчали сильный отпоръ и со стороны іерархіи, и со стороны простаго народа. Теперь же, благодаря влиянію короля-католика и его министровъ Братіано и Стурдзы, дѣло католиковъ измѣнилось въ лучшему. Румынское правительство уже не скрываетъ своего намѣренія привести румынскій народъ къ униі, дабы тѣмъ самымъ отдалить его отъ Россіи и приблизить къ Европѣ. Какъ относятся православные къ этимъ затѣямъ, видно изъ того факта, что, во время послѣдней поѣздки короля Карла въ Молдавію, въ Яссахъ народъ

встрѣтилъ его: гробовымъ молчаніемъ, которое нарушалось лишь свистками.

— Въ Филадельфій проектируется учрежденіе спеціальной школы для миссіонеровъ-женщинъ. Проектъ этотъ вызванъ громаднымъ успѣхомъ, достигнутымъ на поприщѣ рабпространеній христіанской вѣры женщинами, подвизавшимися въ качествѣ миссіонеровъ. Въ школѣ предполагается годичный курсъ. Кромѣ общихъ основаній богословія, священнаго Писанія, въ школѣ предполагается читать лекціи по миссіонерству и дѣлать тщательное изслѣдованіе языческихъ религій тѣхъ народовъ, среди которыхъ предполагается распространять христіанскую вѣру. Средства на учрежденіе школы даетъ нью-йорское библейское общество.

Во Франціи есть краснорѣчивый проповѣдникъ и авторъ недавшаго въ свое время много шума сочиненія о Германіи, по имени Дидонъ. Посвящая все свободное отъ служебныхъ обязанностей время ученымъ изысканіямъ, онъ задался цѣлю написать книгу о жизни Іисуса Христа въ противовѣсъ пресловутому сочиненію о томъ-же предметѣ извѣстнаго отрицателя божественности христіанства Ренана. Имѣя въ виду употребить тотъ-же методъ для изображенія жизни Спасителя міра, какъ и Ренанъ, но въ духѣ чисто христіанскомъ, о. Дидонъ, годъ тому назадъ, отправился въ Египетъ и Палестину, чтобы пожить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Іисусъ Христосъ, посетилъ города и селенія, гдѣ Іисусъ сѣялъ Слово Божіе, изучалъ холмы и долины, бывшіе свидѣтелями Его чудесъ и поученій, и, возстановивъ въ своемъ умѣ и воображеніи тѣ великія времена, равно какъ лицъ и явленія, современныя Христу, приступилъ въ настоящее время, въ группировкѣ собраннаго матеріала. Ученость и краснорѣчіе о. Дидона ручаются, что онъ сумѣетъ воспроизвести достойнымъ образомъ всю ту матеріальную обстановку, которая окружала божественную личность Христа Спасителя во время земной Его жизни. Подобное произведеніе тѣмъ болѣе нужно во Франціи, что мнимая „Жизнь Іисуса“, сочиненная Ренаномъ, увлекла слишкомъ многихъ своимъ мастерскимъ изложеніемъ и что знаменитое произведеніе Фаррара по тому-же предмету остается тамъ неизвѣстнымъ, а оно навѣрное, произвело бы сильный переворотъ въ убѣжденіяхъ французовъ, сбитыхъ съ толку Ренаномъ. Люди мыслящіе и искренніе во Франціи высказываютъ надежду, что сочиненіе о. Дидона восполнитъ этотъ ощутительный недостатокъ и возстановитъ истинную исторію пребывания Сына Божія на землѣ.

— Страшная катастрофа разразилась надъ городомъ Вѣрномъ. Земля изменила ему и въ нѣсколько мгновений обратила его въ развалины; „Города болѣе не существуютъ“, — извѣщаетъ насъ телеграфъ. Дома, церкви, вавенныя зданія, тюрьмы и госпитали, учебныя заведенія — все разрушено или повреждено. Грозная подземная сила съ одинаковою беспощадностью и неразборчивостью снесла съ лица земли всѣ учрежденія, какъ вызванна въ жизни добромъ, такъ и зломъ, присущимъ людямъ. Она потопила и въ чемъ неповинныхъ дѣтей, и арестантовъ, поставила въ безвыходное положеніе взрослыхъ и малыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ. Жители Вѣрнаго очутились теперь подъ открытымъ небомъ и должны искать кровя въ шалапахъ или пещерахъ. Многіе погибли, другіе разорены (быть можетъ) навсегда. Точныя свѣдѣнія о размѣрахъ бѣдствія не скоро и, конечно, не вполне будутъ приведены въ извѣстность. Глубину каждаго несчастія трудно измѣрить; тѣмъ труднѣе это, когда несчастье разростается въ катастрофу и охватываетъ цѣлое населеніе. Но уже въ первыхъ свѣдѣніяхъ оказывается, что погибло 120 человекъ. Въ числѣ погибшихъ „большая часть дѣтей“. Это можно объяснить не только слабостью дѣтскаго возраста, но и растерянностью взрослыхъ. Очевидно населеніе было охвачено паникой, во время которой люди теряютъ не только хладнокровіе, но и способность заботиться о другихъ. Среди паническаго страха каждый думаетъ только о себѣ. Чувство самосохраненія беретъ верхъ надъ любовью даже къ дѣтямъ и женщинамъ. Если во время театрального пожара въ Парижѣ нѣкоторые мужчины пролагали себѣ дорогу „съ ножами въ рукахъ“ и безжалостно топтали женщинъ, то можно полагать, что и въ Вѣрномъ многіе торопились бѣжать и спастись, забывъ о дѣтяхъ и ихъ беспомощности. Бѣдствіе это было не единичнымъ.

Самъ военный губернаторъ Семирѣченской области, генералъ Фриде, его супруга и дѣти, какъ сообщаетъ телеграфъ, „получили раны“. Замѣчательно, что какъ-разъ въ день полученія извѣстія о катастрофѣ въ Вѣрномъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появился Высочайшій приказъ о переводѣ генерала Фриде на должность Ярославскаго губернатора.

Первое чувство, которое вызывается катастрофою въ Вѣрномъ, это — желаніе оказать быструю и широкую помощь пострадавшему, разоренному и бѣдствующему населенію. Если такое несчастье, какъ пожаръ въ Парижскомъ театрѣ, вызвало заботу о помощи пострадавшимъ, то тѣмъ болѣе она необходима въ настоящемъ

случаѣ. Въ Вѣрномъ не только погибли многіе, но и разстроены въ самомъ основаніи бытъ всего населенія. Какъ извѣстно, помимо государственной помощи, все населеніе Парижа, Франціи и даже чужестранцы заинтересовались судьбою пострадавшихъ отъ пожара. Надо полагать, что наше общество не останется глухо къ такому страшному несчастью, какое уничтожило Вѣрный и сосѣднюю станцію Кескеленъ. Вѣдь, въ этомъ, „переставшемъ существовать“ городѣ, числилось 18,000 жителей!.. Кромѣ того, какъ намъ телеграфируютъ сегодня ночью, пострадалъ также и городъ Пишнекъ. А землетрясеніе все еще продолжается, и неизвѣстно, сколько бѣдствій оно еще вызоветъ.

Рядомъ съ соболѣзнованіемъ объ участи пострадавшихъ, невольно возникаетъ предположеніе о существованіи связи между цѣлымъ рядомъ землетрясеній, дѣйствовавшихъ съ особою силою въ послѣдніе годы. Линія этихъ землетрясеній проходитъ отъ береговъ Америки, чрезъ Италію и дошла теперь до Средней Азіи. Участъ нашего Вѣрнаго интересуетъ весь образованный міръ, точно также, какъ и недавнія катастрофы въ Италиі, какъ землетрясеніе въ Чикаго. Нельзя не пожелать, чтобы компетентныя лица не упустили случая и, по возможности, изслѣдовали явленіе, жертвою котораго сталъ Вѣрный. Въ существующихъ гипотезахъ относительно причинъ землетрясеній очень еще много сомнительнаго и гадательнаго. Подобное изслѣдованіе было бы очень важно, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Передъ нами весьма настоятельный и требующій скорого разрѣшенія вопросъ: надобно ли возобновлять городъ Вѣрный? Какъ, извѣстно, колебанія почвы въ Туркестанѣ, происходятъ довольно часто. Но, о столь сильныхъ землетрясеніяхъ, какое уничтожило г. Вѣрный, ничего не было слышно даже въ области преданій туземныхъ старожиловъ.

Люди очень склонны преувеличивать всякую опасность. Но, рядомъ съ подобными страхами замѣчается и поразительная безпечность. Какъ извѣстно, населеніе очень часто возвращается на вулканическую почву, забывая предшествовавшія бѣдствія, и не думая о новыхъ опасностяхъ. Едва ли, однако, умѣстно предоставлять на волю случая такой вопросъ, какъ возобновленіе города Вѣрнаго, смотря по тому, возьметъ ли верхъ чувство страха, или чувство безпечности. („Нов.“).

— 4-го іюня въ Петербургѣ, въ Александровскомъ саду, происходило торжественное открытіе памятника Жуковскому. Бюстъ бронзовый; пьедесталь темносѣраго гранита; на одной сторонѣ пьеде-

стала стихотвореніе Пушкина, посвященное Жуковскому; на другихъ — отрывки изъ стихотвореній Жуковскаго. Освященіе открылось молебствіемъ, во время котораго пѣлъ хоръ пѣвчихъ, Старо-Исаакіевскаго собора; послѣ молебствія была провозглашена вѣчная память почившему Государю Императору и Жуковскому. На открытіи присутствовали: городской голова, гласные Петербургской думы члены государственнаго совѣта Любошинскій и Стояновскій, редакторъ „Вѣстника Европы“ Стасюлевичъ, поэтъ Майковъ, сынъ Жуковскаго, и бывший Туркестанскій генералъ-губернаторъ Черняевъ. Около памятника кругомъ были расположены дѣти двухъ городскихъ школъ имени поэта. Торжество закончилось гимномъ, исполненнымъ оркестромъ. Наканунѣ, 3 іюня, въ происходившемъ засѣданіи Петербургской думы, городской голова В. И. Лихачевъ, обратился къ гласнымъ съ рѣчью, въ которой изложилъ, между прочимъ, вкратцѣ данныя о началѣ „литературной“ дѣятельности Жуковскаго; по словамъ Петербургскихъ газетъ, такъ охарактеризовалъ дѣятельность его, какъ наставника въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, Александра Николаевича. „По вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича, В. А. Жуковскій былъ избранъ государемъ въ наставники великаго князя, наследника Александра Николаевича. Осчастливленный такимъ высокимъ званіемъ, В. А. Жуковскій горячо и добросовѣстно принялся за изученіе педагогики, и, благодаря искреннему желанію честно исполнять порученное ему дѣло величайшей важности, достигъ въ этомъ отношеніи высокаго совершенства. Внушаемая имъ державному отроку мысли и собранная имъ для него изреченія, заслуживающія того, чтобы каждый человекъ неоднократно ихъ прочитывалъ и запоминалъ, несомнѣнно, въ числѣ другихъ вліяній, посѣяли въ душѣ августѣйшаго ученика стремленія къ тѣмъ всемирно-великимъ преобразованіямъ, которыми ознаменовалось послѣдующее его царствованіе и которыя присвоили ему народное именованіе Царя-Освободителя. Въ 1837 году В. А. Жуковскій сопровождалъ государя наследника въ его путешествіи по Россіи и Западной Сибири. Это путешествіе доставило поэту случай не разъ обнаружить ту истинную доброту души, доводившую его до забвенія своихъ интересовъ, какою онъ всегда отличался во всѣхъ положеніяхъ своей жизни. Его представительству передъ Государемъ Наслѣдникомъ и ходатайству Его Высочества передъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ многіе ссыльные въ Сибири, въ томъ числѣ и осужденные за участіе въ дѣлѣ 14 декабря 1825 года, обязаны облегченіемъ ихъ участи. Любовь

въ человѣку составляла отличительную черту Жуковского и въ частной его жизни; его собраты по литературѣ, постоянно окружавшіе его, находили въ немъ себѣ всегда усерднаго защитника, и Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ и Шевченко были, хотя различно, но многими обязаны Жуковскому; онъ-же оказалъ денежную помощь Н. А. Некрасову на изданіе первыхъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ „Мечты и Звукъ“: В. А. Жуковский принялъ послѣдній вздохъ великаго Пушкина называвшаго себя его ученикомъ и посвятившаго его портрету стихотвореніе, красующееся на пьедесталѣ бюста Жуковского“.

Его стиховъ плѣнительная сладость

Пройдетъ въковъ завистливую даль;

И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,

Утѣшится беомольная печаль,

И рвзвая задумается радость.

Въ день пятидесятилѣтня литературной дѣятельности В. А. Жуковского, которое было отпраздновано въ С.-Петербургѣ 29-го января 1849 г., Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ принималъ участіе въ чествованіи своего наставника, а Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Ордена въ ознаменованіе, какъ сказано въ грамотѣ, „особеннаго уваженія къ трудамъ на поприщѣ отечественной литературы, въ теченіе 50-ти лѣтъ подъемныхъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги царскому семейству оказаннаго“. Это событіе совпало съ окончаніемъ капитальнаго семилѣтняго труда В. А. Жуковского, которое было достаточно для его славы, перевода „Одиссеи“ и на который онъ самъ смотрѣлъ, какъ на высшую послѣднюю задачу своей поэтической дѣятельности. Вотъ чье изображеніе, изъ бронзы изваянное, открыло С.-Петербургское городское общественное управленіе на память будущимъ поколѣніямъ истиннаго поэта, достойнаго гражданина своей родины, добродѣтельнаго наставника Великаго Государя, человѣка, „во всемъ значеніи слова“, одного изъ тѣхъ, о которыхъ можно сказать словами самого В. А. Жуковского“.

Но не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,

Но съ благодарностію: были...

— Съ 1-го января по 1-е марта государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 119.978,179 руб., болѣе чѣмъ въ соотвѣтствующемъ періодѣ прошлаго года на 18.644,677 руб. или на 18,4%. Съ присоединеніемъ-же доходовъ льготнаго срока и въ

счетъ будущихъ смѣтъ, общій итогъ доходовъ за два мѣсяца 1887 г. опредѣляется въ 134,773,800 руб. противъ 114,738,653 руб. въ 1886 году или болѣе на 20,035,147 р. По отношенію къ росписямъ на 1886 и 1887 годы итогъ поступленій въ счетъ росписи составилъ за два мѣсяца текущаго года 15,0%, тогда какъ въ минувшемъ году за то же время онъ выразился въ 12,0%.

Въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ настоящаго года расходовъ произведено 181,867,398 руб., болѣе прошлаго года на 402,854 р. или на 0,32%; отношеніе къ общему итогу расходовъ, предположенныхъ на 1887 годъ по росписи, опредѣляется въ 15%, противъ 16,2% за то же время 1886 года. Въ частности, уменьшились противъ прошлаго года расходы по государственному управленію на 3,340,567 руб.; платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ на 456,591 руб. и платежи по спеціальнымъ займамъ на 434,414 руб.; увеличились же лишь платежи по займамъ на общегосударственныя потребности на 4,652,426 руб.

НЕКРОЛОГИ.

1. 1887 года, мая, 18 дня, около 3 часовъ утра, скончался заштатный протоіерей, бывшій настоятель Старобѣльскаго Покровскаго собора, отецъ Павелъ Федоровичъ Приходьковъ, въ исходѣ 70 года отъ рожденія.

Покойный — сынъ протоіерея, родился въ слободѣ Гороховаткѣ Купянскаго уѣзда, по окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1841 году, со степенью студента, опредѣленъ былъ учителемъ Старобѣльскаго духовнаго училища, каковую должность отправлялъ по 56-й годъ, до закрытія онаго училища.

Въ 1847-мъ году, 1-го января, произведенъ во священника къ Старобѣльскому Покровскому собору. Со времени производства, во священника, о. Павелъ Приходьковъ постоянно несъ тяжкое бремя разнообразныхъ трудовъ. Кромѣ должности священника, онъ исполнялъ обязанности члена Старобѣльскаго уѣзднаго духовнаго правленія, до закрытія онаго въ 50-хъ годахъ; состоялъ въ разныхъ училищахъ города Старобѣльска, законоучителемъ: приходскомъ, уѣздномъ, дѣтскомъ пріютѣ, мѣстной инвалидной командѣ, гдѣ обратилъ въ православіе нѣсколько душъ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и начальника команды изъ магометанства въ православіе, — въ тюремномъ замкѣ; состоялъ членомъ, оцѣвнаго, и статистическаго комитетовъ, гласнымъ въ земскихъ учрежденіяхъ и членомъ Старобѣльскаго училищнаго Совѣта. Съ 1871 года, по 86-й онъ состоялъ, законоучителемъ Старобѣльской Александровской гимназіи; въ тотъ же періодъ времени состоялъ и духовникомъ окружнаго духовенства.

На долю почившаго о. протоіерея, по вниманію Начальства къ его усердной дѣятельности, привѣрнымъ нравственнымъ качествамъ и аккуратной исполнительности много было возлагаемо почетныхъ обязанностей. Весь

своей вѣкѣ, какъ выражаются словомъ, отецъ Павелъ Приходьковъ не зналъ покоя. Начальство по достоинству цѣнило его труды и заслуги. За 25-лѣтнюю службу по народному просвѣщенію, онъ съ 1874 года получалъ пенсію по 400 руб. въ годъ, сверхъ положеннаго оклада жалованья за коноучителю гимназій. За отличную службу по духовному вѣдомству онъ получилъ всѣ награды выдаваемые приходскимъ священникамъ, — послѣднюю награду, орденъ св. Владиміра 4-й степени, онъ получилъ въ 1881 году. Въ началѣ 1886 года о. Павелъ, по слабости здоровья, испрашивалъ увольненія за штатъ, но еще занимался нѣкоторыми хозяйственными дѣлами. Въ апрѣлѣ того же года, онъ совершенно непредвидѣнно лишился своей жены. Это лишеніе сильно подѣйствовало на больного отца протоіерея и ускорило его смерть.

Въ болѣзненномъ состояніи онъ неоднократно былъ исповѣданъ и приобщенъ Св. Таинъ; совершенно было надъ нимъ и таинство Елеосвященія.

Въ 6 часовъ вечера 17 мая, надъ ослабѣвшимъ больнымъ былъ прочитанъ соборнымъ священникомъ и духовникомъ, о. Іоанномъ Кассіановымъ, канонъ на исходъ души, а около 3 часовъ утра 18 мая, соборный колоколъ возвѣстивъ паствѣ Старобѣльской о кончинѣ ихъ пастыря, около 40 лѣтъ прослужившаго съ ними — мирно, кротко и незлобиво.

Погребеніе совершено 20 мая мѣстнымъ благочиннымъ съ одиннадцатью священниками, явившимся къ погребенію болѣе по слуху, изъ признательности къ почившему.

Изъ семейства умершаго протоіерея осталось: двѣ дочери совершеннолѣтнія, которымъ по духовному завѣщанію отца и осталось небольшое имущество; старшіе два сына состоятъ присяжными повѣренными въ городѣ Харьковѣ, а младшій — лекаремъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ.

Благочинный священникъ *Николай Шокотовъ*.

11. Мая 79-го дня н. г. скончался, а 21-го погребенъ, мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи 6-ти священниковъ и при многочисленном собраніи народа, Купянскаго уѣзда слоб. Петропавлонки Петропавловской церкви священникъ Александръ Александровичъ Богдановъ, 56 лѣтъ отъ роду. Онъ родился 1830 г. въ Полтавской губерніи отъ еврейскихъ родителей — мѣщанъ; вскорѣ затѣмъ отецъ его умеръ и онъ остался сиротою съ бѣдною матерью, которая и отдала его въ г. Ахтырку, для обученія портняжному ремеслу, къ одному богатому и многосемейному портному еврею-же, на восемь лѣтъ безвозмездной работы. Здѣсь, живя болѣе для посылокъ и побѣгушекъ по разнымъ хозяйскимъ и артельскимъ дѣламъ, нежели для науки, онъ однажды, на десятомъ году жизни, проходилъ мимо соборной церкви, откуда неслись мелодическіе звуки вечерняго церковнаго пѣнія. Въ такомъ юномъ возрастѣ и сиротскомъ положеніи онъ еще не успѣлъ проникнуться фаватическими идеями талмудическихъ лжевѣрій и суевѣрій, а какое-то тайное любопытство съ непреодолимою силою влекло его въ церковь и онъ, робко оглянувшись кругомъ и, не видя на площади никого изъ евреевъ, съ трепетомъ вошелъ во внутрь храма.

Тамъ, по его словамъ, онъ пораженъ былъ великолѣпіемъ внутренняго украшенія церкви и благозвучнымъ пѣніемъ вечерней службы. Чрезъ нѣсколько дней, бѣжавши отъ хозяина въ лавку для нѣкоторыхъ покупокъ

мимо того-же собора утромъ, онъ опять съ такою-же осторожностію зашелъ въ церковь, гдѣ ему еще болѣе понравилось утреннее пѣніе и вся церковная обстановка. Скоро послѣ того, урвавшись отъ хозяина въ тотъ-же храмъ, во время совершенія литургіи, онъ вполнѣ убѣдился въ величіи и превосходствѣ христіанскаго храма и богослуженія предъ шумнымъ и безобразнымъ кагаломъ еврейскимъ въ молельняхъ. Съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ онъ не пошелъ уже въ домъ своего хозяина, а отправился изъ церкви прямо въ домъ протоіерея и настоятеля того собора о. Александра Кустова, который, узнавши о его твердомъ желаніи и рѣшительномъ намѣреніи — принять св. крещеніе и быть, вмѣсто чада заблудшаго израиля, сыномъ православной Церкви, обласкалъ и принялъ его въ свой домъ и свое семейство. Живя здѣсь, Берка скоро изучилъ Символь Вѣры и всѣ нужныя молитвы для принятія крещенія и былъ просвѣщенъ свѣтомъ христіанства. Для болѣе-же систематическаго изученія догматовъ вѣры и правилъ христіанской нравственности, онъ былъ допущенъ въ число учениковъ Ахтырскаго духовнаго училища, гдѣ окончивши курсъ, поступилъ въ Харьковскую духовную семинарію и дошелъ до богословскаго класса, но по независѣвшимъ отъ него случайнымъ обстоятельствамъ не окончилъ полного семинарскаго курса.

По выходѣ изъ семинаріи онъ поступилъ въ домашніе учителя дѣтей одного сельскаго священника о. Ск—аго, въ то же время и самъ занялся изученіемъ богословскихъ предметовъ для полученія священнаго сана. Здѣсь онъ случайно встрѣтился съ бѣдною сиротою духовнаго званія, дѣвцею, за которою по тогдашнему обычаю, было оставлено священническое мѣсто. Для полученія этого мѣста вмѣстѣ съ невѣстою, онъ отправился въ консисторію, выдержалъ экзаменъ и поступилъ во священника на одно изъ бѣднѣйшихъ мѣстъ въ слободу Присянку, Волчанскаго уѣзда. Пробывши здѣсь около 3-хъ лѣтъ, онъ получилъ другое болѣе обеспеченное мѣсто священника въ сл. Владиміровѣ Куцянскаго уѣзда, на которомъ и состоялъ 18 лѣтъ; затѣмъ перемѣненъ въ слободу Петропавловку, въ которой и окончилъ свое многотрудное служеніе Церкви Божіей, отъ болѣзни, начавшейся воспаленіемъ легкихъ и развившейся вслѣдствіе служенія въ холодной церкви и разъѣздовъ по приходу для исполненія пастырскихъ обязанностей въ ненастное время. При жизни о. Александръ успѣлъ выдать въ замужество четырехъ своихъ дочерей, а послѣ него остались жена 54 лѣтъ, сынъ 9 лѣтъ еще не опредѣленный въ духовное училище, и дочь 13 лѣтъ, воспитанница 1 класса Харьковскаго Епархіальнаго училища. Покойный былъ истинный израильтянинъ, въ немъ-же не было никакой лести, ни коварства, ни злопамятства; онъ отличался прямою характера, нестяжательностію и рѣдкимъ гостепріимствомъ. Да будетъ-же, любезный собратъ, миръ праху твоему, и вѣчный покой душѣ твоей.

Священникъ *Николай Василевичъ.*

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ВТОРАЯ КНИГА

ТВОРЕНІИ ИННОКЕНТІЯ,

Митрополита Московскаго.

Цѣна 2 руб. сер.

Вторая книга „Твореній Иннокентія“, митрополита Московскаго содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ описаніе путешествій преосвященнаго по церквамъ Камчатской, Курильской и Алеутской областей, а также записки его о разныхъ предметахъ, касавшихся вѣреннаго ему церкви, представленнаго имъ въ свое время Святѣйшему Синоду.

Описанія путешествій преосвященнаго по церквамъ представляютъ собою его путевые журналы, которые онъ велъ изо дня въ день. При чтеніи ихъ невольно поражается душа тою силою самоотверженной любви христіанской, которая руководила преосвященнаго Иннокентія въ его апостольскихъ подвигахъ. Движимый желаніемъ научить язычниковъ истинной вѣрѣ Христовой, преосвященный Иннокентій пренебрегалъ всеми опасностями и невзгодами, которыя приходилось ему испытывать на этомъ пути. При безконечно-длинныхъ переѣздахъ, которые приходилось ему дѣлать, онъ почти постоянно подвергался холоду, переплывалъ рѣки съ опасностію для жизни, испытывалъ непріятности отъ инородцевъ язычниковъ и т. п.

Его описанія представляютъ такимъ образомъ яркую иллюстрацію той дѣятельности, которая ведется нашими миссіонерами. Только, читая ихъ, каждый можетъ понять всю трудность ихъ апостольскаго подвига.

Но кромѣ этого описанія путешествій преосвященнаго Иннокентія имѣютъ еще и другой интересъ—интересъ этнографическій. Путешествуя среди инородцевъ, преосвященный Иннокентій описывалъ бытъ различныхъ инородцевъ, ихъ нравы и тѣ нравственныя понятія, какія онъ замѣчалъ у нихъ. Несомнѣнно, что этнографія найдетъ въ этихъ описаніяхъ весьма интересный матеріалъ для своихъ изслѣдованій.

По изложенію своему вторая книга „Твореній Иннокентія“ отличается тою же простотою и ясностію, которая замѣчается во всѣхъ произведеніяхъ Иннокентія. Умъ архипастыря ясный и живой, по преимуществу практической, сказывается во всѣхъ отдѣлахъ книги. Въ виду всего этого книга представляетъ интересное и назидательное чтеніе въ особенности для тѣхъ, кто хотѣлъ-бы ближе познакомиться съ распространеніемъ православной вѣры среди инородцевъ язычниковъ.

О первой книгѣ „Твореній Иннокентія“ см. объявл. въ 8 кн., „В. и Р.“ за 1886 г.

Складъ изданія „Твореній Иннокентія“: Странноприимный въ Москвѣ домъ графа Шереметева, что у Сухаревой башни, въ квартирѣ Ивана Платоновича Барсукова, а также можно получать и въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Глазунова и другихъ.

ТАМЪ-ЖЕ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ КНИГУ

Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій

по его сочиненіямъ, письмамъ и разговорамъ современниковъ.

Цѣна 5 р. сер.

Книга эта одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки учебныхъ заведеній и удостоена Императорскою Академіею Наукъ преміи.

Приступлено къ печатанію третьей книги „Твореній Иннокентія“.